

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСЕДНИК

ЖУРНАЛ ТАТАРСТАНСКОЙ МИТРОПОЛИИ

№ 4 (07),
НОЯБРЬ 2017
СПЕЦВЫПУСК

○ **АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ** ЗАСЛУЖЕННОГО ПРОФЕССОРА КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ПЕТРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЗНАМЕНСКОГО (1836–1917)

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ П. В. ЗНАМЕНСКОГО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Митрополит Казанский и Татарстанский
Феофан, председатель
Епископ Альметьевский
и Бугульминский Мефодий
Епископ Чистопольский
и Нижнекамский Пармен
А. М. Елдашев, доцент Казанской право-
славной духовной семинарии
А. В. Журавский, заместитель министра
культуры Российской Федерации
В. П. Козлов, руководитель Националь-
ного архива Республики Татарстан
С. В. Кузнецов, генеральный директор
рекламного агентства «Лориен»
Протоиерей Владимир Самойленко,
секретарь Казанской епархии
В. Ю. Сорокин, директор холдинга
«Связьинвестнефтехим»
Т. И. Сушенцова, председатель Обще-
ства православных литераторов Казани
Д. И. Хафизов, помощник мэра Казани
по вопросам религии и культуры
Протоиерей Алексей Чубаков,
благочинный первого округа Казани

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — игумен Евфимий
(Моисеев)
Заместитель главного редактора —
А. П. Соловьев
Редактор раздела «Хроника митро-
полии» — диакон Димитрий Аликин
Редактор раздела «Молодежное слу-
жение» — Артем Гаранин
Редактор раздела «Социальное
служение» — иеромонах Роман (Модин)
Редактор раздела «История Церкви» —
протоиерей Алексей Колчерин
Редактор раздела «Церковь и обще-
ство» — иерей Александр Ермолин
Редактор раздела «История Казанской
духовной академии» — Н. А. Асеева
Редактор разделов «Православное
богословие» и «Религиозная
философия» — протоиерей Сергей Шкуро
Редактор раздела «Библистика» —
протоиерей Александр Павлов
Ответственный секретарь —
Екатерина Земцева
Выпускающий редактор —
диакон Кирилл Дмитриев
Корректор — Людмила Петухова
Оригинал-макет — Сергей Пивоваров
Фото на обложке:
1-я стр. — П. В. Знаменский (1860-е годы).
Фото из архива И. В. Порфирьевой. Публи-
куется впервые
4-я стр. — Роман Гоголев
Адрес редакции: 420036, Республика
Татарстан, Казань, ул. Челюскина, 31а,
тел. (843) 204-17-34
Верстка, обработка изображений
и доредакционная подготовка —
Издательство Сергея Бузукина
Отпечатано в типографии
ООО «АБАН-Услуги», 420140, Республика
Татарстан, г. Казань, пр. Победы, 78

Подписано в печать 13.11.2017 г.
Дата выхода в свет 20.11.2017 г.
Тираж 1500 экз. Заказ № 004294. Цена свободная.
Журнал возобновлен в мае 2016 года
Журнал «Православный собеседник» зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых коммуни-
каций по Республике Татарстан (Татарстан). Свидетельство
о регистрации ПИ № ТУ16-01518 от 1 ноября 2016 г.
Учредитель Религиозная организация — духовная
образовательная организация высшего образования
«Казанская Православная Духовная Семинария Казанской
епархии Русской Православной Церкви»
Адрес издателя (учредителя): 420036, Республика
Татарстан, г. Казань, ул. Челюскина, 31а
Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

Дорогие читатели!

Вы держите в руках несколько необычный — специальный — выпуск «Православного собеседника». Сегодня на страницах нашего журнала публикуется только один материал — не издававшаяся ранее рукопись профессора П. В. Знаменского «Из моего прошлого. Нечто вроде автобиографических записок».

На протяжении 2017 года мы публиковали много материалов, посвященных профессору Знаменскому, в связи с тем что в этом году исполнилось 100 лет со дня его кончины. Много говорилось и о том, что Знаменский для Казанской духовной академии — больше, чем просто профессор, больше, чем просто ученый — пусть и самый выдающийся. Он был не только замечательным историком, но и сам был человеком-историей, человеком-легендой. При изучении его биографии не покидает чувство, что Знаменский был неким Ангелом-хранителем академии: сменялись ректоры и инспекторы, приходили и уходили профессора и преподаватели, поступали и выпускались студенты, издавались научные журналы и ученые труды, а Знаменский на протяжении более 50 лет с вниманием профессионального историка тщательно фиксировал все события жизни академии, даже те, которые казались современникам мало значительными и о которых вроде бы не принято было писать.

Но когда 2 (15) мая 1917 года сам Знаменский ушел из этой жизни, то — хотите верьте, хотите нет, — спустя

совсем немного времени ушла в вечность и некогда славная Императорская Казанская духовная академия, как будто без своего многолетнего труженика она больше не могла существовать.

Можно сказать без всякого преувеличения, что публикуемый ныне материал — уникальный, поскольку раскрывает ранее неизвестные страницы жизни П. В. Знаменского, а именно годы его детства и учебы в Нижегородском духовном училище и Нижегородской духовной семинарии. И хотя в этих записках нет ни слова о собственно казанском периоде его жизни, мы прекрасно понимаем, что именно детство является тем временем, когда формируется личность, характер и в какой-то степени даже научные устремления человека.

Этот выпуск журнала выходит в преддверии значительных событий в жизни Татарстанской митрополии: Актового дня Казанской православной духовной семинарии (21 ноября) и ее традиционной конференции «Богословие и светские науки» (21–22 ноября), а также III Форума православной общественности Татарстана (24 ноября).

Надеюсь, что знакомство с неизвестными ранее страницами жизни П. В. Знаменского позволит нашим читателям получить более глубокое и цельное представление о жизненном пути великого историка Русской Церкви. ✚

Игумен Евфимий,
главный редактор журнала
«Православный собеседник»

«Тут я узрел свет Божий...»

Игумен Евфимий (Моисеев), первый проректор КазПДС;

Н. А. Ерундов, преподаватель КазПДС

Об автобиографическом труде заслуженного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского

В связи с исполнившимся в 2017 году 100-летием со дня кончины Петра Васильевича Знаменского научное наследие этого замечательного ученого вновь вызывает пристальное внимание со стороны всех, кто интересуется отечественной церковной историей. Знаменский был выдающимся исследователем истории Русской Церкви, им опубликован ряд монографий и множество исследований исторических статей, которые до сих пор сохраняют большое значение для исторической науки.

подавляющее большинство трудов этого историка давно и хорошо известно специалистам, однако, как выясняется, до сих пор не все произведения Знаменского увидели свет. Так, до последнего времени оставалась неопубликованной его автобиографическая работа «Из моего прошлого. Нечто вроде автобиографических записок».

Можно назвать сразу несколько причин, по которым эта работа до сих пор не публиковалась. Она была написана накануне революционных событий, которые перевернули весь уклад русской жизни и надолго отодвинули интерес к изучению истории духовного образования на периферию научных интересов историков. Однако и после того как в 90-е годы XX века стала возрождаться церковная наука, этот важный для исследования биографии Знаменского текст долго не публиковался. Причиной этому было отсутствие в Казани специалистов, способных разобрать трудночитаемый почерк профессора.

Эта задача была решена при помощи специалистов из текстологической группы Петрозаводского университета под руководством кандидата филологических наук Н. И. Соболева.

Рукопись этого, к сожалению, неоконченного и последнего сочинения П. В. Знаменского хранится в его фонде в Национальном архиве Республики Татарстан (ф. 36, оп. 2, д. 6.). В архив эту рукопись передала в 2002 году внучка профессора Ивана Михайловича Покровского — Ольга Викторовна Троепольская. Как известно, еще при жизни профессор Знаменский завещал весь свой архив И. М. Покровскому. В некрологе Знаменского мы читаем: «Рукописные сокровища Петра Васильевича: его лекции, ненапечатанные статьи, переписка с разными лицами, автобиографические записки и прочее передано в распоряжение профессору Ивану Михайловичу Покровскому»¹. Среди личных бумаг историка была и эта рукопись, которая более 80 лет хранилась в семье Покровского.

Рукопись «Автобиографии» состоит из 54 листов, каждый из которых имеет размер 35,5 × 22 см. Листы светло-желтоватого цвета с широкой полосой для помет. Вся рукопись выполнена одними чернилами. Что касается стиля написания, то, как нельзя лучше, его характеризует профессор

¹ Покровский И. М. К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского // Православный собеседник. 2017. № 2 (05). С. 42.

Покровский, отмечая, что «П. В. Знаменский никогда не отдавал в переписку своих литературных творений, но переписывал все собственноручно, своим бисерным, но четким, оригинальным почерком»². Текст рукописи содержит многочисленные исправления и дополнения, имеется даже план дома на Ковалихинской улице в Нижнем Новгороде, где Знаменский провел свои детские и юношеские годы (л. 4 об.). Текст рукописи завершается припиской, сделанной И. М. Покровским: «Петр Васильевич Знаменский скончался 2-го мая 1917 г. по с/с.» (л. 54 об.).

«Автобиография» не имеет точной датировки, Покровский пишет, что «Петр Васильевич оставил учено-литературную работу только тогда, когда перо перестало держаться в его ослабевшей руке, исписавшей тысячи листов писчей бумаги. Последним литературно-художественным произведением Петра Васильевича является, к сожалению,

не законченная его автобиография, доведенная только до философского класса его обучения в Нижегородской Семинарии. Рука отказалась держать перо...»³.

Из приведенной цитаты можно сделать вывод, что «Автобиография» была начата Знаменским незадолго до смерти — возможно, в начале 1917 года. Один и тот же почерк, одни и те же чернила, одна и та же бумага говорят в пользу того, что этот фрагмент автобиографии был написан в достаточно короткий срок, однако срок этот не может быть слишком малым, так как наличие исправлений и пометок предполагает определенную работу над текстом.

Не совсем ясным остается повод к написанию текста. Казанский краевед Борис Куницын предполагает, что Знаменский написал свои воспоминания с тем, чтобы в будущем передать их родной Нижегородской семинарии, так как получил в свое

² Там же.

³ Там же.

время от нее просьбу поделиться своими воспоминаниями о годах его обучения в ней⁴.

Жизненный путь Знаменского можно условно разделить на два этапа: нижегородский (1836–1856) и казанский (1856–1917). Автобиографические воспоминания охватывают первый — нижегородский — период жизни профессора, и события в них доведены до философского класса его обучения в Нижегородской семинарии. Автор достаточно подробно описывает свои детские и юношеские годы, проведенные в Нижнем Новгороде и Арзамасе. С большой любовью дает характеристики своим родителям, многочисленным родственникам; описывает нрав и характер своей бабушки — Анны Михайловны, которая сыграла определяющую роль в его воспитании и пробудила в нем глубокий интерес к истории. Знаменский вспоминает своего дядю и крестного — Ивана Андреевича, мастера по части изготовления воздушных змеев, деревянных мельниц, макетов различных храмов и театральных сцен, который повлиял на развитие в молодом человеке художественного вкуса. Именно благодаря крестному любовь к живописи Знаменский сохранил на всю жизнь.

«Автобиография» содержит описания различных детских забав, которым предавался юный Знаменский со своими друзьями: это и купание в Волге, и жонглирование, и хождение с балансиrom по забору, и кукольные представления в самодельном театре, в котором он был и автором, и режиссером, и актером.

Пишет Знаменский и о временах учебы в Нижегородском духовном училище (1846–1850) и Нижегородской духовной семинарии (1850–1856), о своих учителях, которые дали ему начальные знания, привили любовь к наукам, сформировали его характер — и это несмотря на все тяготы бурсацкой жизни! С особой благодарностью вспоминает Знаменский своих наставников: преподавателя латыни архимандрита Паисия (Понятовского)⁵,

⁴ Кунцын Б. М. Молодые годы П. В. Знаменского по его автобиографическим заметкам // Нижегородская старина. 2014. № 39–40. С. 45.

⁵ Архимандрит Паисий (в миру Пётр Лукич Михайлов (Понятовский); 1800–1879). Сын диакона Луки Михайлова, получил первое образование в приходском училище для детей духовного звания в Новохоперске, где его прозвали за смывленность Понятовским. Это прозвище осталось за ним на всю жизнь. В 1827 г. окончил Киевскую духовную академию и был направлен в Нижегородскую духовную семинарию на должность преподавателя словесности и французского языка; с 1828 г. — профессор, с 1842 г. — инспектор и в 1857–1858 гг. — ректор. Кроме этого, управлял Оранским (с 1852 г.) и Благовещенским монастырями. Более 20 лет был в Нижегородской семинарии библиотекарем (1831–1852). В 1859 г. назначен наместником в Густынский Троицкий монастырь Полтавской епархии. Скончался 13 июня 1879 г. после продолжительной болезни в Густынском Троицком монастыре.

преподавателя риторики А. Н. Крылова⁶, преподавателя алгебры К. И. Миловидова⁷. Первые два наставника познакомили Знаменского с риторическими и стилистическими приемами на примерах лучших произведений литературы, результатом чего стал особый, неповторимый стиль сочинений Знаменского, которым так восхищались его современники. Что касается математика Миловидова, то он придавал большое значение топографическим съемкам на местности. Эти знания пригодились Знаменскому впоследствии в процессе проектирования и строительства его казанского дома.

Тяжелая болезнь и кончина Знаменского, последовавшая 2 мая 1917 года, не позволили завершить ученому начатый им труд. «Как жаль, — пишет И. М. Покровский, — что мы теперь лишены возможности иметь полную автобиографию великого литературного художника»⁸. Мы действительно уже не узнаем каких-либо подробностей казанского периода его жизни, во время которого Знаменский не только сформировался как ученый и педагог, но и стал выдающимся историком, получившим признание как в России, так и далеко за ее пределами.

Известно, что характер человека формируется в первые годы его жизни. Поэтому сохранившиеся бесценные сведения П. В. Знаменского о начальном периоде его жизни, его детстве, отрочестве и юности, многое говорят о формировании личности этого выдающегося ученого и замечательного человека. Будем надеяться, что публикация этого ранее известного только узкому кругу специалистов текста станет тем посильным вкладом, который нынешняя Казанская духовная семинария может внести в изучение жизненного пути одного из выдающихся профессоров славной Императорской Казанской духовной академии. ✚

⁶ Крылов Александр Андреевич — выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1851 г.), магистр богословия, преподаватель риторики Нижегородской духовной семинарии (с 1851 г.).

⁷ Миловидов Константин Иванович — протоиерей, выпускник Киевской духовной академии (1841 г.), магистр богословия, преподаватель алгебры в Нижегородской духовной семинарии (1841–1850 гг.), председатель совета при Нижегородском епархиальном женском училище (с 1866 г.).

⁸ Покровский И. М. К кончине заслуженного ординарного профессора Казанской духовной академии Петра Васильевича Знаменского // Православный собеседник. 2017. № 2 (05). С. 31.

Принципы публикации

Тест печатается по рукописи:

Национальный архив Республики Татарстан, ф. 36 (П. В. Знаменского), оп. 2, д. 6. Рукопись пронумерована сотрудниками НАРТ полистно — всего 55 л.

Заглавие «Изъ моего прошлаго. Нѣчто вродѣ автобіографическихъ записокъ». Не датирована. Черновой автограф. Написана чернилами на согнутых вдвое и сложенных в тетради больших листах писчей бумаги (тетради не прошиты). Листы пронумерованы автором полистно: 3–54, лист 30 пронумерован дважды. На л. 5 рукой П. В. Знаменского изображен план, подписанный «Ковалихинская улица», на л. 15 запись неустановленного лица, сделанная карандашом, «Ульяновъ <?> Р. А. 1885 г.», на л. 54 об. запись чернилами: «Петр Васильевич Знаменский скончался 2-го мая 1917 г. от с/с. <старого стиля> И. Покров.<ский><?>». Текст имеет один слой авторской правки. Л. 30 состоит из двух склеенных частей — результат авторедактирования. Сохранность рукописи: на лл. 3–15 об., 25, 27, 44–45 об., 52–53 об. — пятна неизвестного происхождения. На л. 37 — чернильные пятна.

Правила оформления авторской правки черновики П. В. Знаменского:

- Текст воспроизводится в соответствии с современным режимом правописания, с сохранением авторской пунктуации. Вариантные написания унифицируются.
- В основном тексте восстанавливается последний слой правки.
- Все слои правок, кроме последнего, восстанавливаются в сносках.
- Сноски делаются постранично под арабскими цифрами.
- Внутри сноска используются значки [...] — для вычеркнутого текста, /.../ — для вписанного. Значок ~ применяется, если нужно обозначить пропуск текста.
- Подчеркнутое в тексте слово выделяется курсивом. Подчеркнутое дважды слово поясняется в сноске.
- Неразобранный текст обозначается <нрзб.> в основном тексте.
- Несколько сносок к одному слову объединяются в одну.
- Зачеркнутые элементы в сноске оформляются формулами: Далее было: ... (если к зачеркнутому элементу нет варианта); Вместо: ... — было: ... (если к зачеркнутому элементу есть вариант).

- Вместо: ... — было: а. ... б. ... в. ... (если к зачеркнутому элементу есть несколько вариантов).
- Разрозненные записи в тексте или на полях воспроизводятся в сноске с пометой — разрозненные записи.
- Глоссы воспроизводятся в сноске, оформляются формулами:
Рядом с текстом: на полях помета: ...
Справа (слева и т. д.) на полях наброски: ...
- Маргиналии воспроизводятся в сноске, оформляются формулой: На полях справа (слева и т. д.) запись, не относящаяся к тексту: ...
- Перенесение текста с одной страницы на другую с помощью помет комментируется в сноске: ... записано на предыдущей странице, восстановлено, согласно помете Знаменского.
- Ошибочное написание исправляется в основном тексте, в сноске комментируется: В рукописи ошибочно: ...
- Авторские окказионализмы, деформации орфографической нормы комментируются в сносках: Так в рукописи.
- Из двух равноправных незачеркнутых вариантов выбирается вписанный, в сноске дается комментарий: Далее был незачеркнутый вариант: ...
- Вычеркнутый элемент, но необходимый для понимания целого, оставляется в основном тексте в угловых редакторских скобках.
- Незаконченное предложение комментируется в сноске: Предложение не закончено П. В. Знаменским.

Подготовка текста к изданию:

- Расшифровка, научное редактирование — доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики ПетрГУ Н. И. Соболев; специалисты Текстологической группы ПетрГУ В. В. Кондратьева, О. В. Кондратьева.
- Современные фото Нижнего Новгорода — Р. А. Гоголев, шеф-редактор издательства «Деком» (Нижний Новгород).

ВАРВАРСКАЯ УЛИЦА. НИЖНИЙ НОВГОРОД.
(3-й ЛИСТ РУКОПИСИ)

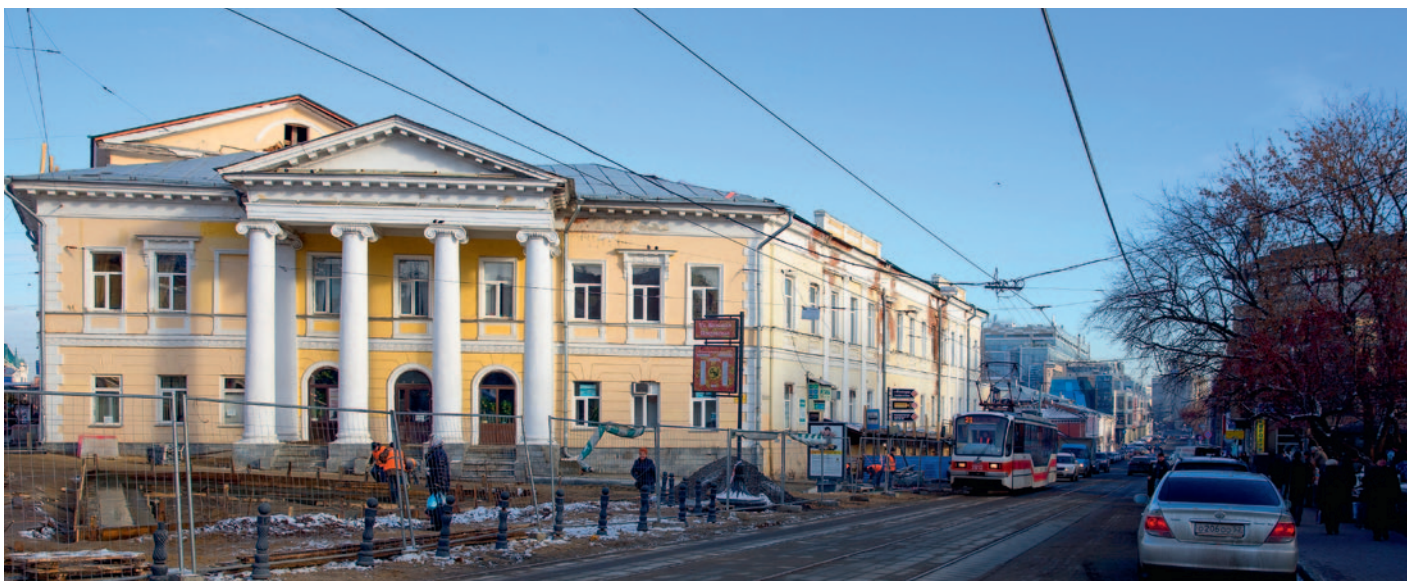
ВАРВАРСКАЯ И КОВАЛЕВИХИНСКАЯ УЛИЦЫ.
НИЖНИЙ НОВГОРОД. (3-й ЛИСТ РУКОПИСИ)

**ВИД НА УЛИЦУ КОВАЛЕВИХИНСКУЮ ОТ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ С УЛИЦЕЙ
ВАРВАРСКОЙ.** НИЖНИЙ НОВГОРОД. (3-й ЛИСТ РУКОПИСИ)

**ВИД НА ПЕРЕКРЕСТОК УЛИЦ КОВАЛЕВИХИНСКОЙ (СПРАВА)
И ВАРВАРСКОЙ.** НИЖНИЙ НОВГОРОД. (3-й ЛИСТ РУКОПИСИ)

**ЗДАНИЕ ДВОРЯНСКОГО СОБРАНИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
БОЛЬШОЙ ПОКРОВСКОЙ И ДВОРЯНСКОЙ. ВИД В НАПРАВЛЕНИИ
ВАРВАРСКОЙ УЛИЦЫ.** (ОБОРОТ 3-ГО ЛИСТА РУКОПИСИ)

ПЕРЕКРЕСТОК УЛИЦ КОВАЛЕВИХИНСКОЙ И НЕСТЕРОВА (БЫВШЕЙ БОЛЬНИЧНОЙ). НИЖНИЙ НОВГОРОД
НА МЕСТЕ ЗДАНИЯ «БАНКА МОСКВЫ» РАНЕЕ СТОЯЛ ДОМ, ОПИСАННЫЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
(ОБОРОТ 4-ГО ЛИСТА РУКОПИСИ)

ПЕРЕКРЕСТОК УЛИЦ КОВАЛЕВИХИНСКОЙ И НЕСТЕРОВА (БЫВШЕЙ БОЛЬНИЧНОЙ).
НИЖНИЙ НОВГОРОД. МЕСТО, ГДЕ СТОЯЛ ДОМ П. В. ЗНАМЕНСКОГО. (ОБОРОТ 4-ГО ЛИСТА РУКОПИСИ)

ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ.
НИЖНИЙ НОВГОРОД. (5-Й ЛИСТ РУКОПИСИ)

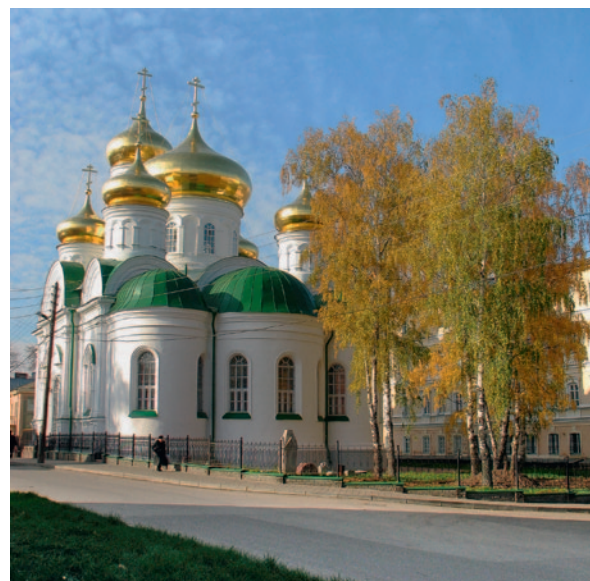
ПЕРЕКРЕСТОК УЛИЦ ВАРВАРСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ (БЫВШЕЙ ДВОРЯНСКОЙ).
НИЖНИЙ НОВГОРОД. НА ЭТОМ МЕСТЕ СТОЯЛА ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СЯТОЙ ВЕЛИКО-
МУЧЕНИЦЫ ВАРВАРЫ. (5-Й ЛИСТ РУКОПИСИ)

**ЦЕРКОВЬ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» И СВЯТЫХ ЖЕН
МИРОНОСИЦ. НИЖНИЙ НОВГОРОД. (9-Й ЛИСТ РУКОПИСИ)**

**ВИД НА УЛИЦУ ОКТЯБРЬСКУЮ (БЫВШУЮ ДВОРЯНСКУЮ). НИЖНИЙ НОВГОРОД.
(29-Й ЛИСТ РУКОПИСИ)**

**ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО НА СЕРГИЕВСКОЙ
УЛИЦЕ. НИЖНИЙ НОВГОРОД. (29-Й ЛИСТ РУКОПИСИ)**

**СОВРЕМЕННЫЙ ВИД НА ЦЕРКОВЬ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ»
И СВЯТЫХ ЖЕН МИРОНОСИЦ С ЛЫКОВОЙ ДАМБЫ. НИЖНИЙ НОВГОРОД. (3-Й ЛИСТ РУКОПИСИ)**

**ЗДАНИЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ, НЫНЕ УЧЕБНЫЙ КОРПУС НИЖЕГОРОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ КОЗЬМЫ МИНИНА.
НИЖНИЙ НОВГОРОД, ПЛОЩАДЬ МИНИНА И ПОЖАРСКОГО, РАНЕЕ — СЕМИНАРСКАЯ. (36-Й ЛИСТ РУКОПИСИ)**

Редакция журнала благодарит проректора по учебной и научной работе Нижегородской духовной семинарии Семикопова Даниила Викторовича за предоставление фотографий Нижнего Новгорода XIX — начала XX в., а также шеф-редактора издательства «Декон» Гоголева Романа Александровича за фотографии современного вида мест, упоминаемых в автобиографии П. В. Знаменского.

Из моего прошлого

Нечто вроде автобиографических записок

П. В. ЗНАМЕНСКИЙ.
ФОТО ИЗ АРХИВА О. В. ТРОПОЛЬСКОЙ

Есть в Нижнем Новгороде улица Ковалиха, или Ковалихинская [1], названная так потому, что на ней когда-то жили при своих кузницах ковалы [2]. Несколько старых кузниц стояло¹ на площади по Мартыновской улице [3] еще и на моей памяти. Ковалиху знают все нижегородцы, но едва ли многие из них знают теперь, что по ней протекает речка Ковалиха [4], начинающаяся от Черного пруда [5] и оканчивающаяся в подгородном селе Высокове. Она спрятана теперь под мостовой, но до 1850-х годов, когда не было еще никаких мостовых на улицах вроде Ковалихинской, она свободно текла по самой середине улицы в неглубокой канаве, которая местами то суживалась до размеров бабьего прыжка, то расширялась до размеров почтенного болота, так что ее нужно было переходить вброд, сняв обувь и засучив штаны или поднявши подол до колена. Против мелочных лавочек со всякими жизненными припасами и кабаков через нее были перекинuty мостики, против первых в одну доску, а против последних в несколько досок.

В самом начале улицы по Варварке [6] через овраг, проходивший до самого Черного пруда, был перекинут большой деревянный² мост на сваях, по обе стороны которого шли в Ковалиху отвратительные спуски, едва проходимые для пешеходов и крайне трудные для конных. Они прямо вели в широкое болото, по одну сторону³ которого прямо из тины выступали заборы, а по другую почти на середину болота

¹ Вместо: стояло — было: к

² деревянный вписано.

³ В рукописи ошибочно: стороны

КОВАЛИХИНСКАЯ УЛИЦА.
НИЖНИЙ НОВГОРОД

выдвигались какие-то две⁴ утлые избенки, совсем загораживая прямую дорогу в Ковалиху. Они давно были назначены на слом, но стояли благополучно многие годы, потому что в них ютились какие-то⁵ нищие солдатки, особы привилегированные, с необычайно громкими голосами и не боявшиеся никаких властей. На краю моста близ Варварской церкви [7] всегда стояла большая полосатая будка, а у дверей ее на страх врагам общественного спокойствия стоял чередной будочник в низком кивере [8] с медным лбом и с огромной алебардой [9] в руках, не смея шагу сойти с своего поста, что бы ни происходило перед его глазами. Другой его товарищ в это время мирно молот в будке нюхательный табак над корчагой [10], в которой и морил этот табак, подливая в него что-то неподобное. Это был главный промысел всех будочников, а потому и этот свободный блюститель всяких порядков тоже не отрывался от своего занятия, за исключением только самых крайних надобностей. Промысел этот⁶ был небезвыгоден, потому что нюханье табаку было, можно сказать, обязательно

// л. 3

для всякого мало-мальски солидного человека. А так как все будочники были непременно из евреев, то о забористом и вкусном табаке глав-

ные его потребители из духовных лиц обыкновенно говорили, что он пахнет Израилем... Немудрено, что жившие под мостом обывательницы не боялись даже и этого ближайшего начальства. Когда у них происходили случайные столкновения с этим начальством, они поднимали такой звонкий протест, так грозно и решительно размахивали руками, делая ими угрожающие и посягающие, приличные и совсем неприличные жесты, что пораженный неприятель вынуждался немедленно начать отступление и спастись на свои высоты.

Значение речки Ковалихи было разное, смотря по временам года, неблагоприятное весной и осенью, благотворное летом. В весенний разлив она представляла собою бурный и грязный поток во всю ширину улицы, заливавший и на более низкие дворы, потоплявший даже погреба и нижние, подземные этажи при⁷ некоторых домах или, как они назывались, подклеты. Обыватели таких несчастных домов всякого пола и возраста по целым дням бродили тогда в холодной воде с метлами и лопатами, стараясь отвести от себя потоп, копали канавки, делали плотины, направляли воду⁸ метлами на середину улицы. Но усилия их редко увенчивались успехом, — вода неудержимо рвалась в окна подклетов и в конце концов прорывалась в них целым водопадом. Тогда на-

⁴ две вписано.

⁵ Далее было: ста

⁶ Вместо: этот — было: их

⁷ при вписано.

⁸ воду вписано.

ЧЕРНЫЙ ПРУД.
НИЖНИЙ НОВГОРОД.
ФОТО М. П. ДМИТРИЕВА

чиналась новая суeta для спасения кадушек, скамеек, корчаг, горшков, корыт и пр., — в подклетах устраивались⁹ обыкновенно кухни или, как они назывались на местном жаргоне, стряпушие. Со временем разлив оканчивался, воду из стряпуших выливали ведрами в ту же реку, расставляли в сыром еще помещении всякий кухонный скарб и среди стряпуших занятий совсем забывали прошедшую мимо беду до следующей весны, когда снова наступал потоп и повторялась та же борьба с рекой Ковалихой. Летом для ограждения от нее не предпринимали ничего, не устраивали ни насыпей, ни канавок, ни тротуаров; последних вовсе не было по всей улице, если не считать разных камешков и дощечек, брошенных чьей-то благотельной рукой на особенно рискованных для пешехода местах или на переходах в лавочку и в кабак.

⁹ Так в рукописи.

Но зато летом река Ковалиха была просто угодем для всех обитателей ее берегов. Она напрочь избавляла их от всяких расходов на помойные ямы. По утрам, когда в стряпуших кипела самая оживленная деятельность, только и видно было, как то из одних, то из других ворот выбегали местные дамы с высоко подоткнутыми подолами, таща в руках ведра, лохани, корыта с кухонными отбросами и все вообще лишнее в доме и все выливали¹⁰ в Ковалиху. И чего-чего только

// л. 3 об.

там не было! Молодое поколение ковалихинцев постоянно рылось там, отыскивая, что кому было нужно для игры или каких-нибудь практических потребностей, лоскутки, белые и цветные бумажки, бечевки, мочало¹¹ и нитки для пускания змей, кости, стекла, железо и проч. проч. В засуху

¹⁰ В рукописи ошибочно: вылили

¹¹ мочало вписано.

река запруживалась целыми кучами всякого добра, но прольет бывало дождичек, и все эти кучи речной поток унесет в село Высоково на удобрение огородов и на поживу деревенским ребятам, пользовавшимся из него уже остатками от более прихотливых городских ребят. — Кроме этого, река доставляла пыльной улице приятную, за исключением, конечно, чувства обоняния, свежесть и необыкновенное удовольствие юному поколению, не знавшему еще пока употребления обуви и панталон. Оно живмя жило в ее тинистых струях, плескалось, а после хорошего дождя, выбрав место поглубже, даже иногда и купалось в ней с головой, сняв рубашонки, тайком от строгих матерей, которым, наконец, уже и надоедало выводить у ребят разные лишаи, парши и чесотки. Даже осенью, когда вода была значительно прохладна, какой-нибудь маленький Костыка с подружкой детства Настькой все еще¹² бродили по лужам, загннув рубашки по пояс, синие от холода, предпринимая иногда очень оригинальные средства, чтобы согреться. «Настька, — кричит наприм<ер> Костыка. — Давай поспим <?> немножко, — теплее будет», и оба приводят свой проект в немедленное исполнение.

Разливы реки бывали и летом во время дождей. Она выступала из берегов. Вся пыль, накопившаяся в засуху на пол-аршина глубины, разводилась в непролазную грязь, через которую нужно было пробираться или босиком, или в охотничьих сапогах, и притом цепляясь за углы домов и заборы. С гор, с обеих сторон улицы, текли целые водопады, унося с собой потоки жидкой грязи и сливаясь с главной рекой. Интересно бы видеть, как стало бы в подобные времена производиться по улице движение экипажей. Но экипажей никаких не было во всей Ковалихе, — это была страна исключительно пеших обывателей. Только изредка проезжали по ней ломовые лошади и крестьянские¹³, да иногда проедет телега с пареной¹⁴ грушей и избойной [11]. Хозяин ее обыкновенно кричал нараспев на всю улицу: «Эй, груши пареной, избойны маковой! Эй, тащи, ребята, чугун, железо, кость, хрусталь». На этот крик со всех сторон бежали ребята, таща действительно то, что требовалось для усладительной для них меновой торговли, добывая предметы мены из своей благодетельной реки или тихонько ворую их у своих домашних. Железо в виде гвоздей некоторыми добывалось даже¹⁵ из ветхих

// л. 4

¹² Вместо: еще — было: у

¹³ Вместо: ломовые лошади и крестьянские, — было: крестьянские подводы с

¹⁴ Вместо: пареной — было: пр

¹⁵ даже вписано.

ВАРВАРСКАЯ УЛИЦА.
НИЖНИЙ НОВГОРОД

крыш и заборов. Продавец оделял покупателей ягодами пареной груши или кусочками избойны в таком малом количестве, что нечем было и облизнуться, и ребята долго с ним торговались и спорили, крича на всю улицу.

Наш чувствительный поэт восклицает в Хрестоматии: «О, родина святая! Чье сердце не дрожит, тебя вспоминая?» [12] Как же мне не воспевать пространно всю Ковалиху с ее благодетельной рекой? Ведь это моя родина. Тут я узрел свет Божий; в этом Ковалихинском овраге провел я всю мою раннюю¹⁶ молодость, дышал его воздухом, воспитывался его родными нравами и впечатлениями, месил его родную грязь и пыль, плавал в его реке, жил одною жизнью с его ребятами и юношами, и только уже к периоду возмужалости, и то случайно, привелось мне из него, по выражению хохлов, кое-как выдраться [13], оставить на всю остальную жизнь даже и самый Нижний Новгород.

На углу Ковалихинской и Больничной улиц и теперь стоит небольшой деревянный на каменном нижнем этаже дом в три окна на Ковалиху и четыре на Больничную улицы, принадлежащий какому-то мастеровому. Вот это и есть моя родина. В это время, когда он принадлежал моему роду-племени, он имел несколько иной вид. Величина его была та же самая, — около 3 сажень по лицу и 4 с боковой стороны, с пристроенной к нему сзади, через холодные сени, особой теплой горницей. Но под ним еще не было нижнего каменного этажа, а был т<а>к называемый подклет [14], очень низкий, выступавший над поверхностью земли всего четверти на 3 аршина и освещаемый маленькими поперечными¹⁷ окнами в два стекла в аршин шири-

¹⁶ раннюю вписано.

¹⁷ поперечными вписано.

**ЗВЕЗДИНСКИЙ ПРУД
И РЕКА КОВАЛИХА.**
НИЖНИЙ НОВГОРОД

ны и вершков 6 вышины, проделанными¹⁸ снаружи вровень с землею, а внутри под самым потолком подклета. Подклет этот (вм. «подклеть») испытывал все невзгоды ковалихинского наводнения по¹⁹ веснам. В него прямо со двора вела крутая лестница вниз, освещаемая отворенной на двор наружной дверью сеней. Сам он разделялся перегородками на три части, — стряпущую и две комнатки²⁰ жилых. В центре его стояла большая старинного устройства кухонная печь, служившая и²¹ для приготовления пищи на целый дом, и для отопления всего подклета, и для спанья²², на ней можно было свободно уложить около двух с половиной, а с некоторой экономией места и трех человек, не воз-

растных даже и больше. В верхнем этаже над нею высилась тоже почтенных размеров старинная же голландская печь для отопления всего этажа, за исключением маленькой боковушки, отделенной от глав-

// л. 4 об.

ного помещения капитальной стеной с дверью, и задней горницы, у которых были особые печи.

В прежнее время при доме был еще деревянный же небольшой флигель из двух комнат — стряпущей и жилой, отопляемых одной кухонной печью. При доме и флигеле были еще большие холодные сени. Поперек дворика сзади его стоял длинный крепкий сарай для дров и всякого дворового хлама. Сбоку его были общий для всех жильцов погреб, амбар и курятник. Все постройки были из старинного соснового леса, какого уже теперь нет на свете, и крыты тесом [15] по здоровенному лубу [16]. Достоинство этого леса можно оценить и теперь; он совершенно свеж и крепок, как кость,

¹⁸ проделанными *вписано*.

¹⁹ по *вписано*.

²⁰ Далее было: для постояльц

²¹ и *вписано*.

²² Далее было: желающим обывателям

хотя дому этому теперь уже около²³ ста лет. Даже тесовые крыши не поправлялись и удовлетворяли своему назначению более 50 лет, пока не заменены были впоследствии²⁴ железными. Внутри такой же старинной прочностью отличались печи, не требовавшие никакого крупного ремонта лет 30 и более.

Сзади сарая остальное место усадьбы занимал небольшой садик с шестью яблонями, кустами черной смородины и сирени и с грядками цветника перед двумя окнами задней горницы. В одном углу садика стояла баня, необходимая тогда принадлежность почти всех ковалихинских домов, а за ней пристроена была²⁵ стекольчатая беседка. Сбоку флигеля по лицевому фасаду был еще уголок, слывший под именем палисадник, с одной березой, двумя липами, осиной и черемухой. Вот и все принадлежности моего родного жилища. Для ясности прилагаю восстановленный мною по памяти план всего места со всеми постройками и внутренним расположением комнат, обозначая капитальные стены и переборки линиями разной толщины²⁶.

Дом этот принадлежал моей бабушке Анне Михайловне Знаменской, вдовой диаконице [17] Варварской церкви. Несмотря на невысокое, по-видимому, ее²⁷ иерархическое²⁸ положение, она была в свое время известна всей нижегородской епархии вследствие чрезвычайной обширности²⁹ ее родственных отношений к разным городским и сельским священно- и церковнослужителям и еще потому, что, пока она была в силах, она успела выкормить и вырастить в своем подклете целую плеяду семинаристов, и родных и чужих, которые потом сами сделались священно- или церковнослужителями и уносили с собой на места своего³⁰ служения большею³¹ частью прекрасное и благодарное об ней воспоминание³². Когда им потом случалось бывать в городе, они всегда заезжали к почтенной Анне Михайловне, а некоторые даже и оставались у нее. Дом ее был постоянным притоном [18] разных приезжих духовных лиц. Одной заезжей родни, — и то было не перечить. Отлично знало ее и все семинарское начальство. Знал даже сам архиерей Иоанн Доброзраков³³ [19] (бывший

**ЦЕРКОВЬ ВО ИМЯ СЯКОЙ
ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ
ВАРВАРЫ.
НИЖНИЙ НОВГОРОД**

после архиепископом Новочеркасским), нижегород родом, учившийся потом³⁴ вместе с ее братом в Петербургской академии

// л. 5

и приходившийся ей даже как-то сродни. Сестра его бывала в нашем доме в гостях. Если не ошибаюсь, ее звали Дарья Степановна.

Я помню эту бабушку еще не старой женщиной, лет под 50, прекрасно сохранившейся, свежей и здоровой. Она родилась в декабре 2 числа³⁵ 1794³⁶ года³⁷. Это была женщина небольшого роста, коренастая, с темно-русыми волосами, которые она прятала под старинной головкой, какие носили тогда почти все солидные духовные дамы, купчихи и³⁸ более важные мещанки. Лицо у нее было правильное, овальное, с большим римским носом, тонкими губами, несколько выдающимся подбородком, ясными³⁹ и сильными серыми глазами, взгляд который не терял своей ясности и силы до глубокой старости. Движения ее были быстры и решительны; она никогда не говорила: я схожу, я⁴⁰ пойду, а всегда: я сбегаю, и действительно постоянно почти бегала, а не ходила. Голос у нее был высокое и звонкое сопрано, разговор быстрый⁴¹, громкий, по тону⁴² немного бранчивый и с резким произношением на о. В выражениях не стеснялась ни перед кем, называя все вещи и нравственные качества⁴³ лю-

²³ Вместо: около — было: более

²⁴ Вместо: впоследствии — было: <нрзб.>

²⁵ была вписано.

²⁶ Справа на полях план дома.

²⁷ ее вписано.

²⁸ Далее было: свое

²⁹ Вместо: чрезвычайной обширности — было: многочисленности

³⁰ Вместо: своего — было: своих

³¹ Вместо: большею — было: большую

³² Далее было: Ее знало все семинарское на

³³ Вместо: Доброзраков — было: , б

³⁴ потом вписано.

³⁵ декабре 2 числа, вписано.

³⁶ Вместо: 1794 — было: 1795

³⁷ Вместо: года — было: году

³⁸ Далее было: богатые

³⁹ ясными вписано.

⁴⁰ я вписано.

⁴¹ быстрый, вписано.

⁴² по тону вписано.

⁴³ Вместо: нравственные качества — было: качества нравственные

**АРХИЕПИСКОП ИОАНН
(ДОБРОЗРАКОВ)**

дей настоящим именем, как бы оно ни было рискованно⁴⁴. Нрава была она горячего, быстро воспламеняющегося, но так же быстро отходчивого. Вспыхнет, накричит своим звонким и высоким⁴⁵ сопрано на всю Ковалиху, наговорит человеку разных горьких истин, припомнит все грехи и его, и всей его родни по восходящей и боковым линиям, потом остынет и опять говорит с обиженным прежним тоном, как будто ничего не бывало. Зло она помнила как-то исторически, как некоторые любопытные обстоятельства, о которых можно при случае рассказать, пожалуй, кольнуть ими кого следовало, но сердца на это зло не держала.

Она была очень талантлива от природы, обладала быстрым соображением и громадной памятью. Освободившись от ежедневных хозяйственных хлопот, по вечерам она любила почитать. Грамоте⁴⁶ она знала с детства, умела писать старинным четким почерком XVIII века и писала довольно складно. Любознательность ее была так обширна, что ее можно было назвать вполне ученой дамой, особенно для ее времени. Почти каждый вечер надевала она на нос свои большие медные очки с тесьмой на затылке и упражнялась в литературе; но рукоделиями мало занималась и только⁴⁷ по необходимости зашивала дыры и клала многочисленные заплатки на белье и одежде своих семейных. Чтение было большею частью духовное, хотя она не гнушалась и светской литературой, читала старинные повести вроде «Лолота и Фанфан [20]», романы Жанли⁴⁸ [21], сочинения Карамзина и пр. По духовному образованию могла заткнуть за пояс любого о. иерея. Библию знала чуть не наизусть. Когда ее внуки или жившие у нее семинаристы, сочиняя какие-нибудь семинарские диссертации, за-

// л. 5 об.

труднялись в приискании нужного текста Св. Писания, они⁴⁹ часто обращались за помощью к Анне Михайловне, и она сейчас же отыскивала этот текст или по большой Елизаветинской Библии⁵⁰ или по малой⁵¹ издания Библейского Общества, которые постоянно читала, или же по крайней мере указывала, где найти этот текст примерно пространно рассказывая, что о данном предмете говорится в такой-то и такой-то книгах, по такому-то поводу и так-то. — После Библии специально

ее была церковная история, которую она изучила по житиям святых. Чтение Библии постоянно чередовалось у нее с чтением Четиих Миней, Пролога и Печерского Патерика; все эти книги большого формата in folio в здоровых кожаных переплетах с деревянными досками и медными застешками⁵² имелись в ее собственной библиотеке. Замечательно, что в житиях она усваивала не только биографии и подвиги святых, как все благочестивые читатели этого рода произведений, но и чисто историческое их⁵³ содержание. Так она, напр<имер>, знала всех римских и византийских императоров, имевших отношение к церкви, и последовательность церковно-исторических событий, хотя и без точных хронологических показаний. Чтение происходило иногда вслух среди семейного кружка, и она искусно комментировала прочитанное, приводила аналогичные или⁵⁴ синхронистические⁵⁵ факты и кстати рассказывала их, рисуя недурные картины изображенного в житии времени. Это было настоящее церковно-⁵⁶историческое знание в пределах, конечно, указанных⁵⁷ источников.

Однажды бабушка отличилась своими церковно-историческими познаниями пред архиереем и соборянами Нижнего Новгорода. Не знаю, при каком это было архиерее, вероятно при Иоанне Доброзракове, к приезду которого нынешний собор только что был отстроен. Новоприезжий архиерей, он ли или преемник его Иаков [22], в сопровождении соборян⁵⁸ осматривал собор и между прочим его стенное расписание. По стенам кругом всего храма⁵⁹, к<а>к известно, изображены вселенские соборы. Икона⁶⁰ IV Собора, на которой в самой середине на первом плане⁶¹ написан открытый гроб св. жены, особенно заинтересовала преосвященного, и он спросил, какая это святая возлежит во гробе и почему гроб этот явился на соборе отцов. Церковную историю в то время изучали в духовных школах плоховато, и никто не мог удовлетворить любопытство архиерея. Вдруг, откуда ни возьмись, выступила из толпы присутствовавшего тут народа Анна Михайловна, — по своей впечатлительности и бойкости она не выдержала и вмешалась в разговор. «Да это, Ваше Преосвященство, мощи св. Евфимии Прехвальной [23]. В раку ее православные

⁴⁴ Далее было: Она была очень талантлива, обладала быстрым соображением и громадной памятью. С детства еще выучилась читать и писать старинным почерком XVIII века.

⁴⁵ звонким и высоким *вписано*.

⁴⁶ Так в рукописи.

⁴⁷ Далее было: за

⁴⁸ Далее было: Радклиф

⁴⁹ Далее было: постоянно

⁵⁰ Библии *вписано*.

⁵¹ Далее было: Библиям

⁵² с деревянными досками и медными застешками *вписано*.

⁵³ их *вписано*.

⁵⁴ Далее было *вписано*: современные

⁵⁵ или синхронистические *вписано*.

⁵⁶ церковно- *вписано*.

⁵⁷ Вместо: указанных — было: его

⁵⁸ в сопровождении соборян *вписано*.

⁵⁹ Далее было: были

⁶⁰ Вместо: Икона — было: Изображение

⁶¹ Далее было: помещен

и еретики положили свои хартии с исповеданиями веры для того, чтобы она решила их спор, и запечатали. Потом трое суток молились ей и через три дня распечатали раку. Хартия⁶² православных очутилась в правой руке мученицы, а еретическая в ногах». Архиерей изумился: «Да ты кто такая?» — спрашивает. «А я, — говорит бабушка, — вдовая <В>арварская дьяконица Анна Знаменская». — «А откуда ты все это знаешь?» — «Из Четиих Миней, Ваше Преосвященство. Еще батюшка

// л. 6

покойник Михаил Федорович, когда я выучилась читать, так давал мне эти книги. При покойном Андрее Ивановиче с хозяйством да с родами мало приводилось этим заниматься. Теперь вот, как дети немного подросли, чаще читаю», — и пошла докладывать про все свои домашние обстоятельства, так что архиерей не мог всего и переслушать. Словоохотливая была⁶³ дама.

Мороковала [24] Анна Михайловна даже по такой редкой тогда между духовными женщинами науке, как арифметика. Она знала четыре правила арифметики и учила им своих внучат. Где она ей выучилась, не знаю, вероятно, около своих сыновей⁶⁴, когда они учились в училище, или у постояльцев-семинаристов. Понимала она и дроби, но производить с ними арифметические действия отказывалась. «Чего не знаю, так уже и не знаю», — скажет, бывало, и разведет руками. Вычислением на щетах⁶⁵ занималась постоянно при всех хозяйственных покупках и расходах.

В ее личности⁶⁶, впрочем, не было ничего похожего на современных книжных дам, не способных ни к каким практическим занятиям и плохих хозяек. Она была совершенно практическая женщина, несмотря на свою книжную любознательность. Она была большая говорунья, не⁶⁷ любила быть одна, всегда около нее были люди из родни и чужих, с которыми она болтала без умолку обо всем, что попадало на язык⁶⁸, без всякой сдержки и утайки. Она сама говорила про себя, что у нее что на уме, то и на языке. Громадная память ее вмещала в себе страшное количество имен и событий с самыми мельчайшими подробностями, хотя она постоянно жаловалась на то, что ей Бог памяти не дал⁶⁹. Каждый почти рассказ начинался у нее обыкновенными оговорками: «Дай Бог память!.. За-

бываю я все теперь... Вот памяти-то у меня нет» и т. п.; и затем начинала рассказывать такие подробности, рисуя, как романистка, место события, действующих лиц, кто как был одет, где стоял, сидел⁷⁰, каким голосом говорил, с какими присловьями, изображая все так живо, картинно, как будто все⁷¹ это сейчас только случилось. Рассказы о событиях недавнего времени она на<чи>нала неизменным «во сешну пору», вроде: во время оно⁷².

От нее я узнал многое о нашем роде. Она рассказывала об нем не только то, что сама видела, но и то, что ей рассказывали о дедах и прадедах своих даже ее собственные тетушки и бабушки. Она любознательно запоминала все сообщавшиеся⁷³ ими сведения и все «дела минувших дней хранила в памяти своей». Свой собственный род, в точности зная, какой дедушка или прадедушка сколько лет жил, она⁷⁴ доводила ни мало ни много до царствования Михаила Феодоровича; — представители его были все лица духовные, иереи, диаконы и небольшое число причетников [25]. Крайне сожалею, что мои записи, составленные с ее слов, пропали после⁷⁵ моего отъезда из Нижнего в Казанскую академию. Помню только, что несколько ближайших моих родичей по женской бабушкиной линии связано с селом Константиновым близ Нижнего. Помню один⁷⁶ романический рас-

// л. 6 об.

сказ об одном из прадедов⁷⁷, который был причетником в с. Константинове в конце царствования Екатерины II и при Павле I⁷⁸. Он был еще очень молодым человеком, холост и жил с своей матерью. В селе был староста-колдун и богатый мужик, страх и трепет для всех односельчан, не исключая и духовенства. У него была красавица-дочка. Бедный причетник на грех и влюбись⁷⁹ в нее, да так крепко, что и жить без нее не мог⁸⁰. Она тоже его любила за его кротость, мягкий нрав и за то, что он казался ей таким тихим да радостным. Но гордый и суровый отец ее и слышать не хотел о таком женихе, и когда молодой человек заслал сватов, то прогнал их от себя, грубо насмеявшись и над ними, и особенно над женихом. После этого

⁷⁰ где стоял, сидел *вписано*.

⁷¹ все *вписано*.

⁷² Текст: Рассказы о событиях недавнего времени – во время оно. — *вписан слева на полях*.

⁷³ Вместо: сообщавшиеся — было: их сообщаемые

⁷⁴ Далее было: успевала

⁷⁵ Вместо: после — было: пр

⁷⁶ Вместо: один — было: <нрзб.>

⁷⁷ Вместо: прадедов — было: дедов

⁷⁸ и при Павле I *вписано*.

⁷⁹ Вместо: влюбись — было: влюбил

⁸⁰ Вместо: мог — было: может

⁶² Хартия *вписано*.

⁶³ Далее было: старушка

⁶⁴ Вместо: сыновей — было: детей

⁶⁵ Так *в рукописи*.

⁶⁶ Вместо: ее личности — было: ней

⁶⁷ не *вписано*.

⁶⁸ Далее было: даже

⁶⁹ Далее было: При

он поспешил выдать дочь за какого-то городского коммерсанта, мелочного лавочника, чтобы не баловалась, сидючи в девках. И стал наш причетник грустить да чахнуть день ото дня все более и более. Ходит да все думает, почти ничего не ест и не спит. Приписывая это порче злого старосты, мать его не раз ходила к этому лихому человеку с покорением [26] и слезными просьбами, чтобы он снял с ее единственного сына напущенную порчу. Но староста только еще больше грозил и ругался. Кончилось тем, что несчастный влюбленный вдруг пропал без вести. Мать его долго его искала понапрасну и⁸¹ по духовному, и по военному ведомству. Думали, что он попал под разбор лишних и безместных духовных молодых людей, при Павле Петровиче тяжко налегший на духовенство. Только уже много лет спустя, когда старушка⁸² была просвирней [27] в своем селе, у нее остановился⁸³ раз⁸⁴ отпускной солдат-суворовец и рассказал ей про какого-то своего товарища, умершего в сражении на его руках. Товарищ этот был из Нижегородских краев, и имя его сходилось с именем пропавшего причетника. С тех пор старушка стала поминать своего сына⁸⁵ за упокой.

Отец Анны Михайловны Михаил Федорович Певницкий⁸⁶ был человек в свое время известный и зажиточный. Он был сын константиновского причетника и в молодости⁸⁷ сам служил пономарем⁸⁸ в с. Константинове, женился здесь на некоей Пелагее Яковлевне, потом около 1794 г.⁸⁹ перешел в Нижний на пономарское же⁹⁰ место при Вознесенской церкви. В этом году и родилась у него дочь Анна, но где, в Константинове ли или уже в Нижнем, неизвестно. Когда понадобилось для нее метрическое свидетельство, его не могли найти ни там, ни здесь, так что законность ее бытия на земле и родоприсхождения пришлось основывать только на ревизских сказках [28] Вознесенской церкви, в которых за 28 мая 1795 года она записана была при отце имеющей от роду полгода. В начале 1810-х годов по документам выводим Михаила Федоровича уже священником нижегородской Троицкой церкви⁹¹. Скончался от холеры в 1830 го-

ду⁹². Это был серьезный и деловитый старец, уважаемый во всем городе. Он не получил, кажется⁹³, никакого образования смолоду⁹⁴, но,

// л. 7

благодаря своей любознательности и большим природным дарованиям, успел восполнить этот недостаток самообразованием. Дочь его, очень похожая на него лицом, была полной наследницей его талантов. У него была даже собственная библиотека большею частью из духовных книг, перешедшая потом к дочери и внукам⁹⁵. Я помню из этой библиотеки, кроме Библии, Псалтирей, Н. Завета, Симфонии на Св. Писания, богослуж⁹⁶ебных книг⁹⁶, Четиих Миней и Печерского Патерика, несколько томов старых изданий св. Отцов, И. Злотоустого, Василия Великого⁹⁷, Амвросия Медиоланского, Григория Богослова, творений веры <?> И. Дамаскина, книги⁹⁸ И. Лествичника, Макария Египетского, Ефрема Сирина, аввы Дорофея, Игнатия Богоносца, творения⁹⁹ Димитрия Ростовского, слова Ириней Фальковского [29], «Прав<ославное> Исповедание» П. Могилы, «Добротолюбие», Кормчая, слова Ильи Минятия [30], Иннокентия Пензенского [31], Леванды [32], Филарета¹⁰⁰, и несколько других собраний проповедей¹⁰¹, сочинения¹⁰² митр<ополиита> Платона 20 томов [33], «Камень Веры» Яворского [34], «Розыск»¹⁰³ [35], «Жезл Правления» [36], «Пращица»¹⁰⁴ [37], сочинения против раскола Никифора Феотоки [38], «Путешествия» Барского [39], полное издание «Христианского Чтения» до 1831 г.¹⁰⁵, которое он выписывал, «Изъяснение¹⁰⁶ литургии» Димитровского и др. Было в этой библиотеке довольно и светских книг, напри<м>ер «Мессиада» Клопштока [40], «Потерянный и возвращенный»¹⁰⁷ рай» Мильтона [41] (в русских переводах), «Песни» Оссиана [42], Похо-

⁸¹ и *вписано*.

⁸² *Вместо: старушка — было: она*

⁸³ *Вместо: остановился — было: останавливался*

⁸⁴ *раз вписано*.

⁸⁵ *Вместо: своего сына — было: его*

⁸⁶ *Певницкий вписано*.

⁸⁷ *в молодости вписано*.

⁸⁸ *Вместо: пономарем — было: причетником*

⁸⁹ *около 1794 г. вписано*.

⁹⁰ *же вписано*.

⁹¹ *Далее было: Потом он был при ней протоиереем*.

⁹² *Далее было: Обр*

⁹³ *кажется, вписано*.

⁹⁴ *Вместо: смолоду — было: в детстве*

⁹⁵ *и внукам вписано*.

⁹⁶ *Библии, Псалтирей, Н. Завета, Симфонии на Св. Писания, богослуж⁹⁶ебных книг, вписано*.

⁹⁷ *Василия Великого, вписано*.

⁹⁸ *Вместо: книги — было: сочинения*

⁹⁹ *творения вписано*.

¹⁰⁰ *Иннокентия Пензенского, Леванды, Филарета, вписано*.

¹⁰¹ *Текст: несколько томов старых изданий св. Отцов ~ и несколько других собраний проповедей — вписан слева на полях*.

¹⁰² *Вместо: сочинения — было: сочинений*

¹⁰³ *Розыск, вписано*.

¹⁰⁴ *Пращица, вписано*.

¹⁰⁵ *до 1831 г вписано*.

¹⁰⁶ *Вместо: Изъяснение — было: Объяснение*

¹⁰⁷ *и возвращенный вписано*.

ждения графа Вальмонта [43], «Всеобщий Памятник событий» в 12 частях [44], «Церковная история» Иннокентия, Жизнь Кутузова, Суворова, анекдоты о Петре П. [45], Стихотворения Сумарокова [46], «Петриады»¹⁰⁸ [47], Исторический словарь, «Всеобщая история», изд.¹⁰⁹ 1817 <?> г., География¹¹⁰, какие-то старые романы с оборванными началами и концами, — нечто вроде г-жи Жанлиз, «Письмовник» Курганова [48], «Дух Законов» Монтескье [49], календари с предсказаниями и мн<огое> др<угое>. Замечательна была во владении бабушки огромная коллекция мистических книг XVIII и начала XIX столетий, унаследованная ею, вероятно, тоже от отца. Некоторые из них я сам читал потом, учась в семинарии, напр<имер> «Таинство Креста» [50], «Божественную философию» [51] и полное собрание сочинений г-жи Гион [52]. Помню, что эти книги считались запрещенными и страшными, были утаены при отобрании их¹¹¹ у всех владельцев в начале царствования Николая I и хранились у нас в большом секрете в сундуке, стоявшем на чердаке.

Сундук этот и самый чердак хранили разные другие предметы — реликвии нашего прадеда. Вместе с книгами в сундуке лежали обломки каких-то машин, медные витые трубы и сосуды для перегонки вина, какие-то ящички и посудины непонятного назначения. По рассказам бабушки, прадед был великий проказник и брался за разные дела политехнического свойства. Между прочим он был любитель икон и картин и состоял в близком знакомстве с одним известным тогда в Нижнем художником по фамилии, если не ошибаюсь, <Веденчукин>, которому делал несколько заказов. До сих пор в семействе моего покойного брата хранится работа этого художника большой крест (в аршин и $\frac{3}{4}$)¹¹² с распятым Спасителем и предстоящими Богоматерью и ап. Иоанном. Фигуры выписаны на жести и украшены серебряными венцами¹¹³, а самый крест, равно как и большой кивот, в котором он поставлен с фигурами, из красного дерева. Было еще несколько¹¹⁴ икон (Богоматери) на полотне в величину обыкновенного портрета, 6 икон архангелов на меди для дверец створного кивота с образами в переднем углу прадедовой залы, две ико-

// л. 7 об.

ны на стекле — св. Троицы и Спасителя. Первая особенно мне нравилась по исполнению и сюже-

ту. Она была небольшая, вершка в три; Бог Отец изображен был на ней в виде светлого седовласого старца, на коленях его Сын в виде отрока с масличной ветвью в руке, которую Он посылает с руки Отца белого голубя — Св. Духа; вся картина облита золотистым светом. Все эти картины-иконы теперь куда-то пропали в бытность мою в академии, — вероятно, увезены в Балахну священником — дядей Стефаном Андреевичем, у которого в то время жила бабушка после продажи дома нашему семейству. Помню я еще две небольшие картины на жести¹¹⁵,¹¹⁶ выдававшиеся у нас за портреты Ермака и кн. Пожарского, тоже замечательно художественной работы, и поясной¹¹⁷ портрет самого прадеда в натуральную величину. Он выглядел довольно суровым седым старцем с большим орлиным носом, нависшими бровями и сильными серыми глазами. Маленьким я его побаивался. В 50-х годах¹¹⁸ бабушке пришлось его реставрировать, потому что от времени он почернел и стал линять, и от линянья красок все яснее и яснее стал выступать из-под рясы прадеда¹¹⁹ военный мундир. Художник написал его на каком-то старом портрете. Портрет этот тоже куда-то пропал без вести.

От Михаила Ф<едоровича> бабушка, а потом отчасти и наше семейство, наследовала разные вещи по¹²⁰ обстановке дома. Меблировка была не столько богатая, сколько основательная. Помню я два здоровых дивана или софы и тяжелые стулья с лирами на спинках, все обиты по войлоку коричневой, от времени совсем почерневшей кожей, несколько столов, между прочим письменный стол из соснового дерева с раздвижной доской и множеством явных и тайных ящичков, бывший потом во владении моего отца, пара оригинальных книжных шкафов, состоящих из поставленных один на другой сосновых ящичков в одну полку с откидными досками¹²¹, и большие стенные часы недельного завода в сосновом же футляре красного цвета, похожим на стоячий гроб. Особенно любопытен был сохранившийся от Мих<аила> Ф<едоровича> небольшой продолговатый дубовый ящик с выдвинутой верхней крышкой, шириной вершк<а> в 2 $\frac{1}{2}$ и длиной четверти в 2, разделенный внутри на 3 неравные части перегородками. По семейному преданию, прадед держал в нем деньги: в одном большом отде-

¹¹⁵ Над строкой вписано: портрет нижегородского архиепископа Моисея (Морева),

¹¹⁶ Далее было: якобы

¹¹⁷ поясной вписано.

¹¹⁸ В 50-х годах вписано.

¹¹⁹ Далее было: какой-то

¹²⁰ Вместо: по — было: <нрзб.>

¹²¹ Текст: пара оригинальных книжных шкафов, состоящих из поставленных один на другой сосновых ящичков в одну полку с откидными досками, — вписан справа на полях.

¹⁰⁸ Петриады, вписано.

¹⁰⁹ изд. вписано.

¹¹⁰ Текст: Всеобщий Памятник событий в 12 частях — География — вписан слева на полях.

¹¹¹ Далее было: в

¹¹² (в аршин и $\frac{3}{4}$) вписано.

¹¹³ и украшены серебряными венцами вписано.

¹¹⁴ Над строкой вписано: две или три

лении, занимавшем более половины ящика, лежала у него медь, в другом, поменьше, — серебро, а третьем, еще поменьше, — золото. Человек он был, как видно из этого, довольно богатый, особенно если взять во внимание тогдашнюю редкость денег среди духовенства, жившего больше натуральным, чем денежным хозяйством.

Детей у него было, кажется, всего две персоны: дочь¹²² Анна и сын

// л. 8

Иван Михайлович, родившийся в 1798 г., звезда и гордость семейства. Блистательно кончив в Нижегородской¹²³ семинарии только половину двухгодичного богословского курса, он был послан на казенный счет в Петербургскую академию, где тоже обнаружил особенные успехи. Он кончил здесь¹²⁴ курс в 1819 г.¹²⁵ еще очень молодым, всего 21 года, чему очень тогда дивились в академической конференции, и притом со степенью магистра¹²⁶. С 1821 по 1823 г. он состоял при академии бакалавром философии, потом (в сентябре)¹²⁷ принял сан священства и был послан на служение¹²⁸ за границу к православной церкви над гробом королевы Вюртембергской Екатерины Павловны в Ротенберге близ Штутгарта. Он оставался в Штутгарте и при новой королеве Ольге Николаевне. В 1836 г. он поместил в Ж<урнал> Мин<истерства> Нар<одного> Просв<ещения> статью «О состоянии учебной части в Вюртембергском королевстве», а в 1840 напечатал в Петербурге сочинение свое «О необходимости добрых дел ко спасению»¹²⁹. Только уже¹³⁰ под старость в январе 1852 г.¹³¹ он успел воротиться в Россию и умер в 1863¹³² году придворным протоиереем¹³³. Бабушка Анна¹³⁴ постоянно поминала его с любовью, много об нем говорила¹³⁵ и считала его своим благодетелем. Когда она овдо-

вела, он отказался в пользу ее от своего магистерского оклада в 100 р. сер. в год. Бабушка получала этот оклад из нижегородской семинарии, куда и являлась каждый почти месяц вместе с преподавателями семинарии к эконому в день получения ими жалованья. Ее все уже там знали и называли бабушкой-магистром. Этот магистерский оклад был для нее и ее семейства самым главным источником содержания до самой смерти Ивана Михайловича. Наследства после отца ненадолго хватило ей при ее многочисленном семействе.

Замуж она вышла очень рано, всего по 14 году¹³⁶, и начала производить ребят чуть не каждый год, три раза даже по двойни. В первый¹³⁷ же год она¹³⁸ родила двоих мальчиков, кажется, Петра и Павла. Она сама любила рассказывать, как тогда была еще глупа, совсем девчонка. Даже в куклы еще играла, когда не было дома мужа, которому это было неприятно. Она считала его тогда стариком, — он был старше ее на 10 лет, — и немного его побаивалась. В минуты доброго расположения он брал ее на руки и ходил с нею по комнате. Когда она родила первых близнецов, она смотрела на них, как на кукол¹³⁹. «Лягу, бывало, навзничь, рассказывала она, а матушка-свекровь обложит ребятишек-то по обе стороны меня к груди. Они меня сосут, а я-то помираю со смеху, хохочу. Уж очень это мне казалось смешно. А матушка-свекровь смотрит-смотрит на меня, да и сама расхохочется: экая, говорит, ты дура». Близнецы эти скоро умерли, но следующие дети почти все оставались живы и составили очень многолюдное семейство... Но прежде о супруге Анны Михайловны, нашем деде. Это был Андрей Иванович Знаменский, диакон нижегородской Варварской церкви, в приходе которой состоял и дом Знаменских, выстроенный вскоре после свадьбы Анны Михайловны, вероятно, не без содействия ее отца.

Бабушка мало рассказывала о своем муже, хотя по-видимому была очень к нему привязана. Он был человек, судя по ее словам¹⁴⁰, добрый, слегка выпивал¹⁴¹, но ничем особенным не выдавался, кроме разве своей довольно¹⁴² красивой наружности, даже голосу дьяконского не имел. Немного¹⁴³ свидетельствует об его талантах и то, что, при всем

¹²² Вместо: дочь — было: бабушка

¹²³ Вместо: в Нижегородской — было: курс городской

¹²⁴ Вместо: Он кончил здесь — было: и кончил курс

¹²⁵ Вместо: в 1819 г. — было: в

¹²⁶ Далее было: Вскоре он

¹²⁷ Текст: С 1821 по 1823 г. он состоял при академии бакалавром философии, потом (в сентябре) — *вписан слева на полях и над строкой.*

¹²⁸ Далее было: при вел. кн. Александре Павловне в Штутгардт, где и служил много лет.

¹²⁹ Текст: за границу к православной церкви ~ «О необходимости добрых дел ко спасению». — *вписан между строк и слева на полях.*

¹³⁰ уже вписано.

¹³¹ Вместо: старость в январе 1852 г. — было: конец жизни

¹³² Вместо: 1863 — было: а. 1868 б. в 1863?

¹³³ Над строкой вписано: (церкви Зимнего дворца)

¹³⁴ Далее было: так и не видала его с самого отъезда его за границу, но всегда

¹³⁵ много об нем говорила *вписано.*

¹³⁶ Вместо: по 14 году — было: 14 лет

¹³⁷ Далее было: раз

¹³⁸ Далее было: как раз

¹³⁹ Текст: Даже в куклы еще играла ~ она смотрела на них, как на кукол. — *вписан слева на полях.*

¹⁴⁰ Далее было: кроткий и

¹⁴¹ слегка выпивал, *вписано.*

¹⁴² довольно *вписано.*

¹⁴³ Далее было: гово

тогдашнем безлюдье среди¹⁴⁴ духовенства, он так и не пошел дальше дьяконства. Я ничего не могу сказать об нем определенного; представляю себе только его наружность, и то по наружности своего¹⁴⁵ отца, теток¹⁴⁶ и дядей, которые будто бы все были

// л. 8 об.

на него более или менее похожи. Был у бабушки его портрет, но закоптевший, почерневший до крайности. Куда-то он после девался, вероятно, тоже в Балахну, как и портрет Михаила Федоровича. Я чуть его помню. На этом портрете Андрей Иванович изображен был¹⁴⁷ смуглым брюнетом с веселыми черными глазами, умеренно¹⁴⁸ продолговатым носом и большой черной бородой.

Интереснее¹⁴⁹ были рассказы бабушки о роде Андрея Ивановича, следовательно, о нашем роде Знаменских по мужской линии. На основании рассказов старших родственников и родственниц о годах кончины и продолжительности жизни членов это-

го рода бабушка доводила его до начала XVIII века и даже до конца XVII.

Первым из этих предков наших, о котором слышала Анна Михайловна, является протоиерей Мироносицкой или Знаменской церкви Нижнего Новгорода Иоанн (умерший в 1758 году 60 лет от роду). У него было два сына: Андрей, бывший потом преемником своего отца по церковному месту и дослужившийся тоже до протоиерейства (умер в 1794¹⁵⁰ году 70 лет), и Иларион (1720–1793), — этот пошел по торговой части и¹⁵¹ приписался к мещанам, вероятно, вследствие которого-нибудь из разборов духовенства в XVIII столетии. От первого сына и произошел род Знаменских, получивший свою фамилию от церкви, а от второго¹⁵² мещанско-купеческий род Протопоповых, получивший прозвище от сана своего родоначальника. За этим¹⁵³ Протопоповским родом я не следил, да и бабушка его не знала, так как эта линия давно уже отделилась от первой и, кажется, скоро пресеклась¹⁵⁴. Известно только, что у Илариона Ивановича

**ЦЕРКОВЬ В ЧЕСТЬ
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
«ЗНАМЕНИЕ» И СВЯТЫХ
ЖЕН МИРОНОСИЦ.
НИЖНИЙ НОВГОРОД**

¹⁴⁴ Вместо: среди — было: , он не

¹⁴⁵ Вместо: наружности своего — было: своему

¹⁴⁶ теток вписано.

¹⁴⁷ Далее было: полным

¹⁴⁸ умеренно вписано.

¹⁴⁹ Далее было: является

¹⁵⁰ Вместо: 1794 — было: 1793

¹⁵¹ Вместо: и — было: будучи

¹⁵² Далее было: большой

¹⁵³ Вместо: этим — было: последним

¹⁵⁴ Вместо: кажется скоро пресеклась — было: зажила особенной жизнью

**ПЕРВЫЕ РИСУНКИ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.**
ВЫПОЛНЕННЫ МЕЛОМ
И САЖЕЙ

ча было три сына: Иван, взятый в солдаты, Алексей и Михаил¹⁵⁵ — торговцы. Последний особенно был памятен роду Знаменских. В 1824 или 25 году он помер и оставил после себя наследство, состоявшее в двух деревянных домах в самом Нижнем, в двух каменных лавках на Нижнем базаре и в 5 деревянных лавках в табачном ряду. Права на это¹⁵⁶ наследство¹⁵⁷ почему-то, вероятно за неимением ближайших наследников, перешли в линию двоюродных братьев Знаменских и были утверждены за ними решением городского магистрата. Наследников оказалось очень много, а самое наследство довольно спорным. Два дома и каменная лавка были чисты от посторонних претензий и были поделены, но 5¹⁵⁸ деревянных лавок попали в руки какого-то мещанина Алексеева и были назначе-

ны к продаже с аукциона за его долги. Из-за этого возникло дело, которое пришлось вести за¹⁵⁹ всех наследников деду, диакону¹⁶⁰ Андрею Ивановичу, мужу Анны Михайловны¹⁶¹; потом оно перешло и к его сыновьям, — моему отцу и дядям. К этому делу присоединились еще споры наследников о разделе бесспорного имущества и арендных денег с лавок. В детстве, я помню¹⁶², у нас очень много было толков об этом наследстве, которых я, конечно, вовсе не понимал, не понимаю и теперь.

// л. 9

Обращаюсь к линии рода Знаменских. У протоиерея Андрея Ивановича было три сына: Стефан (1758–1794), пошедший по светской службе, Василий (1759–1790), бывший священником в с. Мухине Семеновского уезда (дочь его Марья была за-

¹⁵⁵ и Михаил *вписано*.

¹⁵⁶ Права на это *вписано*.

¹⁵⁷ Далее было: это

¹⁵⁸ 5 *вписано*.

¹⁵⁹ Вместо: за — было: де

¹⁶⁰ диакону *вписано*.

¹⁶¹ мужу Анны Михайловны *вписано*.

¹⁶² Далее было: очень

мужем за протоиереем Прудентовым, а вну^чка от нее Анна — за протоиереем Афиновым, — людьми в свое время¹⁶³ весьма видными среди нижегородского духовенства), и Иоанн Андреевич (1760–1801), бывший преемником отца при Мироносицкой-Знаменской церкви, наш предок. Сначала при отце он был священником, т^ак к^ак церковь была соборная, потом сам сделался протоиереем. Как на особенность в этом духовном семействе, бабушка указывала на то, что о. Иоанн был женат на дочери ямщика Александра Голузова Евдокии Александровне. Сын этого Иоанна, Андрей Иванович, и был мужем Анны Михайловны (родился в 1785 г.). Так к^ак он попал почему-то не в преемники своего отца, а в диаконы Варварской церкви, то на нем и пресекся преемственный род Знаменских-протоиереев: Иоанна, Андрея Иоанновича и¹⁶⁴ Иоанна Андреевича.

Семейство Андрея Ивановича, в которое попала Анна Михайловна, было большое, и все¹⁶⁵ состояло из лиц¹⁶⁶ женского пола, из сестер Андрея Ивановича, единственного сына своего отца. Их было 5: Екатерина (1780–1844¹⁶⁷), бывшая замужем за священником с. Гордеевки, близ ярмарки, о. Михаилом, Ирина (1783–1857)¹⁶⁸, в замужестве бывшая за Варварским священником, Марья (1787–1851¹⁶⁹), в замужестве бывшая за священником с. Хрипунова о. Феодором, Елизавета (1790¹⁷⁰–1857), попадья Суруловская, и Анна (1795–1837¹⁷¹), бывшая за священником Городца о. Андреем. Значит, золовок у бабушки было вдоволь — было с кем поругаться. Особенно сильные несогласия были у нее с Ириной Ивановной, которая была попадшей той же Варварской церкви, при которой служил и Андрей Иванович. Прочие золовки жили¹⁷² на своих местах и приезжали в дом Знаменских только на время. В начале 1820-х годов Ирина Ивановна, к великому для нее несчастью, овдовела и должна была поселиться горькою, бездетною вдовицей (дети ее все помирали в детстве) у брата, как раз под начало главной хозяйки¹⁷³ Анны Михайловны. Судьба ее была очень печальная.

Несмотря на многолюдство родни, частые ссоры и разности в характерах, все члены этого рода жили очень сплоченно. Кто-то сравнил духов-

ные роды с грибовными кучами. Как ни тесно разрастается иная грибовная куча, все особи ее крепко сплочены между собою на одном корневище, хоть и теснят друг друга; даже увядший гриб не выпадает из кучи, а так среди нее и высохнет. Нужно было послушать старших членов семьи¹⁷⁴ Знаменских, чтобы понять, как тут крепки были узы рода. Бабушка подробно знала все комбинации родства до самых отдаленных степеней¹⁷⁵, какой член рода когда родился, женился, сколько народил народу и в какие годы, где и

// л. 9 об.

**ПЕРВЫЕ РИСУНКИ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
ВЫПОЛНЕННЫ МЕЛОМ
И САЖЕЙ**

¹⁶³ в свое время *вписано*.

¹⁶⁴ Вместо: и — была запятая.

¹⁶⁵ все *вписано*.

¹⁶⁶ лиц *вписано*.

¹⁶⁷ Вместо: 1844 — было: 1846

¹⁶⁸ Над строкой *вписано*: <нрзб.>

¹⁶⁹ Вместо: 1851 — было: 1850

¹⁷⁰ Вместо: 1790 — было: 1780

¹⁷¹ Вместо: 1837 — было: 1838

¹⁷² Далее было: при

¹⁷³ Вместо: главной хозяйки — было: <нрзб.>

¹⁷⁴ Вместо: семьи — было: рода

¹⁷⁵ до самых отдаленных степеней *вписано*.

«В ОТЧЕМ ДОМЕ».
КАРТИНА П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
МАЛЬЧИК СЛЕВА В ДЛИННОМ
ПАЛЬТО, ПО ВСЕЙ
ВЕРОЯТНОСТИ, АВТОПОРТРЕТ
ХУДОЖНИКА.
ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

на каком положении состоит, когда кто помер и проч. Дом Знаменских в улице Ковалихе был притоном всяких приезжавших в Нижний родственников близких и дальних степеней и потому¹⁷⁶ постоянно был полон гостей¹⁷⁷. Не «взвезать» сюда родному человеку, а остановиться где-нибудь на постоялом дворе было бы явным знаком ссоры, неудовольствия, преступною изменой роду-племени. Все эти гости жили здесь, сколько им было надобно по делам, призывавшим их в Нижний, обедали и ужинали за одним семейным столом, спали обыкновенно на полу, подстелив под себя свои дорожные постели, — тогда ездили в дорогу не так, как ныне, налегке, а всегда со множеством подушек, с одеялами и с ворохом разной¹⁷⁸ одежды. Особенно много приезжих было во время ярмарки, на которой духовные семейства из уездов закупали себе обыкновенно чаю

¹⁷⁶ потому *вписано*.

¹⁷⁷ Вместо: гостей — было: гостями

¹⁷⁸ Вместо: ворохом разной — было: разным скарбом

и сахару на весь год, а также разные материалы для одежды, и еще¹⁷⁹ после летнего учебного ваката. Перед началом учебного года посещали Знаменских и не одни родные, а всякие мало-мальски знакомые духовные лица, привозившие в училища и в семинарию своих детей. Когда бабушка овдовела и стала держать у себя на квартире учеников училища и семинарий, у нее перебивало столько духовных отцов с ребятами, что она знала наперечет чуть не всю Нижегородскую епархию, так как слыла хорошей и радельной хозяйкой ребят. Некоторые гости привозили с собою разные гостинцы: масла, грибов, ягод, муки, круп, — это было отплатой с их стороны за гостеприимство, стоившее хозяевам, конечно, недешево; другие ничего не привозили и за это нередко подвергались бесцеремонным обличениям бабушки в скарденности и неблагодарности. Она не¹⁸⁰ стеснялась с ними и пускалась в свои обличения при первом же раз-

¹⁷⁹ Вместо: еще — было: <нрзб.>

¹⁸⁰ Далее было: кроме расхо

дражении, напри<ер> за столом в присутствии всех гостей.

Кроме издержек, гости стоили больших хлопот. Прислуги в доме не было и помину; даже в голову никому не приходило, что можно нанять для более черной и тяжелой работы какую-нибудь бабу. Бабушка все делала по дому сама, сначала в молодости вместе с матушкой-свекровью, потом одна; она и мыла, и скоблила, и на базар ходила, и стряпала, и на стол подавала, и со стола убирала... Хлопочет-хлопочет день-деньской, измается, потом ее зло разберет, что гости, особенно гости, сидят-величаются, ничего не помогают, да еще, пожалуй, ее же осуждают, что у нее то не так, и это не ладно, и не хватает чего-нибудь, — и начнет всем в глаза лепить всякие горькие¹⁸¹ истины.

Хлопот у нее действительно был полон рот. Много было гостей, приезжей родни¹⁸², но и своя семья была немаленькая. После не совсем удовлетворительного произведения на свет близнецов¹⁸³ Петра и Павла она через год, в 1811 г. (8 февр.)¹⁸⁴, родила сына Ивана, оставшегося в живых, затем ровно через 2 года — сына

// л. 10

Алексея, жившего одни сутки, потом взамен его в том же году 27 декабря — сына Василия; за Василием в ноябре 1815 г. следовал сын Степан; за Степаном в мае 1819 г. — Николай; в октябре 1822 г. разом явились на свет великомученицы Александра и Елизавета, а в феврале 1824 — новая великомученица Варвара; в Рождество¹⁸⁵ (26 дек.) 1825 г.¹⁸⁶ произошло повторение близнецов Петра и Павла — Павел прожил года три и помер, а Петр остался в живых. На этих близнецах производительность бабушки прекратилась, потому что в 1826 г. супрог¹⁸⁷ ее Андрей Иванович скончался, и Анна Михайловна осталась 32-летней вдовичей с 8 душами ребят, из которых самому старшему сыну было лет¹⁸⁸ 15, а младшему один год. Неизвестно, что бы было с этими сиротами, если бы не поддержка деда Михаила Федоровича и дяди Ивана Мих<айловича> Певницкого.

Благодаря этой поддержке и тому, что семья имела какой ни на есть собственный дом, бабушка успела благополучно вырастить всех детей, а мальчикам дать и семинарское образование, хо-

тя двоим сыновьям Василию и Степану¹⁸⁹ на собственный, а не казенный¹⁹⁰ кошт [53]. Все они учились порядочно, особенно младшие сыновья Николай и Петр. Не совсем удачным оказался один старший Иван. Он был добрый мальчик, большой прокудник [54] и выдумщик¹⁹¹, но крайне незрелый и наивный. Наука ему не далась, и он должен был выйти из училища, кажется, и не видав семинарии. В осиротевших духовных семьях, при тогдашней крепости родовых уз, старшие дети, главным образом сыновья, большею частью делались обязательными¹⁹² жертвами семейных нужд и с самых молодых лет обрекались на то, чтобы как можно скорее сделаться кормильцами и поильцами своей семьи; в таких видах их старались поскорее освободить от семинарской науки, конца которой нищему семейству долго¹⁹³ было ждать, и определить на службу. Ускоренному выходу¹⁹⁴ Ивана Андреича из школы могли способствовать и эти виды семьи. Он действительно¹⁹⁵ был первым хоть и неважным¹⁹⁶ кормильцем своей матери и братьев с сестрами. По выходе из училища он поступил на службу в дух<овную> консисторию. Я помню его уж коллежским регистратором и архивариусом консистории. Он получал жалованье, конечно, ничтожное даже по тому времени, но имел так называемые доходы и деньгами, и особенно натурой, и чувствительно помогал хозяйству бабушки.

Василий и Стефан¹⁹⁷ отданы были в училище еще при жизни отца, оба в один год¹⁹⁸, и жили сначала дома, потом, после смерти отца¹⁹⁹, поступили на бурсу. Об успехах их можно судить по виденным мною в академическом архиве списках учеников 1832 г., когда оба они были в философском классе, — Степан числился под № 31 (всех учеников было 81), а Василий под 35; в списках богословского класса за 1834 г. Василий стоял под № 37, а Стефан под № 38 (учеников всех было 66). Это был год окончания их семинарского курса. Семья спешила и их поскорее пристроить к службе, чтобы получить от них материальную помощь. Еще за год до окончания се-

// л. 10 об.

¹⁸⁹ Вместо: хотя двоим сыновьям Василию и Степану — было: а. не пуская их в неприглядную тогда бурсу, а содержа всех дома б. хотя двоих сыновей Василия и Степана на

¹⁹⁰ а не казенный вписано.

¹⁹¹ большой прокудник и выдумщик, вписано.

¹⁹² обязательными вписано.

¹⁹³ долго вписано.

¹⁹⁴ Вместо: Ускоренному выходу — было: Выходу

¹⁹⁵ Далее было: и

¹⁹⁶ хоть и неважным вписано.

¹⁹⁷ Так в рукописи.

¹⁹⁸ Далее было: (с 1824 г.)

¹⁹⁹ после смерти отца вписано.

¹⁸¹ горькие вписано.

¹⁸² Вместо: приезжей родни — было: родни приезжей

¹⁸³ близнецов вписано.

¹⁸⁴ (8 февр.) вписано.

¹⁸⁵ Вместо: в Рождество — было: перед Рождеством

¹⁸⁶ Далее было: родили

¹⁸⁷ Так в рукописи.

¹⁸⁸ лет вписано.

ЕПИСКОП
АМВРОСИЙ (МОРЕВ)

минарского курса. Они оба женились и были посвящены в дьяконы с зачислением за ними мест при епархиальных церквях, с которых они и стали получать свои доли дьяконских доходов. Выпускные экзамены они держали уже в рясах. Брату Стефану посчастливилось получить священническое место²⁰⁰ при Балахнинском соборе, после чего он уехал в Балахну. Бабушка мало получала от него оттуда²⁰¹ пособий; он был человек немножко своекорыстный, скуповатый, да вскоре завел и свою собственную многочисленную семью. Брат Василий остался в Нижнем дьяконом при Георгиевской церкви и должен был сделаться главным поильцем и кормильцем родных сирот. Архиерей Амвросий (Морев) [55], посвящавший его во дьяконы и определивший к Георгиевской церкви, убедил его, что он определяется к ней только на время, и обещал дать ему вскоре священническое место, но вскоре (в янв. 1835 г.) был переведен в Пензу. Обещание его так и осталось неисполненным, и Василий Андреевич должен был весь свой век служить у Егорья безголосным дьяконом... Мне придется еще возвратиться к нему, так как этот о. дьякон был мой родитель.

Брат, и мой дядя, Николай по окончании семинарского курса²⁰² служил некоторое время учителем при Нижегородском дух^{овном} училище, потом вышел на гражданскую службу, и уехал в 1842 г.²⁰³ в Петербург, где ему удалось поступить столоначальником в духовную консисторию. Там он и скончался в 1859 г. Дядю Петра²⁰⁴ я помню уже учившимся в семинарии, очень красивым юношей. Преосвященный Иоанн (Доброзраков), любивший окружать себя при богослужении пышной и красивой обстановкой и благообразным штатом сослужащих, держал этого семинариста при себе в качестве митродержца и книгодержца. По окончании курса он пожелал поступить в медико-хирургическую академию и при помощи братьев уехал туда в 1846 или 47 году, был там прекрасным студентом²⁰⁵, но здоровье его не выдержало рьяных трудов: он получил²⁰⁶ чахотку и в марте 1853 г. скончался в академической клинике на руках любивших его товарищей. Рассказывали после, что он отлично понимал свою болезнь, следил за ее развитием с мужественным научным любопытством и день в день предсказал свою смерть.

²⁰⁰ Вместо: место — было: месте²⁰¹ Вместо: оттуда — было: пособ²⁰² Над строкой вписано: (в 1838 г.)²⁰³ в 1842 г. вписано.²⁰⁴ Вместо: Дядю Петра — было: Дядя Петр по²⁰⁵ был там прекрасным студентом, вписано.²⁰⁶ Вместо: получил — было: в

Вот и все мои дядюшки. Тетки Александра и Елизавета вышли замуж почти на моей памяти, т. е. когда я мог бы уже это помнить, но на самом деле не помню, — смутно только представляю их в девицах ссорящимися с моей матерью. Первая была за соборным дьяконом Иваном Егоровичем Троицким, рано²⁰⁷ умершим от чахотки или, вернее²⁰⁸ сказать, от водки; она и сама заполучила от него чахотку и умерла (4 окт.) в 1854 г. Вторая была за священником заштатного города Перевожа Алексеем Михайловичем Миловидовым, — здра^вствует и доселе, живет вдовицей при сыне-смотрителе училища В. А. Миловидове²⁰⁹. Младшая их сестра Варвара²¹⁰ вышла замуж за Ивана Алексеевича Соколова, бывшего потом священником в с. Высокове близ Нижнего (1 ½ версты), потом последовательно²¹¹ при церквях Александровской богадельни и Мартыновской больницы. За пьянство переведен в бедное село Неклюдово за Волгой, где в начале 1860-х годов и помер. Варвара Андреевна умерла раньше его, 3 ноября 1851 года.

// л. 11

Все перечисленные браки, бывшие далеко не бесплодными, все более и более увеличивали и без того большой наш²¹² род многочисленными боковыми линиями и сватовством. В общем²¹³ нижегородском центре всех этих линий — в доме бабушки — приходилось видеть²¹⁴ столько представителей их разного пола и возраста, что трудно их и перечислить²¹⁵. Бабушка знала их всех. Случалось, являлась к ней²¹⁶ ни разу²¹⁷ не виданная и совершенно неизвестная персона, претендующая однако на родство. После первых же рекомендаций и объяснений об имени, отчестве и месте жительства бабушка сейчас определяла²¹⁸ степень родства этой персоны, припоминала всех дедушек, бабушек, дядей, теток, узнавала об их положении, о прибавлении и убавлении их семейств, рассказывала разные обстоятельства, относящиеся к их биографиям, и разговор получал самый родственный характер, как будто она век жила вместе с новым гостем или гостьей.

Браки моего отца и дяди Стефана привлекли к роду Знаменских новые линии родства по сватовству:

²⁰⁷ рано вписано.²⁰⁸ Вместо: вернее — было: лучше²⁰⁹ Рядом справа на полях помета: умерла в 1905 году²¹⁰ Варвара вписано.²¹¹ последовательно вписано.²¹² наш вписано.²¹³ В общем вписано.²¹⁴ видеть вписано.²¹⁵ Далее было: , не только²¹⁶ Далее было: совершенно неизвестная и²¹⁷ ни разу вписано.²¹⁸ Далее было: и

брак дяди Стефана — обширное родство Властовых из Балахнинских и Городецких пределов, брак отца — линию арзамасского сватовства. Мать моя Елизавета Федоровна была дочерью дьякона Арзамасской Макарьевской церкви Феодора Дмитриевича и супруги его Александры Степановны. Семейство о. Федора было не менее многочисленно, чем семейство Анны Михайловны и все состояло из дочерей²¹⁹. На моей памяти их было 6 сестер: Фаина, или, к<а>к ее звали всегда, Флена<?>, Елизавета, Любовь, Надежда, Клавдия²²⁰ и Анна. Сколько было всех, не знаю; не знаю также и родословия ни деда, ни бабки моих с материнской стороны. Семейство это, в противоположность роду Знаменских, отличалось полным отсутствием интереса к родовой истории. Из родни деда лично я ни²²¹ о ком и не слышал; из родни бабушки видел ее двух сестер Анну и Прасковью. Женский персонал вообще преобладал в арзамасском семействе. Во всем доме деда в Арзамасе только и был один мужчина²²² — он сам, и то мужчина очень невидный: это был²²³ кроткий и мешкотный старичок, и ел, и ходил, и говорил крайне медленно, ни в разговорах, ни в семейных делах никак не мог поспевать за своей практичной и сравнительно проворной супругой и не имел в доме никакого значения. Что, бывало, бабушка ни поручит ему сделать, никак его не дождется — посмотрит-посмотрит на²²⁴ то, как он копошится, и скажет: «Ну-ка, отец! Тебя не дождешься», — и все делает сама. Девки, к<а>к звала бабушка дочерей, от души любили своего доброго папочку, который ласкал и баловал их, но находились в полной команде бабушки. Она воспитывала²²⁵ их строго, по целым дням держала за работой и никуда не пускала из дому. Устряпавшись в кухне, она обыкновенно садилась на высокую скамью в переднем углу у окошка, девок²²⁶ усаживала около себя, и все начинали работать до самого вечера. Работа состояла в вязании шерстяных ботинок, которыми и до сих пор промышляют арзамасские

// л. 11 об.

обывательницы, сбывая их десятками тысяч пар на нижегородской ярмарке. Без спроса строгой матери девкам нельзя было выйти из комнаты²²⁷ даже на несколько минут по крайней нужде. Что они

зарабатывали²²⁸, все шло в сундук бабушки и копилось на их приданое. Вся жизнь семьи шла очень чинно, строго и до скупости расчетливо. Но зато, благодаря такой деловитости и расчетливости, бабушке и удалось всех своих девок пристроить замуж счастливее и скорее любой зажиточной попадьи. Дед, кроме доходов от церкви, тоже зарабатывал небольшую деньгу²²⁹, обучая у себя грамоте мещанских ребят. Но и в этом специальном его деле он едва ли бы много мог успевать без своей жены²³⁰, хотя сама она была неграмотная. Учеников и учениц у него было всегда человек 5–6. Учил он по старинному обыкновению и методу. Рассадит, бывало, всю свою аудиторию с Псалтирями²³¹ и указками около стола, сам сядет против них непременно с линейкой в руках²³², которая должна была²³³ служить грозным орудием поощрения и наказания, и сделает грозное-прегрозное лицо²³⁴ с добрейшими голубыми глазами. Гроза у него никогда не выходила. Дети его нисколько не боялись. Оттого для водворения между ними прилежания и дисциплины требовалось педагогическое участие дьяконицы. Это было тем удобнее и естественнее, что обучение ребят происходило²³⁵ в кухне, где она стряпала за перегородкой. Наблюдая за своими горшками, она постоянно выглядывала на ребят, что они делают, и вступалась в их ученье. «Отец! погляди-ка, что у тебя Алеша-то делает. Ткни его линейкой²³⁶, чтобы в книгу смотрел, — раздавались ее замечания. — А ты, Машутка, что башмаком-то играешь под столом» и т. п. Когда дед отлучался утром по обязанностям службы, педагогическое дело целиком переходило в руки его супруги. Она была строже деда и частенько ставила неисправных ребят столбом или на колена, а то и за волосы потрещивала.

Как произошло знакомство этого арзамасского семейства с нижегородским и затем сватовство моего отца, я не знаю. В вakat <?> 1834²³⁷ г. сыграли свадьбу, и отец увез свою молодую жену в Нижний. В том же арзамасском семействе женился потом на тетушке Фаине Федоровне товарищ отца по семинарии и большой его приятель Федор Михайлович Архангельский, получивший место священника в с. Кобылине Арзамасского уезда. После этого

²¹⁹ Далее было: Я застал

²²⁰ Клавдия вписано.

²²¹ Вместо: ни — было: никого

²²² Так в рукописи.

²²³ Далее было: очень

²²⁴ Вместо: посмотрит-посмотрит на — было: и непременно <нрзб.>

²²⁵ Вместо: воспитывала — было: держала

²²⁶ Далее было: всех

²²⁷ из комнаты вписано.

²²⁸ Так в рукописи.

²²⁹ Вместо: небольшую деньгу — было: деньгу небольшую

²³⁰ Вместо: своей жены — было: бабушки

²³¹ Вместо: Псалтирями — было: книгами

²³² Вместо: руках — было: руке

²³³ Далее было: обознач

²³⁴ Так в рукописи.

²³⁵ Далее было: по утрам

²³⁶ Далее было: — то

²³⁷ Над строкой вписан незачеркнутый вариант: 33

два молодых семейства были очень между собою дружны.

Плоховато пришлось молодой дьяконице жить в новом, чуждом доселе семействе с нравами и порядками, совсем не похожими на арзамасские. Трудно представить противоположность более той, какая между ними существовала. Арзамасские девицы, хоть и не знали никакого другого рукоделия, кроме вязанья ботинок, даже шить хорошенько не умели, но все-таки были рукодельницами, девицами²³⁸ сидячими, в некотором роде белоручками, и не были приучены к хозяйственным хлопотам и работам. Более практичною и подвижною была

// л. 12

из них старшая Любовь, часто заменявшая во всем свою²³⁹ мать; другая отличалась мешкотностью [56], неподвижностью и даже в²⁴⁰ значительной степени ленью. Бабушка Анна и все ее дочери были, напротив, народ²⁴¹ крайне проворный и практический; все они, как бабушка, не ходили, а бегали. Все занятия их были преимущественно²⁴² подвижные и ходячие по дому, двору, кухне. Рукодельями заниматься²⁴³ не любили хотя умели хорошо шить и вышивать²⁴⁴; бабушка, кажется, только и делала, что вязала²⁴⁵ чулки, зато отлично мыла полы, стирала белье, копала гряды в саду и стряпала на всю семью и гостей-нахлебников. На Арзамасскую невестку все взглянули, как на ленивую и ни к чему не способную белоручку, что, по своей нижегородской прямоте и бесцеремонности, не замедлили ей и выразить, конечно, не в очень нежной форме.

Странной и смешной казалась нижегородская самая речь арзамасской невестке. В семье Знаменских все говорили с размашистыми жестами²⁴⁶, скоро на низких нотах²⁴⁷ сильно напирая на букву о и сокращая окончания слов на две гласные в одну гласную: какà такà, делат, хватат и проч. В арзамасском семействе у женщин²⁴⁸ принята была речь тягучая, несколько плаксивая, с грустными, почти фальцетными нотами, — это считалось принадлежностью порядочного тона. О каком бы веселом событии ни шла речь, она сопровождалась пе-

чальными вздохами и велась в тягучем минорном тоне, — рассказ о свадьбе можно было принять за рассказ о похоронах самого²⁴⁹ близкого человека. Лице при этом принято было держать неподвижным и требовалось всячески избегать резких, широких, да и всяких вообще жестов. За такую речь и манеру держаться молодой женщине пришлось с самого же начала сделаться предметом насмешек, передразнивания, обидных сравнений и прозвищ — куклы, арзамасской²⁵⁰ канюки и т. п.

За общим семейным столом ей приходилось просто голодать. Ели в нижегородской семье все из общей миски и из общей плошки и ели тоже не по-арзамасски. В арзамасской семье принят был тот же этикет приличной и степенной еды, какой до сих пор господствует в простонародье, еды медленной и с расстановками: откусить хлеба²⁵¹, схлебнуть ложку щей и остановиться, положив ложку на стол, потом, прожевав и проглотив взятое в рот²⁵², не торопясь, опять взять ложку в руку и отправляться с нею²⁵³ в миску для другого приема и т. д., кусков не выбирать, а брать, что попадется без выбора, разговаривать только прожевывая то, что есть во рту. В новой семье все ели быстро, не выпуская ложки из рук²⁵⁴, особенно бабушка. Она ела много, но чрезвычайно скоро, хоть и разговаривала все время обеда. Похватав наскоро, сколько ей было нужно, щей и каши, в которых состояло обычное меню обеда, она откидывалась на спинку стула, разводила руками и говорила: «Как буде вы, а я сыта». После этого немедленно вставала²⁵⁵ и молилась. Прочие члены ее семейства, давно²⁵⁶ привыкшие поспевать за ней, тоже немедленно поднимались, и обед оканчивался, а бедная Елизавета Федоровна выходила из-за стола впроголодь. Дополнять неконченный обед партикулярным [57] образом²⁵⁷,

// л. 12 об.

съевши какой-нибудь кусок после, было совестно. Все будут смеяться, а тихонько трудно было достать даже кусок²⁵⁸ черного хлеба, — вся провизия была на руках у Анны Михайловны и на виду у всех. Когда пришлют ей²⁵⁹, бывало, из Арзамаса лепешек, их сейчас же расхватывают золówki и сама

²³⁸ Вместо: рукодельницами, девицами — было: девицы

²³⁹ свою вписано.

²⁴⁰ в вписано.

²⁴¹ Далее было: бойкий

²⁴² преимущественно вписано.

²⁴³ Вместо: заниматься — было: занимать

²⁴⁴ хотя умели хорошо шить и вышивать вписано.

²⁴⁵ Вместо: делала, что вязала — было: умела вязать

²⁴⁶ с размашистыми жестам, вписано.

²⁴⁷ на низких нотах вписано.

²⁴⁸ у женщин вписано.

²⁴⁹ самого вписано.

²⁵⁰ Вместо: арзамасской — было: <нрзб.>

²⁵¹ откусить хлеба, вписано.

²⁵² Вместо: взятое в рот — было: принятое

²⁵³ с нею вписано.

²⁵⁴ не выпуская ложки из рук вписано.

²⁵⁵ Далее было: из-за стола

²⁵⁶ давно вписано.

²⁵⁷ Далее было: после,

²⁵⁸ кусок вписано.

²⁵⁹ ей вписано.

бабушка. Оттого и лепешки эти приходилось есть только тихонько, из кармана²⁶⁰.

Жаловаться было бесполезно, да она на первых порах и не смела. Отец любил ее, но более держался стороны своей матери, как это водится почти во всех духовных семействах, особенно водилось в старое время, когда в этих семействах вполне²⁶¹ господствовал еще известный народный взгляд на женщину. Да и невозможно было бы ему решать этот семейный вопрос в пользу молодой жены; не семье же было²⁶² приноравливаться к своему новому члену, а скорее этому новому члену нужно было приладиться к семье. После, когда²⁶³ выяснилось, что сойтись они ни в каком случае не смогут, вопрос этот решился более простым образом — чрез отделение молодой²⁶⁴ семьи от старой, но это случилось спустя уже несколько лет, когда в молодой семье пошли родиться ребята.

Долговременная бездетность стоила моей матери тоже немалых огорчений. Бабушка стала поговаривать, что детей у нее, должно быть, и вовсе не будет, — эдакая же нескладная и негодящая бабенка. Наконец 27 марта 1836 года я удостоился снять такое поношение с моей матери. Событие это «имело место», как говорят ныне, в той маленькой боковой комнате дома, о которой говорилось при описании плана всего дома, отделенной от остальных передних, главных²⁶⁵ комнат капитальной стеною и отведенной моим родителям после их свадьбы. Семейство²⁶⁶ Анны Мих^айло^вны помещалось в передних комнатах. Хотя я был главным героем указанного инцидента, но ничего об нем не помню и записываю его обстоятельства со слов моей матери. В ночь на 27 марта послали отца²⁶⁷ за повивальной бабкой Мостинской, которая жила от нас через улицу в собственном доме с двумя дочерьми, старыми девицами, и двумя презлыми собаками — стражами дома. И день и ночь дом держался на запоре, пот^ому что бабушка Мостинская была женщина, по слухам²⁶⁸, богатая и боялась воров. Внутрь ее двора не проникал ни один нижегородский обыватель. Все переговоры по ее профессии происходили обыкновенно сквозь запертую калитку сбоку дома под аккомпанемент страш-

ного лая злых собак, яростно²⁶⁹ бросавшихся на калитку изнутри двора. Сама хозяйка была, в противоположность этим собакам, старушка чрезвычайно ласковая и приветливая и своими тихими речами умела ободрить и успокоить самую мнительную пациентку — большая мастерица по своей профессии. Ни одна бабка не умела так ловко²⁷⁰ править дамские животы, производить массаж, которого, впрочем, тогда еще не знали по этому ученому имени, накидывать горшки и принимать от материнских утроб новых обывателей и обывательниц Нижнего Новгорода. Сверх всего этого, она была опытной²⁷¹ предсказательницей²⁷² самой их участи в нижегородской юдоли по разным приметам при родах: по волосам и пятнышкам²⁷³ на теле ребенка, по воску с волосами ребенка, который при крещении бросают в купель, и т. п.

// л. 13

Был у нее еще некий вещий крест вершка в 1 ½ длины из серебра²⁷⁴ с выпуклыми изображениями и мелкими гранями по краям в виде²⁷⁵ алмазов, принесенный ею с какого-то богомолья. Крест этот она опускала в воду, в которой купали ребенка; при этом по всем его краям и граням выступали многочисленные пузырьки, — по числу и расположению этих пузырьков она тоже угадывала будущие таланты и счастье новорожденного. По всем этим и многим другим причинам практика бабушки Мостинской была громадная и приносила ей большие доходы, несмотря на ее редкое бескорыстие.

Пока она ухаживала за моей матерью, отец в волнении ходил по комнате у Анны Михайловны, которая тоже не спала и бегала поминутно к родильнице, ворча на то, как это дело долго делается и высказывая отцу опасения, что жена его непременно родит девку. Все тревоги наконец разрешились рождением меня, особы, несомненно, мужского пола. Отца позвали к роженице, и он так был мне рад, что, при всей своей обычной сдержанности и солидности, тут же принялся прыгать по стульям, восклицая: «Мальчик, мальчик!»

Я родился²⁷⁶ с густыми черными волосами, как в скуфейке, рассказывала мне мать. Увы, эти густые²⁷⁷ волосы остаются теперь только одним историческим воспоминанием. Бабушка Мо-

²⁶⁰ Текст: Когда пришлют ей, бывало, из Арзамаса лепешек – лепешки эти приходилось есть только тихонько, из кармана. — *вписан справа на полях.*

²⁶¹ Вместо: вполне — было: гог

²⁶² Вместо: было — было: приходилось

²⁶³ Вместо: когда — было: вопрос этот

²⁶⁴ Вместо: молодой — было: молодой

²⁶⁵ передних, главных *вписано.*

²⁶⁶ Далее было: бабушки

²⁶⁷ отца *вписано.*

²⁶⁸ по слухам *вписано.*

²⁶⁹ яростно *вписано.*

²⁷⁰ Вместо: ловко — было: <нрзб.>

²⁷¹ Вместо: опытной — было: опытная

²⁷² Вместо: предсказательницей — было: предсказательница

²⁷³ по волосам и пятнышкам *вписано.*

²⁷⁴ из серебра *вписано.*

²⁷⁵ Вместо: в виде — было: в роде

²⁷⁶ Далее было: в сорочке и

²⁷⁷ густые *вписано.*

стинская тотчас нашла, что я буду большим красавцем, необычайно талантливым и счастливым человеком, и насулила родителям²⁷⁸ моим всяких благ на мою голову в скуфейке. Вещий крест тоже дал наилучшие предсказания. Крестили меня бабушка Анна Михайловна и дядя Иван Андреич. Они же были моими первыми и, можно сказать, главными воспитателями в раннем детстве²⁷⁹, особенно бабушка. До периода школьного ученья я был многим обязан им в своем развитии.

Вскоре же по рождении меня совсем отняли от матери на свою половину дома²⁸⁰, так что она только и видела меня тогда, когда меня подносили²⁸¹ к ней кормить грудью. В доме давно уже не было маленьких ребят. Я был для всех занимательной новинкой и для обеих бабушек, — бабушка Ирина Ивановна жила тоже у Анны Михайловны, и для молоденьких теток, и для дядей — Ивана, Николая и десятилетнего²⁸² Петра. Бабушка и тетки не спускали меня с рук и находили во мне все новые и новые прелести. Когда я²⁸³ стал выговаривать²⁸⁴ баба, мама, кока (крестный), это нашли, конечно, очень мудрым. Иван Андреевич был очень тронут, когда я назвал его Кока и, как только приходил домой из консистории, так²⁸⁵ сейчас же заставлял называть себя Кокой²⁸⁶. Он твердо был убежден, что я со временем буду архиереем. Он был большой мастер клеить разные вещи из бумаги и, когда я стал немного стоять на ногах, склеил мне полное архиерейское облачение, надевал его на меня и заставлял махать руками наподобие архиерейского благословения. Фигура этого маленького архиерея очень его увеселяла. Одно

// л. 13 об.

обстоятельство²⁸⁷ только портило хорошее²⁸⁸ впечатление, — это то, что постояв немного на слабых ногах, я скоро опускался на четвереньки и начинал производить свое передвижение уже вовсе не по-архиерейски.

Рассказывали, что, ползая по полу на четвереньках, я проявлял некоторую чистоплотность, любил надевать на руки какую-нибудь обувь: бабушкины башмаки, валенки и даже дядины или кокины сапоги, что попадало на глаза. Однажды я усмот-

рел под кроватью только лишь принесенные от сапожника Степана Антипыча новые сапоги отца, сейчас же надел их на руки и отправился гулять по городу²⁸⁹. В это время все были чем-то заняты и не заметили, как я очутился сначала на дворе, а потом и на улице. Пропали бы непременно эти новые сапоги у отца, — или бы их стащил с меня кто-нибудь из обывателей Ковалихи, или я сам бы их потерял, оставив на улице за явным неудобством делать в них долгие передвижения, если бы кто-то из знакомых не увидел моего путешествия и не оповестил²⁹⁰ домашним²⁹¹: «Подите-де, посмотрите на улицу; мальчишка-то сапоги утащил». После этого за мной пустилась погоня и воротила в дом свой.

К этому же периоду моей²⁹² жизни относится один случай, о котором мне рассказывала бабушка, случайного участия в военных маневрах, едва не кончившийся роковым образом. В 1830-х годах в Нижнем имел свое пребывание знаменитый в свое время безрукий герой и солдатский²⁹³ писатель Ив<ан> Никит<ич> Скобелев [58], бывший тогда инспектором резервной пехоты. Он часто инспектировал полки, следил за порядками, в них существовавшими, и от времени до времени производил маневры. Кажется, в 1837 году, в последний год пребывания его в Нижнем, летом были назначены большие маневры на пригородном поле между Печерским монастырем и Марьиной рощей с участием артиллерии. Зрелище было крайне интересное, и на него устремился чуть не весь город. Побежали на поле и наши домашние, а между ними зачем-то очутился и я с бабушкой. Мы заняли укромное местечко в стороне от главной²⁹⁴ толпы народа²⁹⁵ и наслаждались передвижениями полков, собранных из нескольких губерний. Вдруг по какой-то команде Скобелева тронулась артиллерия и на всех рысках поскакала как раз в нашу сторону. Вся толпа, окружившая нас, шарахнулась наутёк и своим движением увлекла²⁹⁶ и мою бабушку. Я остался один в поле артиллерийского движения сидящим на земле. Как я уцелел, не успела увидеть²⁹⁷ и бабушка; помнила она²⁹⁸ только, как я, увлеченный, веро-

²⁷⁸ Место: родителям — было: <нрзб.>

²⁷⁹ в раннем детстве вписано.

²⁸⁰ на свою половину дома вписано.

²⁸¹ Место: подносили — было: гр

²⁸² Место: десятилетнего — было: Петра

²⁸³ я вписано.

²⁸⁴ Место: выговаривать — было: говаривать

²⁸⁵ так вписано.

²⁸⁶ Кокой вписано.

²⁸⁷ обстоятельство вписано.

²⁸⁸ хорошее вписано.

²⁸⁹ Место: гулять по городу — было: в дальнее путешествие

²⁹⁰ Место: оповестил — было: в

²⁹¹ домашним вписано.

²⁹² Место: моей — было: моего разв

²⁹³ Место: солдатский — было: во

²⁹⁴ главной вписано.

²⁹⁵ народа вписано.

²⁹⁶ Далее было: более

²⁹⁷ Место: не успела увидеть — было: не могла увидеть

²⁹⁸ Место: помнила она — было: помнили

ятно, воинским духом, смеялся²⁹⁹, махал руками и что-то кричал, наверное понукая скачущих лошадок. Когда³⁰⁰ вся артиллерийская буря промчалась мимо меня благополучно, бабушка едва могла собраться с духом, чтобы подобрать меня и унести домой. Домашним и моей матери она так и не объявила об этом случае.

// л. 14

Не могу ясно вспомнить, когда я стал жить сознательной жизнью. От раннего детства сохранилось у меня несколько отрывочных воспоминаний, которые я не могу приурочить ни к какому определенному времени, а тем более восстановить их последовательность. Помню я каких-то детей — моих братьев, но не могу определить, к которому брату относятся мои воспоминания. Их было у меня трое: Андрей и Иван, родившиеся после меня, погодки, и Павел [59], родившийся в 1839 году. Отец называл нас именами апостолов и в шутку говорил, что постарается произвести на свет всех 12 апостолов. Первые два брата померли в детстве. Чуть-чуть представляется мне колыбель с ребенком и меня, тоже ребенка, кто-то³⁰¹ подводит к этой колыбели и, указывая на младенца, говорит: «Вот это Ваня, братец; любишь ты его?» А может быть, что колыбель это была не Вани, а Пани, как постоянно у нас звали брата Павла. Более и даже совсем ясно помню я колыбели своих сестер, с которыми мне лично приходилось водиться за неимением другой няньки. На брате Павле производство апостолов у отца было прервано рождением в 1845³⁰² году старшей³⁰³ девицы Екатерины, потом в 1847 — другой, Варвары. Отец благословил³⁰⁴ их именами великомучениц, что было в некотором роде пророческим благословением их будущей участи. В 1849 г. родилась их сестра Марья, названная уже не в честь великомученицы³⁰⁵. После, в 1850-м г., родился еще брат Андрей взамен первого умершего Андрея³⁰⁶.

В ряду смутных воспоминаний этого раннего времени хранятся в моей памяти отрывочные эпизоды поездки, а может быть, даже³⁰⁷ двух-трех поездок нашего семейства в Арзамас. Ехали мы на долгих, на двух подводах: на одной сидели отец,

мать, я и кто-то из маленьких братьев, а на другой — приезжавший в Нижний Кобылинский дядя Федор Михайлович с теткой Файной Федоровной. Он был совсем не похож на моего отца, худенького брюнета с голубыми глазами и слабым голосом; это был рослый и довольно дородный священник, большой комик, с рябоватым лицом, на котором я помню большую шишку или опухоль между³⁰⁸ губой и подбородком³⁰⁹ с одной стороны³¹⁰, с рыжеватыми волосами и бесцветными, смеющимися глазами; — он отлично умел всех передразнивать. Тетушка была красивая брюнетка, но кислая и вечно больная. Около Митина в 20 верстах от Нижнего я был сильно напуган рассказами про Митинских мужиков, что они часто пошаливают и на своих³¹¹ постоянных дворах, и особенно по дороге в лесу на проложенной через болота гати, что в этом болоте потоплено³¹² ими немало оплошавших путников. Страх мой еще больше увеличился, когда, не смотря на то, что мы ехали тут еще засветло, отец с дядей взяли в руки по дубинке и пошли по обе стороны дороги по опушке леса. Для чего они приняли такую предосторожность, совсем для разбойников не страшную, трудно сказать, — вероятно, только в виде обязательной формальности. Знаменитую гать проехали благополучно, и я успокоился.

Я никогда до этого не видал ни деревьев, ни полей, ни лесов, и путешествие производило на меня, вероятно³¹³, сильное впечатление, по крайней мере я и до сих пор хорошо помню некоторые места дороги, улицу какого-то села (должно быть,

// л. 14 об.

Борисова или Богоявления), даже с расписными ставнями, украшенными даже чем-то вроде блестящей жести, и с резными коньками и подзорами [60]. Позднее я ничего в этих селах не видал похожего на прежние впечатления, — из чего я заключаю, что эти впечатления³¹⁴ сохранились у меня³¹⁵ от тогдашнего вида этих селений.

Арзамасская родня мне не понравилась. Полюбил я одного только ласкового деда. Образ его сохранился у меня в памяти очень свежим. Это был коренастый, небольшого роста³¹⁶ старичок, с³¹⁷ рыженькой бородкой в проседь, с кругленькой лысиной, ласковыми глазами и добрейшей улыб-

ГЕНЕРАЛ И. Н. СКОБЕЛЕВ

²⁹⁹ Далее было: и

³⁰⁰ Когда вписано.

³⁰¹ кто-то вписано.

³⁰² Вместо: 1845 — было: 1847

³⁰³ Далее было: сестры

³⁰⁴ Вместо: благословил — было: нарек

³⁰⁵ Текст: В 1849 г. родилась их сестра Марья, названная уже не в честь великомученицы. — вписан слева на полях.

³⁰⁶ Текст: взамен первого умершего Андрея. — вписано слева на полях.

³⁰⁷ Далее было: нескольких

³⁰⁸ Вместо: между — было: под

³⁰⁹ и подбородком вписано.

³¹⁰ Далее было: и

³¹¹ своих вписано.

³¹² Вместо: потоплено — было: потлено

³¹³ вероятно вписано.

³¹⁴ Далее было: относ

³¹⁵ у меня вписано.

³¹⁶ Далее было вписано: коренастый

³¹⁷ с вписано.

кой, выказывавшей два больших и широких передних зуба. Он звал меня котиком и всегда ласкал, когда я подбегал к нему. Возвращаясь из церкви, он прежде всего искал меня: «А где мой котик? Куда он девался?» Бабушку и теток я не любил, потому что они, особенно бабушка, не давали мне пошевелиться свободно, не только порезвиться, а за все осуждали. На улицу меня вовсе не пускали, — люди осудят. Это «люди осудят» играло очень большую роль в доме. Арзамас действительно мог в то время даже меня осудить, — это был³¹⁸ уездный город, полный сплетен и пересудов. Здесь каждому обывателю до всех было дело и всем до него; во всем городе было известно, что в каждом доме стряпалось каждое утро. Однажды я, резвясь, сел на окно и свесил ноги на улицу. Боже мой, что мне за это досталось брани и попреков, продолжавшихся до самого отъезда в Нижний. Но одна шалость моя сопровождалась таким обстоятельством, которое меня самого перепугало не на шутку. У деда был на дворе козленок, который меня очень занимал. Мне нравилось, как он прыгал³¹⁹ на узенькую³²⁰ дощечку которой оканчивался снаружи дома подклетный этаж, и бегал по ней. Я его стал ловить. Это ему не понравилось, и он вдруг перешел против меня в наступление, свесил голову и своими пуговками вместо рог, которые у него еще не выросли, пребольно пырнул меня в живот. Я бросился от него бежать и с перепугу долго не мог объяснить, отчего я так расстроен и держусь за голое брюшко.

Кроме двора, мне позволяли гулять еще в маленьком садике деда, находившемся сзади двора за баней. Мне эта прогулка нравилась. Помню, там во всем цвету были тогда пионы. Я этого цветка не видел раньше, — у нас в Нижнем в саду росли только колокольчики, косатики, астры и желтые шафраны. Пионы так мне сильно³²¹ понравились, что я до сих пор помню это детское впечатление. Привлекало меня в этот сад еще приятное знакомство через плетень с соседкой, какой-то Таней, единственной моей ровесницей в Арзамасе. Но вот только что было плохо, —³²² ходить в любимый садик было несколько страшно. Проходить туда нужно было во-первых мимо козленка, а во-вторых через баню, где, как я хорошо уже знал, живет всякая нечистая сила.

В бытность мою в Арзамасе там еще существовала³²³ известная художественная школа Ступина [61].

³¹⁸ Далее было: <нрзб.>

³¹⁹ Далее было: за зав

³²⁰ узенькую вписано.

³²¹ сильно вписано.

³²² вот только что было плохо, — вписано.

³²³ Далее было: худо

Она была дома через три от дома деда. Я помню ее здание и флигель с картинной галереей, выкрашенные в розовый цвет с белыми пилястрами; помню самого Ступина [62], седого старика с длинными волосами и суровой наружностью; помню нескольких учеников, часто видая их на улице проходившими в школу. Об них в Арзамасе шла недобрая молва как о вольнице, насмешниках и опасных шалунах. Бабушка прятала от них всех своих

// л. 15

девок. Побаивался их и я. Однажды как-то мы³²⁴ всем семейством посетили картинную галерею школы. Я, конечно, ее не мог оценить и не помню из нее ничего, кроме длинного какого-то коридора или длинной залы, по всем стенам увешанной большими картинами, и только одной чьей-то картины, на которой в натуральную величину написано было избиение младенцев. Картина эта привела меня в ужас множеством крови; на одного воина, державшего за ногу младенца и намеревающегося его зарезать, я решительно не мог смотреть от волнения. Тут я узнал, кто такой был царь Ирод, и получил об нем самое скверное понятие. Больше ничего не помню; помню только, что и другие картины, особенно с большими фигурами, как-то ненатурально изогнутыми, жестикулирующими и резко глядевшими своими глазищами, все казались мне страшными.

Из других арзамасских впечатлений остались у меня в слабой, впрочем, памяти: соборная площадь с пасущимися на ней гусями, еще страшнее козленка, — когда меня водили в собор к обедне, мне все казалось, что эти гуси только о том и думают, <как бы ущипнуть меня за ногу и больно избить крыльями, — потом самый собор, собственно³²⁵ стенная его живопись из событий священной истории без красок в два тона, исполненная, вероятно, ступинской школой³²⁶, картины эти остались у меня в памяти по точному сходству их с картинами старой священной истории, имевшейся³²⁷ у нас дома, которые я много рассматривал у бабушки и знал все наизусть, — далее несколько церквей, стоявших поблизости от дедушкина дома, река Тёша и стоящая на другом берегу ее против города Выездная слобода [63]. Слободу эту я заметил и запомнил, потому что много слышал об ней еще свежих тогда преданий о страшных шалостях ее обывателей по большой дороге и на постоянных дворах, как содержатели этих дворов ночью спроваживали своих гостей, которые были побогаче, в подвалы, где у них содер-

³²⁴ Место: как-то мы — было: мы как-то

³²⁵ Место: собственно — было: <нрзб.>

³²⁶ Далее было: и

³²⁷ Место: имевшейся — было: находившейся

жались кровожадные свиньи, как эти свиньи в одну ночь съедали несчастных путников до конца, уничтожая³²⁸ таким образом все следы преступления. Можно представить, с каким страхом сопровождалась для меня все остановки на постоялых дворах во время всего нашего путешествия.

Из Арзамаса мы ездили гостить в Кобылино [64] к Федору Михайловичу и Фаине Федоровне. Это было богатое и большое село с семью³²⁹ барскими дворами. Федор Михайлович жил богато в большом доме, который был, что называется, полная чаша. Сколько у него при доме было разных чуланов, кладовок и помещений для скота и птиц! Я, впрочем, помню Кобылино уже после позднейшего³³⁰ моего посещения кобылинских родственников при окончании семинарского курса. От первого посещения их у меня остались только смутные воспоминания о стряпушей комнате, куда я мало ходил, так как туда являлись разные неприятные для меня мужики и женщины. Одним мужиком, у которого было в лице и особенно в глазах какое-то подергивание и которого звали Мигундом, меня даже пугали. «Смотри — не шали, а Мигун смигнет» [65], — говорили мне, когда бывало я расшалюсь. Как он мог меня смигнуть, я уже много не анализировал, тем не менее сильно боялся этого таинственного смигивания и немедленно спешил к кому-нибудь из

// л. 15 об.

больших под защиту, как только страшный Мигун объявлялся на дворе. Другим пугалом была для меня некая Неша, должно быть Ненила, деревенская бобылка, приходившая³³¹ иногда прислужить матушке. Она была убогое существо с кривым безобразным ртом, который и был причиной моего к ней страха. В руках у нее постоянно была котомка из лык, в которой она приносила матушке грибы и разные деревенские продукты. Бывало, как ни встанешь поутру, всегда увидишь в окно Нешу, сидит на дворе у колодца и ждет, когда ее позовут в стряпушую. Здесь она оставляла иногда и свою котомку, поставив ее на полку. Мне было внушено, что она делает это нарочно для меня, — как я в чем-нибудь провинюсь, так меня посадят в эту котомку, а Неша придет и унесет меня куда-то. Когда я приходил в кухню, то первым делом смотрел на полку, тут ли котомка. Если она была тут, — это значило, что нужно вести себя, к<а>к можно, благопристойнее, а если нет, так можно было держать себя повольнее. На всякий случай я все-таки осведомлялся, не спрятана ли

она в другом месте: «А где же моя котомка-то?» Дядя долго меня дразнил потом, передразнивая мою тогдашнюю не совсем твердую речь: «А где же-де моя котомка-то?» Одной из главных моих провинностей была самовольная игра на органе, который был у дяди в зале и очень меня занимал; к<а>к только оставят бывало меня без внимания, т<а>к я сейчас же за ручку органа и произведу беспорядочную музыку. Другой провинностью было дразнить на дворе индюка. Т<а>к к<а>к он все-таки был существо страшное, хоть и смешное, то я его дразнил всегда издали, с высокого крыльца, кидая в него камнями.

Дядя Федор Михайлович был страстный пчеловод. Пчельник его был в лесу сейчас же за Тёшей, протекающей под самым селом. Туда довольно часто ходили все домашние гулять и чайничать. Лес был большой, дубовый, примыкающий к лесам муромским и саровским, — теперь его, кажется, уже нет и в помине. В нем водились тогда даже звери, главным образом волки, но изредка³³² заходили³³³ в него и на самый пчельник известные любители меда — Михайлы Иванычи. Грибов в лесу было множество. Каждая прогулка наша сопровождалась добычей целых узлов — маслеников, осинови-ков³³⁴, белянок³³⁵ и подгруздков. Одна прогулка чуть не стоила мне жизни — я уже³³⁶ выучился тогда скакать на одной ноге и это искусство так меня занимало, что я практиковал его при всяком удобном и неудобном случае. Особенно нравилось мне вскакивать на одной ноге на какие-нибудь возвышения, пенёк, кочку, и соскакивать с них, не прибегая к помощи другой ноги. Бегаю по лесной поляне и опередив больших, я увидел подходящий для моего спорта гладкий³³⁷ пенёк от срубленного дерева и сейчас же вскочил на него. Вдруг вижу, бежит ко мне со всех ног испуганный дядя и моментально хватает меня на воздух. После я узнал из его объяснения³³⁸, что около пенёка лежала, обвившись около его основания, большая змея. И то, что во время увидал ее дядя. Я этой змее так и не видал ни до, ни после моего скаканья.

Из Кобылихи мы снова проездом останавливались в Арзамасе. В этом посещении Арза-

// л. 16

маса или в другое позднее, я живо помню прощание с нами дедушки о. Федора. Он провожал нас со слезами и особенно ласкал меня, называя ко-

³³² изредка вписано.

³³³ Далее было: иногда

³³⁴ осиновиков, вписано.

³³⁵ Вместо: белянок — было: <нрзб.>

³³⁶ уже вписано.

³³⁷ гладкий вписано.

³³⁸ Вместо: объяснения — было: до

³²⁸ Вместо: уничтожая — было: не оставляя

³²⁹ Так в рукописи.

³³⁰ Вместо: после позднейшего — было: по позднейшим

³³¹ Вместо: приходившая — было: прислуживавшая

ХРАМ СВ. ГЕОРГИЯ.
НИЖНИЙ НОВОГОРОД

тиком. Потом от<п>равился за нашей подводой пешком до самого выезда из города и тут опять прощался и со слезами благословлял нас вслед до тех пор пока мы совсем не³³⁹ скрылись из виду. Больше он нас никогда не видал, — это было его предсмертное прощанье.

С начала 1840-х годов воспоминания мои делаются все яснее и семейная обстановка несколько понятнее для меня³⁴⁰. Отца я помню³⁴¹ к<а>к-то смутно, — он мало бывал дома и детьми не занимался. Когда³⁴² бывал дома, постоянно ходил по комнате взад и вперед, заложив руки за спину или взявши на руки маленького Павла; после он так же носил на руках других малюток — братьев и сестер. Они т<а>к и засыпали у него на руках. На меня он, кажется, не обращал никакого внимания до тех пор, пока я не начал учиться. С домашними держался он угрюмо и молчали-

во. Я его порядком побаивался. Когда случалось мне что-нибудь сбедокурить, напри<м>ер> разбить стекло в окне, я прежде всего старался укрыться от отца, — для этого убегал в сад и прятался в кусты или на погребницу [66], где залезал за стоявшие там корыта и пустые³⁴³ кадки, а однажды спрятался в самую кадку и просидел там чуть не полдня, не пивши, не евши, все выжидая, когда отец уйдет к вечеру в церковь. Он был горяч, но ненадолго. Если попадешься ему в первые минуты гнева, он, бывало, схватит за волосы, приподнимет на воздух, потом тотчас же³⁴⁴ спустит на землю и даст шлепка. Больше он никак не наказывал, но эта короткая расправа казалась мне очень страшной. От нее-то я и прятался, зная, что, если выжду время, со мной больше ничего не будет. Отец успокоивался и относился ко мне с обычной небрежностью, как бы не замечая меня. Какой-нибудь ласки и нежности он не допускал ни в отношении к себе, ни сам в отношении к детям. Доверчивости я не чувствовал к нему никакой, напротив, старался всячески не попадаться ему на глаза и скрывать от него все, что, по моему мнению, было не в его духе. Я не помню, чтобы он был ласков и с матерью. Разные нежности, целования, ласкания, даже обыкновенные приветствия поутру, прощания на ночь, благодарности³⁴⁵ после обеда или ужина вообще не были приняты ни в семье бабушки, ни в нашей. А отец был, кроме того, питомец тогдашней семинарии³⁴⁶ и отчасти тогдашней бursы, где господствовали самые жестокие нравы: преследовалось к<а>к нечто в высшей степени постыдное³⁴⁷ все³⁴⁸ мягкое, нежное в душе и³⁴⁹ в идеал ставился известного рода грубый закал характера. Сколько помнится, отец вообще презирал женщин и больше всего боялся обитать. Между тем душа его была от природы отзывчивая на все доброе и прекрасное. Он был остроумен и славился у знакомых своими короткими и³⁵⁰ меткими словечками и сравнениями. Кого³⁵¹ как обзовет, так это прозвище и станется, — словно печать приложил. Он много читал по литературе, иногда вместе с матерью на ночь, особенно по части литературы драматической, был завзятый театрал³⁵² и ценитель драматического искусства.

³⁴³ пустые *вписано*.

³⁴⁴ тотчас же *вписано*.

³⁴⁵ Далее было: за

³⁴⁶ Вместо: семинарии — было: <нрзб.>

³⁴⁷ к<а>к нечто в высшей степени постыдное *вписано*.

³⁴⁸ Далее было: <нрзб.>

³⁴⁹ Далее было: проповедов

³⁵⁰ короткими и *вписано*.

³⁵¹ Далее было: или что

³⁵² Далее было: , так ка

³³⁹ не *вписано*.

³⁴⁰ Далее было: Обстановка эта была очень не веселая и не поучительная.

³⁴¹ помню *вписано*.

³⁴² Вместо: Когда — было: О

Театр был тогда в Егорьевском приходе; он занимал угол Печерской улицы против архиерейского дома, где теперь стоит духовная богадельня, — и представлял из себя большой деревянный сарай³⁵³; в том же приходе жила и вся театральная труппа. Большинство ее мужского персонала было в приятельских отношениях с отцом³⁵⁴ и бывало у нас в гостях. Он сам очень часто ходил в театр, и к мнениям его об игре его приятели-актеры иногда серьезно прислушивались. Обычное место

// л. 16 об.

его в театре было вверху сцены над самой занавесью, где он и сидел в потемках³⁵⁵ никем не видимый в обыкновенном своем костюме, в рясе и даже со шляпой на голове, на всякий случай еще больше углубляясь во мрак сценических верхов, когда на сцену заходили в антрактах губернатор, полицмейстер и др.<угое> начальство, а т.<а>кже важные лица из дворянства. Однажды во время антракта он спустился с своих верхов на сцену повидать кого-то из артистов. Его сейчас же окружили его приятели, участвовавшие в следующем действии³⁵⁶, завели болтовню и не заметили сигнала к поднятию занавеса. Вдруг занавес стал быстро подниматься. Отец едва успел броситься за ближайшую кулису и попал прямо в объятия актрис. Его посещения театра не укрылись от начальства. Архиереем был тогда Иоанн Доброзраков, человек светский, общественный и немалый эстетик; он посмотрел на³⁵⁷ это дело снисходительно. При встрече с отцом³⁵⁸ он прямо спросил его: «А что, отче, ты бываешь, дескать³⁵⁹, в театре?» — «Случается, Ваше Преосвященство, — увильнул отец. — Служащие при театре — народ очень благочестивый, часто зовут с образом (в Егорьевской церкви и теперь³⁶⁰ находится почитаемый образ Одигитрии, с которым причт по пригласению ходил по домам своего прихода) служить молебен; нередки и др. требоисправления». Архиерей иронически посмотрел на него, давая понять, что он знает что знает, но этим только и ограничился.

Не чужд был о. дьякон и научных стремлений. Сколько я³⁶¹ помню его, из него никогда не выветривался дух тогдашнего семинарского образования. Он любил богословие и был порядочным латини-

стом, — по философии и богословию уроки в его время преподавались еще³⁶² на латинском языке. Был у него один приятель однокурсник Лавр Алексеич Яворский, священствовавший где-то поблизости от Нижнего в селе. Бывая в городе, он³⁶³ иногда³⁶⁴ заезжал к нам. Это был очень живой, чернявый и не совсем уклюжий поп, большой любитель поспорить по философии или богословию. И вот бывало, к.<а>к только Лавер, — к.<а>к его у нас звали — приедет к отцу, т.<а>к и пойдет ходить изба с печью от жаркого спора. Оба диспутанта бегают взад и вперед по нашей маленькой комнате, к.<а>к звери в клетке, и взапуски, с красными лицами и с какой-то яростью, кричат друг на друга на своем латинском жаргоне, которого никто из домашних, конечно, не понимал. Дети и женщины старались держаться в сторонке, а то и вовсе уходили куда-нибудь, боясь подвернуться под ноги рьяных борцов. Тогдашнее семинарское образование, все заключавшееся в изучении всевозможных форм сначала³⁶⁵ языка, потом речи (риторика), наконец, мышления, чрезвычайно развивало формальную сторону ума своих питомцев и образовывало из них необыкновенно тонких мыслителей и богословов. Отец был из учеников среднего достоинства, но судя по знакомым мне некоторым³⁶⁶ его сочинениям, я думаю, что по тонкости и силе логики и диалектики с ним едва ли бы мог сравняться самый лучший семинарский философ или богослов нашего времени³⁶⁷. Скажу даже больше, — подобной силы и тонкости формального мышления я не встречал даже и у современных студентов академии и вполне соглашаюсь с критиками двух³⁶⁸ новых уставов наших духовно-учебных заведений, что эти уставы³⁶⁹ много понизили развитие в учениках мыслительности.

Как священнослужитель из так называемых ученых, он должен был представлять в год известное число самостоятельных произведений, — помнится — 12. На более высоком poste и для более образованных слушателей, чем в Егорьевском

// л. 17

приходе, он, вероятно, был бы хорошим проповедником. Но в его³⁷⁰ положении ему негде было развернуться. Он был слишком мудрен и тяжел для своих слушателей. К несчастью, он имел сла-

³⁵³ Текст: он занимал угол Печерской ~ и представлял из себя большой деревянный сарай; — *вписан слева на полях.*

³⁵⁴ Вместо: с отцом — *было: к отцу*

³⁵⁵ в потемках *вписано.*

³⁵⁶ участвовавшие в следующем действии, *вписано.*

³⁵⁷ на *вписано.*

³⁵⁸ Вместо: При встрече с отцом — *было: Призвал к себе отца*

³⁵⁹ дескать *вписано.*

³⁶⁰ и теперь *вписано.*

³⁶¹ Далее *было: <нрзб.>*

³⁶² еще *вписано.*

³⁶³ Бывая в городе, он *вписано.*

³⁶⁴ Далее *было: он*

³⁶⁵ Вместо: сначала — *была запятая.*

³⁶⁶ Вместо: некоторым — *было: некоторых*

³⁶⁷ нашего времени *вписано.*

³⁶⁸ двух *вписано.*

³⁶⁹ Вместо: эти уставы — *было: они*

³⁷⁰ Вместо: его — *было: данным*

бость подражать Филарету Московскому, который был тогда³⁷¹ в апогее своей ораторской славы, и отчасти Иннокентию Пензенскому, которого любил читать. В своей³⁷² проповеднической речи он часто ужасно хитрил и à la Филарет, употребляя такие заковыристые слова, сравнения, аллегории и обороты, которые были иногда хитрее даже Филаретовских. Из-за этого у него постоянно возникали неприятности с цензором проповедей — протоиереем Прудентовым, который приходился ему³⁷³ несколько сродни по жене (троюродным дядей), был человек ученый и с поползновениями учить уму-разуму других. На проповедях отца он писал обыкновенно целые³⁷⁴ рецензии вроде напр<имер> такой: «Есть выражения школьные, запросные, отвлеченные, заключающие в себе одну спекуляцию или теорию; есть умствования новомодные, нынешних философов суетумудрия, кои все 5 и 6 пунктом инструкции запрещаются, и в проповеди всемерно удаляться их предписано». К<а>к человек молодого поколения, получив подобную подписку, отец обыкновенно волновался, показывал ее другим и толковал об отсталости своего цензора и непонимании дела. Проповеди в своей церкви он говорил довольно часто, или³⁷⁵ изредка свои, или чужие прямо по книге. Приходский настоятель, протоиерей Иван Алексеевич Грацианов, был по этой части ленив и заставлял вместо себя выступать на проповедническую кафедру своего дьякона.

По старой семинарской привычке, отец любил списывать все, что ему бросалось в глаза по богословию. Помню, он списывал какие-то лекции по богословию на русском языке. Записки эти были потом кем-то взяты после его смерти, вероятно, дядей Степаном в Балахну, и я не могу³⁷⁶ теперь сказать, чьи были эти лекции. Некоторое время он списывал только лишь появившиеся книжки Макарьевской догматики [67], потом стал их покупать. В занятиях письмом была у него³⁷⁷ особенная³⁷⁸ любовь к аккуратности, симметрии и чистоте. Тетрадки, на которых он писал были все одинаковой величины, из одной бумаги, с одинаковым обрезаем и одинаково поровну загнутыми полями, даже ниткой прошиты ровно, как по линейке. Некоторые тетради были им даже собственноручно переплетены в корешок. На каждой странице наблюдалось одинаковое число строк. Почерк его был очень тща-

тельный, с аккуратно вписанными буквами, хотя и мелкий, что называется бисерный. Так он писал и церковные метрики, и свои тетрадки, и всякую всячину. Одно время он было затевал завести³⁷⁹ у себя, вместо переписки, печатание своих тетрадок. У нас был один знакомый чиновник типографии, некто Престолов, женатый на некоей Надежде Михайловне, родственнице бабушки и живший в³⁸⁰ собственном доме на той же Ковалихинской улице, где жили и мы. Он потихоньку да полегоньку натаскал отцу из своей типографии шрифта и типографской краски, даже киновари для начальных букв. Но почему-то эта затея отца не состоялась. Шрифт этот без употребления лежал у него в одном³⁸¹ ящике

// л. 17 об.

дедовского письменного стола. После его смерти мать, услышавшая от кого-то, что типографские принадлежности опасно держать у себя частным лицам, куда-то его пристроила.

В характере отца была заметна какая-то гордая застенчивость; оттого он дружил³⁸² большею частью с людьми, низшими себя или по положению, или по развитию, от которых не мог ожидать ни обидного пренебрежения, ни высокомерного обращения, ни насмешки — вообще чего-нибудь унижающего. Между своими сослуживцами он дружил единственно с причетниками, дьячком (не помню, к<а>к его звали) и пономарем Алексеевичем (Алексей), которые любили его и дорожили его близостью к ним. С ними он был откровенен, весел, остер и во всем заодно. Они учили его петь и принимать с клироса тон для эктений. Отец не имел ни голоса, ни слуха и вовсе не умел петь³⁸³. С настоятелем своим протоиереем Иоанном Алексеевичем³⁸⁴ Грациановым он, напротив, держал себя далеко, часто на официальную ногу и стоял в отношении к нему даже в оппозиции вместе с причетниками. В тогдaшнее время чинопочитание³⁸⁵, впрочем, вообще³⁸⁶ более соблюдалось, чем теперь, и дьякону ник<а>к нельзя было сойтись за панибрата с попом уже по самому их свящ<енному> рангу. От<ец> Грацианов был, впрочем, человек не гордый и держался просто. Он был протоиерей довольно сановитой наружности, с большой и окладистой седой бородой, свежим красноватым лицом,

³⁷¹ тогда вписано.

³⁷² Далее было: речи

³⁷³ ему вписано.

³⁷⁴ целые вписано.

³⁷⁵ Далее было: свои

³⁷⁶ Вместо: могу — было: знаю

³⁷⁷ Далее было: любопытная

³⁷⁸ Вместо: особенная — было: особенность

³⁷⁹ Далее было: вместо

³⁸⁰ Вместо: в — было: на

³⁸¹ одном вписано.

³⁸² Вместо: дружил — было: <нрзб.>

³⁸³ Текст: Они учили его петь и принимать с клироса тон для эктений. Отец не имел ни голоса, ни слуха и вовсе не умел петь. — вписан справа на полях.

³⁸⁴ Иоанном Алексеевичем вписано.

³⁸⁵ Далее было: было

³⁸⁶ вообще вписано.

внушительным ростом и брюшком, но с тонким теноровым голосом, который производил немалый таки ущерб в его сановитости. Причтовая³⁸⁷ оппозиция много винила его втихомолку за не совсем честный раздел церковных доходов, за излишнее подчас выпивание во время хождений с крестом и³⁸⁸ с образом Одигитрии и завертывание³⁸⁹ после этого на отдых к какой-то куме (он был вдовец), где³⁹⁰ выславленные деньги будто бы порядочно убывали в своем количестве.

Нельзя сказать, чтобы это общество причетников могло иметь доброе влияние на отца. Сколько помнится, оно было очень грубо³⁹¹; весь интерес его держался на общей выпивке и разных демократических разговорах, остротах и бурсацких³⁹² насмешках над людьми хоть несколько более образованного круга — помещиками, барынями, чиновниками и проч., над тем, как они одеваются, кланяются, говорят³⁹³, любезничают с дамами, жеманничают³⁹⁴. Дьячок³⁹⁵, коротенький, большеголовый, с очень глупым и подобоострастным лицом, с тенористым голосом³⁹⁶, был человек молчаливый и только поддакивал тому, что говорили другие. Но пономарь Алексеич, высокий, здоровый силач, с хриплым басом и с каким-то бабьим, безбородым лицом, был большой оратор и остряк. Он любил карикатурно передразнивать и дамское приседание хвоста³⁹⁷, и интересничанье дамских физиономий, и тонирование разных господ, и все, что отзывалось тогдашним образованным³⁹⁸ дворянством и подражанием образованному кругу, возбуждая общий хохот компании. Разговора свысока, как он называл речь на а, он терпеть не мог. «Харашо, да падй, да здаровы ли вы... И чего ломают русский язык? То ли дело: хорошо, поди, здоровы, — прибавлял он, усиливая букву о, — это вот вам<?>, верно и³⁹⁹ правильно...» Компания сопровождалась неперменной выпивкой, совсем уже ненужной для отца по его далеко не богатому здоровью.

Так как дома этим выпивкам встречались помехи от женщин, то приятели

// л. 18

уходили по праздникам после службы в набережный сад, который тогда только лишь разводился и разрастался и еще мало был посещаем публикой, или в церковную сторожку, где была квартира Алексеича, пока его не выселили почему-то на вольную квартиру где-то у Печерского монастыря. Однажды приятели, опорожнив в саду полштоф [68], нагнули одно молодое, но высокое деревцо⁴⁰⁰, воткнули этот полштоф горлышком в развилку ветвей на самую⁴⁰¹ вершинку и пустили дерево на волю. Оно выпрямилось и стеклянная пустая посуда долго после этого сияла над садом на солнце, как светлое воспоминание приятных минут, проведенных тут друзьями. — Несколько позднее, в конце 40-х годов, у отца явилась еще новая компания из актеров, которые частенько заходили к нам в свободные от спектаклей вечера, — спектакли были тогда не каждый день. Компания эта была занимательнее, изящнее и приятнее, но и вечера с актерами постоянно оканчивались выпивкой, часто до самого положения и риз, и мошей, так что некоторые из артистов так и оставались у нас на ночь на полу и где попало.

Частые приезды из уездов разных родственников тоже сопровождались неизбежной выпивкой. Удивительно, как тогда пьянствовало нижегородское духовенство, а в частности и все почти наше родство. Сколько я ни помню разных духовных родственников, — все почти рано или поздно спивались с кругу⁴⁰² и почти все⁴⁰³ умирали от пьянства или болезней, происходивших от вина. Спаивали даже и женщин. Мало-помалу приучалась выпивать и глава нашего семейства бабушка Анна Михайловна. Она пила не слишком героически, но при каждом посещении родных делалась порядочно возбужденною и всем говорила слишком⁴⁰⁴ много правды. Под старость она выпивала понемногу пред каждым обедом и ужином. Это удовольствие должен был доставлять ей Васинька, как она называла моего отца, с которым они вместе и выпивали. За водкой в питейный дом прямо против нашего дома посылали кого-нибудь из постояльцев в подклете, а потом, когда я немного попрос, то возложили эту обязанность на меня.

Мать моя имела мало значения в семействе и долго жила даже без всякого дела. Она поступила в дом Знаменских просто, т<а>к сказать, на хлеба бабушки Анны. Главной хозяйкой была бабушка. Ей отдавали свои доходы и отец, и дядя Иван Ан-

³⁸⁷ Причтовая *вписано*.

³⁸⁸ с крестом и *вписано*.

³⁸⁹ Вместо: завертывание — было: захождение

³⁹⁰ Далее было: его церковные

³⁹¹ Далее было: и все

³⁹² бурсацких *вписано*.

³⁹³ говорят, *вписано*.

³⁹⁴ Далее было: Пономарь Алексеич

³⁹⁵ Далее было: был

³⁹⁶ с тенористым голосом *вписано*.

³⁹⁷ Так в *рукописи*.

³⁹⁸ образованным *вписано*.

³⁹⁹ верно и *вписано*.

⁴⁰⁰ Далее было: и

⁴⁰¹ Вместо: самую — было: самый

⁴⁰² Вместо: кругу — было: ру

⁴⁰³ Вместо: все — было: всё

⁴⁰⁴ слишком *вписано*.

«ПАРАДИЗ».
КАРТИНА П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

дреич. Раздела между нашим и ее семейством сначала⁴⁰⁵ вовсе не было. Она производила все расходы, стряпала общий стол, на счет сыновей содержала и весь дом. Даже когда родился первенец у Василия Андреевича, т. е. я, я поступил на воспитание не к матери своей⁴⁰⁶, а к бабушке же и к⁴⁰⁷ ее семье. Мать только кормила меня грудью. Других детей она воспитывала уже сама⁴⁰⁸. В хозяйство ей вовсе не приходилось вступаться. Она только изредка должна была помогать бабушке в некоторых кухонных работах, напри^мер что-нибудь чистить и т. п. Но и этих забот старалась избежать вследствие разных неприятностей от свекрови, которая была вечно недовольна ее умелостью или поспехом [69]. Таким образом, она должна была вести почти бездейственную жизнь. Это обстоятельство, в связи, вероятно⁴⁰⁹, и с природною⁴¹⁰

⁴⁰⁵ сначала вписано.

⁴⁰⁶ Далее было: <нрзб.>.

⁴⁰⁷ к вписано.

⁴⁰⁸ Далее было: Таким образом

⁴⁰⁹ Вместо: вероятно — было: с ее

⁴¹⁰ Далее было: ленивостью

малоподвижностью, было причиной того, что она была всегда и после дов<ольно>

// л. 18 об.

наклонна к лени. Я помню ее хорошо в ее молодости. Это была красивая брюнетка несколько полного типа, для выхода из дому⁴¹¹ любила принарядиться, белилась, но кажется только⁴¹² по тогдашнему общему обычаю, потому что цвет лица ее был бел и свеж и без этого. Но дома одевалась неряшливо. Не любила также заботиться о чистоте и⁴¹³ в нашей комнате⁴¹⁴, вследствие чего отец, человек во всем аккуратный, делал ей иногда за это внушительные замечания. О детях, их чистоте и потребностях тоже мало заботилась и часто на них жаловалась. Мы ей, видимо, надоедали, и она старалась отделаться от нас всякий раз, как мы ее окружали с ласками или детскими разговорами, и отсылала нас к бабушке, на двор, на улицу⁴¹⁵, заставляя нас играть и занимать себя, как нам вздумается и сумеется.

Все свободное время она проводила за книгами, которые добывали ей или отец, или дяди. Читала она исключительно романы и драматические произведения, последние⁴¹⁶ из театральной библиотеки, даже в рукописях (театр тогда⁴¹⁷ не всегда был в состоянии приобретать себе печатные пьесы и довольствовался их списыванием). Как из романов, так отчасти и⁴¹⁸ из драматических произведений ей нравились преимущественно произведения сентиментального или страшного характера с разными герцогами, герцогинями, рыцарями, всякими героями, злодеями, разбойниками, таинственными подземельями, провалами и крайне запутанною интригою. Когда появились романы Сю [70] и Дюма, она зачитывалась ими до самозабвения. Живя⁴¹⁹ всей своей сентиментальной души в этом фантастическом мире разных фантастических героев и злодеев, она неохотно выходила из него не только в действительную жизнь с ее скудной и далеко неприглядной обстановкой в нашем семействе⁴²⁰, но даже в другие области самой литературы, которые поближе соприкасались с действительностью, напри^мер не могла никак примириться даже с произведениями Гоголя, кото-

⁴¹¹ для выхода из дому вписано.

⁴¹² только вписано.

⁴¹³ и вписано.

⁴¹⁴ Далее было: так что

⁴¹⁵ Вместо: улицу — было: улице

⁴¹⁶ последние вписано.

⁴¹⁷ тогда вписано.

⁴¹⁸ и вписано.

⁴¹⁹ Далее было: мыслею

⁴²⁰ в нашем семействе вписано.

рого⁴²¹ ставила наряду с Поль де Коком [71], то есть считала каким-то грязным охальником, чуждым всего возвышенного и прекрасного.

Другой страстью ее был театр, куда она сначала ходила редко и то в парадиз⁴²² [72] за недостатком денег, потом, после знакомства с актерами, чаще и в разные места, даже в ложи по даровым билетам знакомых бенефициантов [73]. Репертуар тогдашнего театра был как раз по ее вкусу, — играли «Материнское благословение» [74], «Клару д'Обервиль» [75] и т. п. Герой Трусов, злодей Давидов, благородный отец Афанасьев, сентиментальная и трогательная героиня Вышеславцева, благородная мать Стрелкова старшая⁴²³, — сделались ее любимцами и любимицами. С Вышеславцевой она даже познакомилась⁴²⁴. Знакомство это продолжалось до старости, и обе старушки, вспоминая при встречах свое⁴²⁵ хорошее прошлое, не раз сентиментально вместе плакали.

Увлечение фантастическими образами романа и театра заметно отзывались и в речи молодой дьяконицы⁴²⁶, и в отношениях ее к людям. Она не прочь была представить в фантастическом виде и себя, и разные случавшиеся с ней происшествия, принаравливая к ним и к себе⁴²⁷ романтические размеры и свойства, прикрашивала и рисовалась, сама, впрочем, искренно⁴²⁸ веря в свои⁴²⁹ невольные и несознательные⁴³⁰ отступления от настоящей прозаической правды. Окружающие ее люди после книжных и театральных

// л. 19

героев ей, конечно, не нравились, да они и действительно⁴³¹ за небольшими разве⁴³² исключениями были не совсем привлекательны⁴³³. Все эти духовные родственники, священники и дьяконы, дьячки и пономари, немножко пьяные, немножко неотесанные, никак не могли идти в сравнение с герцогами и рыцарями, и она их не любила так, как не любила еще разве⁴³⁴ монахинь. Последнюю антипатию к монахиням она нажила еще в девицах в Арзамасе. Хотя она никогда не была осо-

бой⁴³⁵ религиозной, но в молодости, около 16 лет от роду, в период девического⁴³⁶ кризиса, подобно большинству девиц этого периода, почувствовала в себе наклонность к спасению души в монастыре. Бабушка — мать ее долго отговаривала ее от монастырских, да и работать не сможешь». Но она настояла на своем и была отпущена из дому на житье в Алексеевскую арзамасскую общину [76], монахини которой ее и сманивали к себе. Там сейчас же посадили Христову невесту за золотошвейную работу. Житье было строгое да голодное, старшие монахини злые-презлые, а работа тяжелая для глаз да целодневная, — вздохнуть нельзя. Пожила-пожила юная подвижница, изломалась, изголодалась вся, глаза чуть не потеряла и от работы, и от слез, да месяца через 3 и сбежала домой к отцу с матерью. С тех пор она видеть не могла монахинь равнодушно, да немало пострадала после этого и сама ее религиозность. — Простонародьем, особенно деревенским, она тоже гнушалась, крестьян брезгливо называла мужичищами. Это, впрочем, не мешало ей допускать⁴³⁷ большую близость с некоторыми простыми женщинами, с которыми она могла потужить о своем семейном положении. В детстве помню я в качестве частой нашей посетительницы крестьянку какой-то подгородной деревни Федору, которая носила нам молоко и др. деревенские продукты. Это была баба молодая, красивая и необыкновенно голосистая. Ее семейное положение, должно быть, было похоже на положение моей матери. Они подолгу сидели вместе, и мать ей что-то рассказывала то печальное, то сердитое, а Федора, подперев щеку рукой, прилежно слушала, поминутно вставляя восклицания: «Вот ты говори! Экое дело! Поди ж ты вот, косатка!»

Жаловаться действительно было на что. Разлад со свекровью и золовками отзывался для нее⁴³⁸ на каждом шагу привязками, попреками и бранью. К участию в этой вражде⁴³⁹ и столкновениях привлечен бывал и я с самого раннего детства. Вот, напри<ер>, сцена, врезавшаяся мне в память еще в первое время пробуждения моего сознания. В своей маленькой комнате-боковушке с растворенной настежь дверью (было лето и было жарко) сидит за книгой мать. Через сени в задней комнате сидят за работой тетки; бабушки нет дома. Я перебегаю из одной комнаты в другую, от матери к теткам, от теток к матери. «Что твоя мать там де-

⁴²¹ Далее было: считала

⁴²² и то в парадиз вписано.

⁴²³ Вместо: Стрелкова старшая — было: Стрелкова

⁴²⁴ Далее было: и неоднократно вместе с ней плакала

⁴²⁵ свое вписано.

⁴²⁶ молодой дьяконицы вписано.

⁴²⁷ Далее было: вычитанный

⁴²⁸ искренно вписано.

⁴²⁹ Далее было: , пожалуй,

⁴³⁰ Вместо: и несознательные — было: прекрасы

⁴³¹ Далее было: а. были большею б. не привлекательны

⁴³² разве вписано.

⁴³³ были не совсем привлекательны вписано.

⁴³⁴ разве вписано.

⁴³⁵ особой вписано.

⁴³⁶ Далее было: развития

⁴³⁷ Далее было: некотор

⁴³⁸ для нее вписано.

⁴³⁹ Вместо: этой вражде — было: этом во

лает? — спрашивает одна из теток⁴⁴⁰. — Ничего ее не слышно?» — «В книжку читает», — говорю. «Пойди скажи ей, что она арзамасская гусыня⁴⁴¹». Я бегу исполнить⁴⁴² поручение: «Мама, они говорят, что ты арзамасская гусыня⁴⁴³...»

// л. 19 об.

мать бросает книгу, принимает вызов и посылает меня сказать, что, по ее мнению, тетки — кобылы ногайские — на этот раз я с бóльшим, чем до этого, удовольствием спешу обратно, выкрикивая: «А она говорит, что вы кобылы ногайские». Война разгорается, и я снова бегу парламентаром сказать матери, что она сидит, пытит, как запечная кикимора. «А она говорит, — приношу я в ответ⁴⁴⁴ теткам, — что вы подовражные собаки». Были такие в конце Ковалихи близ стоявших за городом боень, и это сравнение мне очень понравилось. Я вошел уже в азарт, звонко⁴⁴⁵ хохочу при каждом новом поэтическом сравнении и, когда воюющие стороны истощаются в⁴⁴⁶ изображении новых уда-ров, начинаю даже упрашивать: «Мама, выдумай, что-нибудь еще».

Приходит бабушка, и дочери ее жалуются на мою мать. Она, в свою очередь, поднимает свое сопрано до крайних верхних нот, заступаясь за теток, как за обиженную, по ее мнению, сторону. Потом является отец, и обе стороны обращаются к нему за заступничеством, продолжая перебранку и перебивая одна другую, даже не давши ему раздеться. Иногда он старается разобрать дело и помирить своих дам, но большею частию в отчаянии нахлобучивает на себя шляпу и бежит⁴⁴⁷ вон из дома, после чего возвращается домой поздно и выпивши.

В начале 1840-х годов междоусобия наши немного попритихли. Две тетки вышли замуж и выбыли из дома. Когда и как это случилось, я уже этого⁴⁴⁸ не помню. Осталась у бабушки на руках одна дочь, Варвара, девушка кроткая, любящая и безответная, которая не ссорилась с моей матерью. Ее свадьбу я помню. Помню, как она, краснея, смотрела с любовью на своего жениха, Ивана Алексеевича Соколова. Иван Алексеевич был архиерейский певчий и обладал хорошим грудным тенором. Ходя по вечерам к невесте, он часто по общей просьбе пел разные тогдашние романсы, и я его заслушивался. В это время наше семейство

увеличилось тремя моими братьями, или точнее двумя, потому что второй по мне брат, Иван, умер раньше, да и третий⁴⁴⁹, Андрей, вскоре⁴⁵⁰ умер в детстве от золотухи или сухотки и от⁴⁵¹ плохого ухода; в прежней комнате нам стало тесно, и мы с разрешения бабушки перешли жить во флигель. Помню и самый наш переход туда. Отец с матерью прежде всех вещей⁴⁵² несли впереди образа, а маленький брат Павел, нарядившись вместо риз в бабушкин платок, нес за ними печную лопату⁴⁵³ широким концом вверх и что-то непонятное пел, изображая из себя священника. В этом флигеле пошла у нас другая, более самостоятельная жизнь.

Из других членов нашего семейства имели на меня влияние две⁴⁵⁴ бабушки и дядя Иван Андреевич. Бабушка Анна Михайловна имела на меня влияние просветительное, а бабушка Ирина — нравственное, и обе — на мое воспитание в религиозном⁴⁵⁵, патристическом и народном духе. — С очень раннего детства я наслушался от первой бабушки⁴⁵⁶ множество житий святых и благочестивых повествований. Печерский Патерик киевского издания с картинками, бывший у меня настольной книгой,

// л. 20

я рассматривал еще ребенком и знал почти наизусть, еще не учившись грамоте, понаслышке. Впоследствии знание его очень мне пригодилось в академии при изучении Русской истории. На одном экзамене этим знанием⁴⁵⁷ я просто изумил проф<ессора> Щапова [77], который подумал⁴⁵⁸, что я приобрел свои сведения из подробного изучения летописи, а не из рассказов бабушки. Рассказывала мне моя бабушка множество старых историй из семейных преданий, напริม<ер> о пугачевщине, о французском нашествии, о разных родственниках, прежних архиереях, о⁴⁵⁹ нравах и обычаях любезной старины и множество сказок. В сказывании сказок с ней, впрочем, успешно соперничала и бабушка Ирина Ивановна. От них же я узнал всякие народные⁴⁶⁰ пословицы, присловья, приметы, поверья и чуть не всю русскую мифологию. Все это передавалось ими⁴⁶¹ так увлекательно, что я,

⁴⁴⁰ спрашивает одна из теток. *вписано.*

⁴⁴¹ Вместо: гусыня — было: <нрзб.>

⁴⁴² Далее было: такое

⁴⁴³ Вместо: гусыня — было: <нрзб.>

⁴⁴⁴ в ответ *вписано.*

⁴⁴⁵ звонко *вписано.*

⁴⁴⁶ Далее было: вы

⁴⁴⁷ Вместо: бежит — было: п

⁴⁴⁸ этого *вписано.*

⁴⁴⁹ Вместо: брат Иван умер раньше, да и третий — было: брат

⁴⁵⁰ вскоре *вписано.*

⁴⁵¹ золотухи или сухотки и от *вписано.*

⁴⁵² прежде всех вещей *вписано.*

⁴⁵³ Далее было: верхн

⁴⁵⁴ две *вписано.*

⁴⁵⁵ религиозном, *вписано.*

⁴⁵⁶ Далее было: всяких

⁴⁵⁷ этим знанием *вписано.*

⁴⁵⁸ Вместо: подумал — было: думал

⁴⁵⁹ Далее было: любезных

⁴⁶⁰ народные *вписано.*

⁴⁶¹ ими *вписано.*

а потом вместе со мной и брат Павел не отходили от них по целым вечерам, когда, закончив свои дневные дела, они, бывало, усядутся около окошка, бабушка Анна с чулком, а бабушка Ирина со своей пряжей. Без них я, городской уроженец, мало даже видавший деревню, никогда бы не мог приобщиться к нашему русскому народному духу до такой степени, как того требовала доставшаяся мне на долю жизненная профессия.

С бабушкой Ириной я был неразлучен все годы моей детской жизни. Бабушка Анна была занятой человек и мало сидела на месте. Ирина же была постоянно со мной; лет до 6⁴⁶² я даже и спал с ней на одной постели. Это была длинная и худая женщина с маленькой головой, одетая всегда в темное ситцевое платье⁴⁶³ с белым платочком на шее вместо воротничка и с⁴⁶⁴ шелковой головкой на волосах; ходила немного раскачиваясь; оттого бабушка Анна, когда с ней бранилась, обзывала ее мотовилом [78]; голос у нее был брюзжащий старческий. Добрейшее она была существо и преуслужливая для всех, но почему-то все ее не любили в семействе; кажется, больше потому, что⁴⁶⁵, стараясь всем услужить и помочь, она имела при этом несчастную способность всем мешать и надоедать; кроме того, была как-то по-старушечьи любопытна, всегда являлась⁴⁶⁶, где ее и не надо было, и все подглядывала и⁴⁶⁷ доглядывала. Ходила она тихо, неслышно, стараясь быть незаметной, и являлась неожиданно, как тень. Моя мать постоянно ее пугалась. Заглянет тихонько в комнату, случайно⁴⁶⁸ никого не увидит и пойдет отыскивать, куда все⁴⁶⁹ девались; найдет где-нибудь в укромном углу, напริม<ер>⁴⁷⁰ мать мою, и скажет⁴⁷¹: «Али ты тут?» и пойдет дальше. Любила вмешиваться в разные дела с нравоучениями и указаниями, говоря укоризненно «И-и, matka» или «И-и, батька». Сама она была такая чистенькая и приглаженная и любила за всеми прибирать. Прибьет какую-нибудь тряпку и забудет, куда положила; хватятся этой тряпки, не найдут и начнут бранить бедную бабушку.

Жалкая доля досталась в жизни⁴⁷² этой доброй старушке. Средств у ней не было никаких, кроме, кажется, 10 руб., которые каждый год выдава-

лись ей из попечительства о бедных дух<овно-го> звания. Из этих денег она расходовала копейки на церковь, на свечку⁴⁷³, поми-

// л. 20 об.

нанье и просвирки. Были у нее сестры, племянники и племянницы, но я не помню, чтобы они что-нибудь ей давали, да она ни у кого ничего и не просила⁴⁷⁴. <На> Немногие оставшиеся от ее⁴⁷⁵ религиозных расходов гроши она ухитрялась изредка⁴⁷⁶ готовить вкусные каши и лепешечки или покупать пряники жомки⁴⁷⁷ [79], которыми оделяла нас, ребятишек, мало видавших вкусных снедей и гостинцев. Но замечательно, что и дети мало ее любили, несмотря на ее ласки, кроме, кажется, одного меня, и постоянно ей грубили, вероятно, по примеру больших и вследствие ее полной беспомощности и ничтожества в семье. Во всем своем содержании она зависела от бабушки Анны, а у этой с ней, как с золовкой, остались, конечно, многие старые счеты. Пока жив был брат Ирины Ивановны, муж бабушки Анны, Андрей Иванович, бедной вдовице все еще жилое туда-сюда, но когда он умер и старшей в доме осталась одна Анна Михайловна, житье бедной золовки испортилось вконец.

Куда бы она ни пошла, она везде мешала; сделает ли что, скажет ли что, все было не так. Анна Михайловна с каким-то азартом вечно ее осаживала, поправляла и бранила. В кухонной печи ее маленький горшочек с кашкой или лепешечки непременно оказывались не на месте и отсовывались в сторону. Каждым куском ее попрекали, так что она, и без того великая постница, старалась есть как можно меньше, часто вовсе не садилась за стол, а съедала где-нибудь в сторонке кусок хлеба, тем и была сыта. Стараясь к<а>к можно больше⁴⁷⁸ стусеваться [80] и быть незаметной, она целые сутки летом проводила на чердаке, где устроила себе за трубой уютный уголок, окружила себя своими образами и коробочками и сидела за своей пряжей, тут же ложилась и спать, не обращая внимания на мелкую чердачную пыль и мириады блох. Целые часы проводила она в этом уголку даже зимой и, только назябшись донельзя, сходила посидеть и погреться вниз. Спала она зимой вместе со всеми на полу или на лежанке. И замечательно, что она никогда не хворала или, может быть, таила свои хворости.

Я любил лазить на чердак в ее уголок, потому что она всегда там ласково меня встречала

⁴⁶² Вместо: 6 — было: 7

⁴⁶³ Вместо: темное ситцевое платье — было: темном платье

⁴⁶⁴ Вместо: с — было: в

⁴⁶⁵ Далее было: она

⁴⁶⁶ Далее было: и все

⁴⁶⁷ подглядывала и вписано.

⁴⁶⁸ случайно вписано.

⁴⁶⁹ все вписано.

⁴⁷⁰ напрім<ер> вписано.

⁴⁷¹ Далее было: только

⁴⁷² в жизни вписано.

⁴⁷³ на свечку, вписано.

⁴⁷⁴ Далее было: Из

⁴⁷⁵ ее вписано.

⁴⁷⁶ изредка вписано.

⁴⁷⁷ или покупать пряники жомки, вписано.

⁴⁷⁸ к<а>к можно больше вписано.

и чем-нибудь баловала. Заставал я ее всегда за работой, а еще чаще за молитвой. Стоя перед своими иконами в пыли на коленях, она клала бесчисленные земные поклоны, иногда брала в руки старый каноник киевской печати с картинками (очень мне знакомый) и читала по нему акафисты. От нее и я учился молиться Богу, повторяя за ней слова молитв. Еще более любил я сидеть около нее, когда зимними долгими вечерами она усаживалась на свое донце [81] с гребнем около печки в задней комнате дома и начинала свои рассказы о пещерских угодниках, о том, как она ходила на поклонение им в Киев, о своей молодости и безвозвратно минувшем счастье с мужем или занимала нас с братом сказками о царевичах, о страшных чудовищах и злых колдунах. Когда нам становилось страшно, мы старались подбирать ноги повыше от полу и придвигаться к рассказчице. У брата Павла страх этот выражался тем, что

// л. 21

у него холодела задняя часть тела, о чем он пугливо и извещал: «Бабушка! У меня холодеет!» Это значило, что бабушка должна или прекратить рассказ, или переменить страшный сюжет на более успокоительный и веселый, а то малый заплачет и его трудно будет утешить.

Бабушка Анна и тут постоянно ее осаживала, то поправит какую-нибудь неточность в рассказе, то горячо начнет уличать во лжи, а то так и совсем заставит замолчать и начинает рассказывать сама по-своему. Любопытны были их споры о летах и о своей былой красоте, кто из них был краше. Бабушка Анна родилась 2 дек<абря> 1794 г., а Ирина 27 марта 1783, — спор шел о том, на сколько лет одна другой старше, на 11 или на 12. Бабушке Ирине было почему-то неприятно считать свои года в точности, и она немного их утаивала, а бабушка Анна пользовалась этой ее⁴⁷⁹ слабостью и старалась выводить ее на свежую воду. О своей красоте бабушка Ирина рассказывала:

«Ведь не все я такой сморчок была. Тоже была молода и хороша, только вот веснушки меня портили. Бывало, матушка посмотрит на меня да и скажет: «Что ты, Оришка, у нас какая пестрая уродилась, — никто замуж не возьмет». А мне-то таково это горько да обидно бывало. И научи меня одна старушка-соседка: возьми, говорит, ты земляных красных червей, наложи их в баночку и проквась, — через столько-то дён выйдет из них мазь. Ты эту мазь разогрей так, чтобы рука чуть терпела, да и помажь лице-то, везде, где есть веснушки-то. И будешь чистенькая, как репка. Так я и сделала, — всю рожу ожгла, — вся в один волдырь слилась. Людям нельзя показаться. Не од-

⁴⁷⁹ ее вписано.

но⁴⁸⁰ воскресенье и в церковь не ходила. Ну, а, однако, все, слава Богу, прошло. Волдырь-то подсох, да к<а>к слупился, так вся рожа-та у меня стала такая нежная, да розовая, да расхорошая. Тут и приехал женихом⁴⁸¹ мой покойник-то; и уж больно⁴⁸² я ему понравилась тогда...» — «Ну, уж больно расхвалилась, — не вытерпела при этом⁴⁸³ бабушка Анна. — Лёгко ли дело, красота какая! Выдра выдрой была. Видела я твою-то красоту». — «И-и, матка, что там говорить? Обе мы были молоды и обе хороши, ты покоренастее, а я тоненькая да высокенькая». Разгорался спор, который нам, детям, не нравился, пот<отому> что прерывал более⁴⁸⁴ интересные рассказы.

Незабвенны были эти длинные зимние вечера при темном свете сального огарка, а то так и зажженной⁴⁸⁵ для экономии лучины в светце или жирника, когда бабушки Анны не было дома и оставалась одна бабушка Орина⁴⁸⁶, не смевшая без нее расходовать свеч. Жирником называлась плошка, наполненная жиром или остатками свиного⁴⁸⁷ <?> сала, с положенной сбоку светильной из ниток или тряпки. Бабушка Ирина⁴⁸⁸ пользовалась для себя жирником всякий раз, когда работала особняком где-нибудь в уголку, не при общем освещении. Спички употреблялись⁴⁸⁹ у нас самодельные серные и зажигались о трут или пережженной тряпки, над которым высекали искру огнивой и кремнем⁴⁹⁰. Обстановка жизни и у бабушек, и у отца была вообще очень бедная. Когда я учился читать, меня стали заставлять на этих вечерах читать Четию Минею и Патерик Печерский. Но это было уже значительно позднее.

// л. 21 об.

Третьим памятным и имевшим на меня влияние человеком был мой крестный, старший⁴⁹¹ дядя Иван Андреич, архивариус консистории. К<а>к я уже говорил, он еще раньше отца моего начал работать на свое семейство по выходе из духовного училища. Его считали в семье глупеньким и не особенно уважали. Я его помню высоким, круглолицым и слегка рыжеватым чиновником

⁴⁸⁰ одно вписано.

⁴⁸¹ женихом вписано.

⁴⁸² Вместо: больно — было: очень

⁴⁸³ при этом вписано.

⁴⁸⁴ более вписано.

⁴⁸⁵ и зажженной вписано.

⁴⁸⁶ Так в рукописи.

⁴⁸⁷ Вместо: свиного — было: свеж

⁴⁸⁸ Далее было: постоянно

⁴⁸⁹ Далее было: тогда

⁴⁹⁰ Текст: Спички употреблялись у нас самодельные серные ~ высекали искру огнивой и кремнем. — вписан слева на полях.

⁴⁹¹ старший вписано.

в вицмундире с светлыми пуговицами или в синем крашенинном халате по-домашнему. Говорил он нечисто, произнося *ж за з, ш за с* и как-то дурашно выворачивая слова. Но, вероятно, это была натура в своем роде⁴⁹² художественная. Он любил церковное пение прекрасного хора тогдашнего архиерея Иоанна [82], обстановку архиерейского служения, всякие изящные вещи, картины, театр; петь не умел, но любил⁴⁹³ рисовать и был великий проказник по устройству картонажных [83] вещей и игрушек. Ему было около 30 лет, когда я его стал помнить, но он сохранил в своем⁴⁹⁴ характере много чего-то детского и наивного. Его так и звали все Ваничкой⁴⁹⁵. Освободившись от службы, он постоянно что-нибудь мастерил. Я помню, как однажды⁴⁹⁶ он склеил огромного змея с трещоткой и запустил его на нашем дворе под самые облака на крепкой бечевке. В другой раз устроил самострел и, к<а>к Вильгельм Телль, стрелял из него в ворон, которых очень не любила бабушка, к<а>к предвестников болезней и покойников в доме. Делал он еще бумажные и деревянные мельницы-вертушки⁴⁹⁷. Но самым любимым его занятием была клейка из⁴⁹⁸ картона домов и церквей и устройство в последних кукольного богослужения. Резиденция его была в передней квартире за печкой, где у него стояла койка и стол с разными консисторскими бумагами и принадлежностями его проказ, а после нашего переселения во флигель — наша боковая комната. Писал он очень много. Кроме деловых бумаг, он любил писать разные любопытные извлечения из книг и всегда почти писал их полууставом, в котором достиг замечательной ловкости и изящества⁴⁹⁹. В свое помещение он никого не пускал, даже бабушку Анну, сам его чистил и мыл в нем пол. Меня пускал он к себе⁵⁰⁰ в минуты особенной нежности, сколько помнится, всего раза два-три, но заглядывать тихонько в щелку или в дверь допускал, показывая вид, что не замечает этого.

Женщин он всегда⁵⁰¹ гонял от себя с великим раздражением, не исключая и бабушек, особенно бабушки Ирины. Баба или женщина была в его глазах

самое негодное существо на свете, причина всяких беспорядков и несчастий. Он не давал спуска и матери, особенно выпивши. По консисторской службе ему много доставалось разных подачек, или, как тогда называли, доходов, бывших большим подспорьем в семейной экономике, а еще больше приводилось ему принимать от дух<овных> лиц более или менее пьяные угощения⁵⁰². От этого он в⁵⁰³ очень ранние лета приучился к пьянству. Чуть не каждый день он являлся домой, таща в обеих руках какие-нибудь кульки с птицей или рыбой, а то и с бутылками и изрядно покачиваясь. Бабушка Анна спешила освободить⁵⁰⁴ его от ноши, разгружала его карманы и раздевала его, потом начинала⁵⁰⁵ журить: «Ах⁵⁰⁶, Ваничка! Опять ты нализался! Побойся Бога! И нездорово тебе, сам знаешь» и проч. Ваничка обижался и начинал грубить. Бабушка повышала тон и все более его⁵⁰⁷ раздражала. Дойдя до высшей степени раздражения, он становился в важную позу, не допускающую возражения и изрекал: «Да ты сто? Ты напрасно роздненная зенина, больсе ницево, а я архивариус и губернский секретарь» — и, прибавив к этому самую сильную, какая у него

// л. 22

была, брань: «Мокрой бы тебя тряпицей да по голлой заднице», решительно удалялся в свой угол.

Несчастная слабость не обошлась ему даром. Я помню его уже с значительно расстроенным здоровьем. Он заполучил чахотку, перешедшую в водянку. Два-три последних года его жизни были сплошным страданием и совершенно беспомощным. Докторов в нашем семействе не знали и не любили; всякие болезни лечили домашними средствами, травками⁵⁰⁸, растираньями⁵⁰⁹, припарками и т. п. Иван Андреич не подпускал к себе никого и из домашних и отвергал все услуги. Бессильный, постоянно кашлявший, он продолжал все свои занятия, убирал свои вещи, мел и даже мыл себе по-женски пол, еле-еле ползая по нему на собственных салазках, к<а>к ребенок. Только уже тогда, когда он окончательно слег в постель, к услугам и уходу за ним успела к нему вторгнуться бабушка Анна. Она подкладывала под него подстилки, обмывала его пролежни и кормила из своих рук. Страдальческая жизнь его кончилась 23 марта 1845 года. Мы жили тогда уже во флиге-

⁴⁹² в своем роде *вписано*.

⁴⁹³ *Вместо: петь не умел, но любил — было: и сам пробовал*

⁴⁹⁴ в своем *вписано*.

⁴⁹⁵ Его так и звали все Ваничкой. *вписано*.

⁴⁹⁶ однажды *вписано*.

⁴⁹⁷ *Текст: В другой раз устроил самострел ~ бумажные и деревянные мельницы-вертушки. — вписан над строкой и справа на полях.*

⁴⁹⁸ Далее было: бума

⁴⁹⁹ *Текст: Писал он очень много ~ в котором достиг замечательной ловкости и изящества. — вписан между строк и справа на полях.*

⁵⁰⁰ к себе *вписано*.

⁵⁰¹ всегда *вписано*.

⁵⁰² *Вместо: пьяные угощения — было: пьяных угощений*

⁵⁰³ в *вписано*.

⁵⁰⁴ *Вместо: освободить — было: освобождал*

⁵⁰⁵ Далее было: браниться

⁵⁰⁶ *Вместо: «Ах, — было: Сначала*

⁵⁰⁷ его *вписано*.

⁵⁰⁸ Далее было: да

⁵⁰⁹ Далее было: да

КНИГА-ПАНОРАМА
«СКАЗКА О РЫБАКЕ
И РЫБКЕ».
СОЗДАНА П. В. ЗНАМЕНСКИМ

ле, но я был при его смерти. Помню, как его посадили мертвого на стул для обмыванья. Вдруг голова его качнулась на грудь, и от этого движения из горла его вырвался какой-то дикий и страшный крик, от которого я в ужасе убежал к себе во флигель и потом ни разу не заглядывал в дом все время, пока там лежал покойник, не был и на его похоронах. Это был первый покойник, которого я видел в своей жизни.

После него осталось интереснейшее для меня наследство, которого, впрочем, мне не дали в собственность, а отнесли на сохранение на чердак, где я и исследовал его во всех подробностях. Покойник был на все руки и представлялся мне чуть ни колдуном Брюсом [84]. Самою изумительною для меня мудростью его было то, что он сам чистил и чинил стоявшие в передней горнице стенные часы в деревянном футляре, которые принадлежали прежде прадеду Михаилу, отцу бабушки Анны, и о которых я уже упоминал. Я всегда с любопытством смотрел в какую-нибудь щелку, как он разбирал их колеса и потом снова вставлял их на свои места, не перемешав их ни разу. Когда я выучился лазить на соседнюю с этими часами входную дверь, я и сам тщательно изучал их хитрую внутренность, но все-таки многого в них не понимал и, остановив пальцем колеса, никак не мог привести их снова в движение. Но самым любопытным и приятным для меня⁵¹⁰ занятием его были художественные и картонажные работы.

На чердак была снесена во-первых⁵¹¹ устроенная им из картона церковь четверти 3 вышины с колокольней, на которой висели медные колокольчики, с позолоченными главами из бумаги⁵¹² и с полной внутренней обстановкой. В церкви были и иконо-

стас с нарисованными дядей миниатюрными иконами, и престол с жертвенником, и аналои, и подсвечники, и паникадило, и все прочее. Все это было оклеено золотой бумагой и разрисовано приличными красками. В довершение всего внутри церкви представлена была архиерейская служба в тот мо-

// л. 22 об.

мент, когда при пении «Приидите поклонимся» все священнослужители вместе с архиереем уходят с середины⁵¹³ церкви в алтарь. Священнослужителей своих и архиерея он делал из толстеньких березовых прутьев⁵¹⁴, нарезанных в требуемую величину. Затешет с одного конца головку с бородой, нарисует лицо, выкрасит, потом остальную часть обрезка⁵¹⁵ нарядит в бумажное раскрашенное облачение — и священнослужитель готов. Архиерейские и архимандричьи шапки он лепил из воску, обвального в золотой песок или сусальный листик. Все облачения, панагии, ордена устроены были со всею точностью. Под архиереем нарисованы были даже орлецы [85]. Воспитанный в нищем сиротстве, да и на должности человек все-таки небогатый, дядя Иван любил производить свои художественные творения без особенных расходов, к<а>к⁵¹⁶ говорится, шильцем да мыльцем. Картон он не покупал, а делал сам, склеивая для этого консисторские бумаги из архива, которые приносил домой большими пачками; — эти же бумаги служили у нас и вместо обоев для оклейки комнат, — Иван Андреич сам, а потом отец и оклеивали стены, и белили их мелом. Склеив из листов желаемой толщины картон, художник употреблял его на стены своей церкви и⁵¹⁷ раскрашивал клеевой краской, а⁵¹⁸ в окна вставлял слюду. Краска покупалась дешевая в порошках у москотильщиков [86] и разводилась на клеевой воде в помадных баночках. Для рисунка икон и украшений внутри церкви употреблялся не карандаш, а чернила. Выходило все, на мой глаз, чрезвычайно ятно⁵¹⁹ и художественно.

Кроме церкви, Иван Андреич клеил еще из картона театр (до полуаршина в кубе величиной), довольно точное подобие старого деревянного нижегородского театра, — только⁵²⁰ выкрашенный снаружи⁵²¹ не дикою, а белою краской и состоявший внутри из одной сцены без мест

⁵¹³ Вместо: с середины — было: в алтарь

⁵¹⁴ Вместо: прутьев — было: б

⁵¹⁵ остальную часть обрезка вписано.

⁵¹⁶ Вместо: к<а>к — было: что

⁵¹⁷ и вписано.

⁵¹⁸ а вписано.

⁵¹⁹ Так в рукописи.

⁵²⁰ только вписано.

⁵²¹ снаружи вписано.

⁵¹⁰ для меня вписано.

⁵¹¹ во-первых вписано.

⁵¹² Далее было: вылепленными в <нрзб.>

для зрителей. Сцена представляла зеленую комнату с дверями и окнами, и по стенам этой комнаты расставлены были группы разных турок, турчанок и каких-то свирепых людей с ятаганами и ружьями. Группы эти были скалькированы художником с одного платка, на котором изображены были сцены из истории или повести, кажется, о Малек-Аделе [87]; все они были нарисованы чернилами и раскрашены яркими красками. Одну группу, казавшуюся мне тогда очень страшною, я как теперь помню: на коленях стоит растерзанная, ломая поднятые вверх руки, какая-то турецкая барыня, а над ней, держа ее за косу и высоко взмахнув ятаганом, стоит какой-то злодей-турок⁵²². Одного я не понимал в этом театре, — почему боковые стены зеленой комнаты не были сплошными, как обыкновенные стены, а состояли из узких пластинок, поставленных ребром, как какие-нибудь клиросы. После, когда я увидел настоящий театр, я понял такое устройство театральных кулис.

Был еще у Ивана Андреевича деревянный раёк, кажется, уже не самодельный, в виде пирамиды. Картины вертелись на двух валах в основании этой пирамиды, отражались вверх в зеркало и потом чрез это зеркало⁵²³ рассматривались в увеличительное стекло в верхней части пирамиды. Картины были печатные, но раскрашены самим Иваном Андреевичем. Тут были виды каких-то городов и картина какого-то

// л. 23

очень яркого красного пожара, который особенно меня занял и остался в моей памяти. На увеличительное стекло я смотрел, как на чудо; фантазия еще более усиливала его увеличительную способность, и мне все дома, люди, лошади на картинах казались в натуральную величину, а увеличенный пожар был просто ужасен; у⁵²⁴ маленького Павла при виде этой картины холодела задняя часть тела, и он всегда его пугался. — Были у дяди⁵²⁵ и еще разные редкости, ящички, коробочки, краски, кисти, но все это⁵²⁶ меня занимало уже меньше.

И ничего из этих занимательных предметов мне не давали поиграть. Я только мог на них иногда посмотреть, полюбоваться; затем их опять убрали, чтобы мы с братом их не изломали. А какое — ломать? Я смотрел на них с благоговением и восторгом и сберег бы их лучше всякой бабушки. Она отдала все эти вещи балахнинскому дяде Степану;

он увез их к себе, а у него изломали его ребята⁵²⁸. Я, вероятно, родился художником, и затеи дяди Ивана впервые пробудили во мне эту природную художественную жилку. Я начал сам воспроизводить эти затеи. По его⁵²⁹ примеру⁵³⁰ я уст<р>оивал себе и мельницы⁵³¹, и змеи, и стрелы, и самострелы, но всего больше занимала меня игра в кукольных попов, клейка церквей и⁵³² домиков и рисованные. По целым дням я сопел за своим рукодельем где-нибудь под кроватью или за печкой, изобретая сам и способы устройства желаемой вещи и самые материалы, из которых ее можно устроить. На наши игры, да и вообще на нашу детскую жизнь никто не обращал внимания. Игрушек у нас не было никаких, — не хотели тратить на такие пустяки, да и не на что было их покупать. Из своего детства я помню единственную только не самодельную игрушку⁵³³, — это была собака из папье-маше, которую кто-то подарил отцу. В наших играх она, впрочем, мало участвовала, будучи не согласна с их общим направлением. Отец приносил иногда разные игрушечные вещицы⁵³⁴ от кого-то из знакомых показать матери и нам, детям; однажды принес два складных театрала, — в одном был вид лондонского туннеля, в другом какой-то пейзаж с охотником, девицей и собакой; в другой раз картинку с подвижной фигурой⁵³⁵ танцовщицы, дрягавшей руками и ногами. Принесет, покажет и опять унесет, а я, раззадоренный донельзя, долго, бывало, стараюсь воспроизвести понравившуюся игрушку, страшно ломая свою голову над устройством ее механизма и выполнением рисунка. Это имело сильное развивающее влияние на⁵³⁶ мою смекалку и воображение, и я нисколько⁵³⁷ не в претензии на своих родителей и родных, что они предоставляли меня моим собственным силам и ни о чем мне не пособляли в моих детских занятиях. Я даже убежден, что это самая лучшая система воспитания детей. Дети, у которых много всяких игрушек, которым родители⁵³⁸ не дают даже повода над чем-нибудь задуматься и похлопотать, по-моему, самые жал-

⁵²⁸ Текст: Она отдала все эти вещи балахнинскому дяде Степану; он увез их к себе, а у него изломали его ребята. — вписан слева на полях.

⁵²⁹ его вписано.

⁵³⁰ Далее было: его

⁵³¹ и мельницы, вписано.

⁵³² и вписано.

⁵³³ Вместо: не самодельную игрушку — было: игрушку не самодельную

⁵³⁴ Вместо: игрушечные вещицы — было: вещицы игрушечные

⁵³⁵ Вместо: подвижной фигурой — было: подвижными фигурами

⁵³⁶ Далее было: такое предо

⁵³⁷ Далее было: <нрзб.>

⁵³⁸ родители вписано.

⁵²² Далее было: Все это чрезвычайно меня занимало

⁵²³ Вместо: чрез это зеркало — было: из зеркала

⁵²⁴ у вписано.

⁵²⁵ Вместо: дяди — было: <нрзб.>

⁵²⁶ Далее было: меньше

⁵²⁷ иногда вписано.

**ВИД НА НИЖЕГОРОДСКИЙ
КРЕМЛЬ**

кие дети. От них нечего ждать самостоятельности и изобретательности⁵³⁹ и после того, как они вырастут. Многие из них с детства смотрят скучными и разочарованными. Они так много видали прекрасных вещей, что их уже ничто не интересует, и они с детства уже⁵⁴⁰ не знают, что им с собой делать и чем заняться.

// л. 23 об.

Мое⁵⁴¹ воспитание, правда, доходило уже до крайностей невмешательства старших в мою детскую жизнь, и не на всех бы детей это подействовало благотворно, но я лично очень ему благодарен и при всей его крайности. Кроме самодельного устройства любимых игрушек, нужно было, как я сказал, приобретать для того⁵⁴² самые материалы. У меня не было ни бумаги, ни карандаша, ни красок, ничего для этого необходимого. Бумагу я отыскивал, где попало: на чердаке, в бумажном хламе у отца, в ковалихинской канаве; случалось даже тихонько воровать ее у отца или вырывать белые листы из книжных переплетов. Ни один обрезок цветной⁵⁴³, а особенно золоченой бумажки⁵⁴⁴, ни одна конфетная обложка не ускользала от моих зорких глаз ни на улице, ни на соседних дворах. Для клейки я употреблял муку, выпрошенную или стащенную без спроса из кухни. Для резной работы и строганья служил⁵⁴⁵ столовый нож, изредка перочинный ножичек, утащенный из письменного стола отца; но отец, к великому моему огорчению, очень крепко запирает свои ящики, и пользоваться его добром можно было только в случае его оплошности. А один ящик его стола крайне был соблазнителен. Отец однажды для чего-то рисовал

⁵³⁹ и изобретательности *вписано*.

⁵⁴⁰ с детства уже *вписано*.

⁵⁴¹ Вместо: Мое — было: Наше

⁵⁴² для того *вписано*.

⁵⁴³ Вместо: один обрезок цветной — было: одна цветная

⁵⁴⁴ Далее было: на улице

⁵⁴⁵ Далее было: кухонный

план нашего дома и места, и у него в этом ящике были рейсфедер, циркуль, 2–3 кисточки и прекрасная тушь и киноварь. Как ни крепко держал он этот ящик, я все-таки им немного пользовался.

Употребляя для своих сложных работ крайне несовершенные инструменты, я часто портил себе руки. Левая моя рука постоянно была порезана, а однажды, вырезывая в саду палочки для устройства попов отцовским перочинным ножом, я так себе поранил левую руку под самой кистью, что перерезал вены и перепугал⁵⁴⁶ всех своих бабушек; они насилу уняли кровь, брызгавшую из руки фонтаном, прикладывая к ране⁵⁴⁷ паутину и толченый уголь. След этой раны сохранился у меня и до сих пор.

Красками у меня долго служили сажа из дуплика, мел, соскобленный от выбеленной⁵⁴⁸ печки, зелень от нажеванных листьев, — зимой я нажевывал ее из листьев стоявшего на окне плюща, и кусок красной опоки [88]. Из этого куса дядя Иван старался выточить для бабушки Анны курительную трубку, но не успел закончить своей работы, а я этот кусок отыскал и воспользовался им в⁵⁴⁹ других, более благородных, художественных видах. Этой редкой для меня краской я дорожил, как сокровищем, тем более что не знал, где этот дорогой минералл⁵⁵⁰ добывается. Узнал я это случайно от бабушки Анны, которая разговорилась как-то об устройстве нижегородской набережной и упомянула, как скапывали и срезывали для нее набережную гору и как красиво выглядели в обрете земли полосы и белой, и красной, и зеленоватой опоки. Осведомившись о таком важном обстоятельстве, я решился сам предпринять экспедицию на берег Волги. Я тогда уже немного подрос, был вероятно лет 6–7 и далеко уходил от дома. На Волге я еще не бывал, но дорогу туда знал, пот-ому что несколько раз бывал с матерью в Егорьевской церкви. В одно утро⁵⁵¹, тайно от всех, под страхом чрезвычайной потасовки, я покинул

// л. 24

свое родное гнездо и пустился бегом в рискованное предприятие под Егорьевскую башню. Восторгу моему здесь не было пределов. Я набрал всяких цветов опоки полон подол и благополучно возвратился с своим сокровищем домой, где и спрятал его в укромном месте на чердаке.

Замечательно, что у матери моей в сундуке, или, как его звали, в укладке, стоявшей⁵⁵² под кроватью,

⁵⁴⁶ Далее было: кровотечением

⁵⁴⁷ к ране *вписано*.

⁵⁴⁸ Вместо: выбеленной — было: печ

⁵⁴⁹ Вместо: в — было: для

⁵⁵⁰ Так в рукописи.

⁵⁵¹ В одно утро, *вписано*.

⁵⁵² стоявшей *вписано*.

«НИЖЕГОРОДСКИЙ
КРЕМЛЬ». АКВАРЕЛЬ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

в числе разных предметов ее приданого была и коробка с акварельными красками. Как они к ней попали, не знаю⁵⁵³; краски были дорогие, в красивых плиточках и с кисточками. Но мне их не давали, как я их ни просил. Только много времени спустя мать отложила мне небольшой кусочек кармина, густой красный цвет которого мне сильно нравился. Я употреблял эту краску с самой скупой осторожностью только на самые изящные предметы, напри^мер на раскраску⁵⁵⁴ архиерейского облачения⁵⁵⁵ в своем соборе кукольных попов, да на⁵⁵⁶ корсаж какой-нибудь⁵⁵⁷ выдающейся артистки моего кукольного театра.

Для рисования не было у нас в доме и пригодных образчиков. Даже дядя Иван Андреич должен был срисовывать себе фигуры с базарных платков. Кроме икон, на стенах в нашем доме висели⁵⁵⁸ портреты двоих дедов, дяди Николая и архиерея

Амвросия [89], потом портреты Пожарского и Ермака масляными красками на жести, гравированный⁵⁵⁹ вид Саровского монастыря, печатная же картина закладки храма Спасителя на Воробьевых горах, особенно для меня полезная по множеству разнообразных⁵⁶⁰ миниатюрных фигур в толпе народа на празднике, гравюра⁵⁶¹, изображающая нагую Сусанну [90] с старцами и несколько небольших картин по истории Иосифа Прекрасного [91], вставленных в деревянные ширмы, наконец, картинки в Елизаветинской Библии, Патерике, Каноннике и какой-то лубочной сказке, помнится — о Бове Королевиче [92]. После, немного подросши, я нашел обильный источник художественных наслаждений на ярмарке под главным домом, где тогда была одна⁵⁶² картонная лавка, у разных продавцов⁵⁶³ лубочных картин, в панорамах и райках. Все нарисованное, награвированное, литографированное — все было предметом моего самого вни-

⁵⁵³ Далее было: <нрзб.>

⁵⁵⁴ раскраску вписано.

⁵⁵⁵ Вместо: архиерейского облачения — было: архиерейское облачение

⁵⁵⁶ Далее было: платье или на

⁵⁵⁷ Далее было: писаной

⁵⁵⁸ Вместо: висели — было: видел

⁵⁵⁹ Вместо: гравированный — было: ви

⁵⁶⁰ разнообразных вписано.

⁵⁶¹ Вместо: гравюра, — было: изображение

⁵⁶² одна вписано.

⁵⁶³ Так в рукописи.

П. В. ЗНАМЕНСКИЙ.
НАБРОСОК КАРАНДАШОМ.
ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

матерного созерцания и подражания. Как я тогда рисовал, это уже дело десятого рода, но наслаждения от своего мастерства⁵⁶⁴ я получал вдоволь.

Целый переворот в моей художественной жизни произвело⁵⁶⁵ рисование каким-то плохеньким живописцем масляного⁵⁶⁶ портрета моего отца. Живописец⁵⁶⁷ этот писал портрет у нас дома во флигеле⁵⁶⁸ в⁵⁶⁹ 1844 г., когда мне было уже 9 лет. Тут я в первый раз увидел, как люди рисуют, какие для этого употребляют материалы, какие есть на свете краски и рисовальные принадлежности, как держат при рисовании кисть, как долго и внимательно нужно вырисовывать всякую мелочь, — а я рисовал прежде все, что называется⁵⁷⁰, одним махом, как и все, кажется, дети, — как смешивают краски, из одних колеров получают другие и проч. Я не отходил от живописца, как ни старались меня отгонять от него, чтобы я ему не мешал; это бы-

ло для меня настоящее⁵⁷¹ обучение живописи внаглядку. Но учитель⁵⁷² мой писал масляными красками, которые для меня были недоступны, и я волей-неволей должен был остаться при

// л. 24 об.

прежних своих художественных приемах и средствах.

Товарищем некоторых моих затей был брат Павел. Другие два брата, Андрей и Иван, померли в младенчестве, один во время нашей поездки в Арзамас, другой в Нижнем. До рождения сестры Кати, до 1847 г., мы только вдвоем утешали своих родителей. Но Павел был очень плохим для меня компаньоном. Правда, его⁵⁷³ сильно занимали мои проказы, и⁵⁷⁴ он не отходил от меня, но нисколько не понимал ни ценности имеющихся у меня вещей, ни моих художественных идей и причинял мне много вреда каждый раз, как только от него отвернешься. Он, наприм<ер>, любил есть мою опоку, портил мои картонки, облачения на моих попах и т. п. От этого у нас происходили большие междоусобия. Понадобится для чего-нибудь кусочек опо-

⁵⁶⁴ Вместо: своего мастерства — было: этого рукоделия

⁵⁶⁵ Вместо: произвело — было: произвел

⁵⁶⁶ Вместо: масляного — было: из дворовых

⁵⁶⁷ Вместо: Живописец — было: Живопис

⁵⁶⁸ Далее была запятая.

⁵⁶⁹ Вместо: в — было: к

⁵⁷⁰ что называется, вписано.

⁵⁷¹ для меня настоящее вписано.

⁵⁷² Вместо: учитель — было: живо

⁵⁷³ Вместо: его — было: чт

⁵⁷⁴ Вместо: и — было: к

ки получше и помягче, станешь его искать, а его и нет. «Ты, Панька, съел?» — обратишься к брату. Нет, говорит, не ел. А сам стоит как виноватый и глазами мигает, и вся морда в опоке. Ну, как же его после этого не отколотить? А мать за него же заступится, да еще научит его: «Что же ты, дурак, рыло-то не вытер?»

Все более драгоценные для меня вещи я должен был тщательно прятать в такие места, куда брат по малолетству не мог еще проникнуть. Помещение во флигеле было очень необширное, состояло из двух комнат: передней, где жили отец с матерью и где их кровать занимала целую половину пространства, и кухни, где между⁵⁷⁵ входной стеной и русской печью сделана была постель для нас. С постели мы оба лазили на печку и постоянно играли там вместе; — тут нельзя было мне укрывать своих вещей. Напротив печки над нашею постелью были устроены полати, на которые с печки мог перелезть только я один, — тут и образовалась вся кладовая. Оттуда я часто поддразнивал брата, показывая ему свои игрушки или рассказывая, что там у меня живут маленькие живые люди с маленькими же лошадками и собачками. Я подробно описывал, что они делают, как едят, ходят, ездят, какие у них домики, церкви. Брат становился на печке на цыпочки, мостился повыше, чтобы что-нибудь увидеть, просил меня поймать хоть одного людка и показать ему. Мистификация оканчивалась тем, что он начинал громко плакать, и вмешательством в наши несогласия матери.

За все беспорядки и за настроение брата всегда оставался⁵⁷⁶ ответственным я, потому что я числился большим. В качестве большого на мне лежала ответственность и за чистотой нашего логовища и за всю квартиру в случае отсутствия матери на базар или в церковь. Я должен был на это время запираться на крючок и никого к себе не пускать. Если мать уходила, поставивши в печку горшки или хлеба, я должен был наблюдать за ними и в случае надобности, по указанным мне приметам, отставлять их от жара или и вовсе вынимать из печки. Стряпня наша была очень несложная, — щи или похлебка и каша каждый день. Среди дня мы, дети, ели один черный хлеб, редко с прибавкой молока или летом ягод и яблоков из своего сада. Произведения своего сада мы начинали обедать⁵⁷⁷ очень

// л. 25

рано, в самом еще кисло-зеленом состоянии. Все яблони и кусты были между нами поделены, и ни один из нас не должен был вторгаться в удел другого. Я, разумеется, как старший, владел лучшей яблоней. По целым дням мы лакоми-

лись в саду то яблоками, то самородиной⁵⁷⁸, густо росшей под забором⁵⁷⁹, то черемухой, свесившейся целиком, всеми ветвями на низкую крышу погребка. Других лакомств мы не знали, разве кто-нибудь из родни при посещении нашей семьи принесет нам по прянику или по горсти орехов.

Родители нас не баловали ничем, не обращали внимания даже на наши вкусы в еде за столом. Общим правилом было: что подадут, то и ешь, хоть бы что-нибудь и неприятно было. Ели мы вместе с родителями из одной чашки и должны были поневоле мириться и с луком, и с перцем, которые они⁵⁸⁰ любили класть во щи в таких количествах, что у нас языки щипало. Мать, кроме того, любила чеснок и, когда отца не было дома, тоже обильно подсобливая им кушанья; при отце она намазывала чесноком только корки своего ломтя хлеба. Жаловаться было нельзя. Более меня экспансивный брат иногда, бывало,⁵⁸¹ даже заплачет за обедом, — горько, мол, хлебать, — и всегда⁵⁸² получит за это вразумление ложкой по лбу. — Одевали нас тоже плохо. Мы ходили в одних ситцевых рубашках, брат Павел даже без панталон, оба босиком и лето и зиму. В таком костюме мы не только выходили в холодные сени, но и на двор; по крайней мере я постоянно так бегал через двор в дом к бабушке, — Павла переносили туда и оттуда на руках. В церковь зимой нас, кажется, никогда не брали, по крайней мере я этого не помню.

Летом мы были вольные казаки и рано познакомились с улицей. Здесь явились у меня веселые приятели и шумное общество из соседних мальчишек и девчонок всякого сословия. Постоянными друзьями были Федька, сын калачника, имевшего торговлю против нашего дома, старше всех нас, Костька с сестрой своей Настькой — дети медника и слесаря, Ванюшка — купеческий сын, один горбатый мальчик (имя его я забыл) из богадельни, гимназист Никанор и много других. Мы все вместе играли на улице, балакались [93] в ковалихинской канаве, пускали змеев, играли в бабки и в чиж, пускали деревянные стрелы из луков, лазили по чужим садам и огородам и совершали разные грубые⁵⁸³ шалости. В этой компании мы узнали много такого, чего и не следовало бы знать, и глубоко окунулись во всякую уличную грязь. Только одно какое-то природное чувство⁵⁸⁴ порядочности и некоторого рода артистические наклонности спасали

⁵⁷⁸ Так в рукописи.

⁵⁷⁹ Вместо: под забором — было: по забору

⁵⁸⁰ они вписано.

⁵⁸¹ бывало, вписано.

⁵⁸² всегда вписано.

⁵⁸³ грубые вписано.

⁵⁸⁴ Далее было: изящного

⁵⁷⁵ Вместо: между — было: помещал

⁵⁷⁶ Вместо: всегда оставался — было: оставался всегда

⁵⁷⁷ Вместо: начинали обедать — было: обедали

«РАЁК». КАРТИНА
 П. В. ЗНАМЕНСКОГО.
 МАЛЬЧИК В ФУРАЖКЕ
 СЛЕВА — АВТОПОРТРЕТ
 ХУДОЖНИКА.
 ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

нас⁵⁸⁵ от полного погружения в эту грязь. Своими игрушками и⁵⁸⁶ картинками я даже успевал заинтересовывать и своих уличных друзей. По образу одного раёшника [94] я, напри^мер, устроил себе большой раек [95], нарисовал в него картин и показывал их⁵⁸⁷ своей компании с разными приговорами, которые заучил у раешника, получал за это даже разные доходы вроде краденых яблоков, огурцов или каких-нибудь⁵⁸⁸ игрушек, чаще всего бабок.

Не помню, когда, но, кажется, лет осьми, я в первый раз попал в театр, про-

// л. 25 об.

изведший на меня сильное впечатление и давший мне⁵⁸⁹ повод к новым художественным упражнениям. Помню, это было зимой в мороз. Мать собралась в театр и почему-то вздумала взять с собой и меня. Так к^ак одежи зимней у меня не было, то меня одели в какую-то бабью шубку и по-

вязали мне голову платком. Сидели мы в театре в райке [96], очень высоко⁵⁹⁰, как мне тогда показалось. Театральная зала, яркое освещение масляными лампами, зеленый⁵⁹¹ занавес с золотой лирой посередине, множество народа, всяких нарядных господ в ложах и партере, — все это представлялось мне какой-то волшебной сказкой. Для меня довольно было уже и этого зрелища, но, когда поднялся занавес и на сцене явился горный пейзаж с⁵⁹² швейцарской хижинкой на правой стороне и с горы стали сходить нарядные, к^ак на картинках, пейзажи [97], восторг мой достиг крайних пределов. Шло «Материнское благословение» с Вышеславцевой в роли Марии. Ни одна бабушкина сказка не произвела на меня такого действия⁵⁹³, к^ак эта первая виденная мною пьеса. Я был еще очень мал, но до сих пор ясно⁵⁹⁴ помню все декорации, всех действующих лиц, их костюмы, голоса, многие речи и живо переношусь в ту детскую мою пору.

С этих пор я сделался великим театралом. По образцу театра дяди Ивана, я стал устраивать⁵⁹⁵ себе и большие и малые театры⁵⁹⁶. Каждая, попадавшая⁵⁹⁷ мне в руки, коробка обращалась в театр, — их перебивало у меня несколько; некоторые я сам клеил из самодельного⁵⁹⁸ картона. Впереди устраивалась занавесь, за ней сцена с потребными для пьес декорациями собственного производства по образцу виденных в⁵⁹⁹ театре. Действующие лица рисовались на бумаге, вырезывались и спускались на сцену на нитках. За всех говорил роли, конечно, я сам разными голосами. Зрителями были брат и уличные друзья⁶⁰⁰. Распоряжение действующими лицами посредством ниток скоро меня⁶⁰¹ перестало удовлетворять; мне хотелось, чтобы мои артисты представлялись двигающимися самостоятельно, по к^райней мере, чтобы у зрителей получалась такая иллюзия. Я слышал об автоматах, понимая⁶⁰², впрочем, рассказы об них очень неясно. Кроме того, летом много ходило тогда по улицам шарманщиков, у которых на шарманках были механические куклы, крайне меня занимавшие.

⁵⁹⁰ очень высоко *вписано*.

⁵⁹¹ Вместо: зеленый — было: зеленая

⁵⁹² Далее было: хижин

⁵⁹³ Вместо: действия — было: <нрзб.>

⁵⁹⁴ ясно *вписано*.

⁵⁹⁵ Вместо: устраивать — было: клеить

⁵⁹⁶ Далее было: Первая

⁵⁹⁷ Вместо: попадавшая — было: попавшая

⁵⁹⁸ самодельного *вписано*.

⁵⁹⁹ виденных в *вписано*.

⁶⁰⁰ Далее было: Скоро

⁶⁰¹ Вместо: меня — было: мне

⁶⁰² Далее было: их

⁵⁸⁵ Вместо: нас — было: меня

⁵⁸⁶ Вместо: и — была запятая.

⁵⁸⁷ их *вписано*.

⁵⁸⁸ каких-нибудь *вписано*.

⁵⁸⁹ Далее было: толчок

Тут были и танцующие пары, и обжора, чавкавший челюстями, и сражающиеся солдаты и офицеры с турками и много других интересных фигур. По целым часам я бегал за этими шарманками, присматриваясь, как сделаны эти фигуры и как они движутся. Плодом этих наблюдений были у меня новые артисты, вырезанные собственноручно из дерева с подвижными руками, которыми они должны были посредством привязанных к ним ниток всячески жестикулировать. Но эти артисты стоили мне больших хлопот, — я только и мог сделать две фигуры и должен был поэтому составлять для них особый репертуар из двух мужских лиц и в сюжетах пьес — вместо любви довольствовался одной дружбой двух приятелей⁶⁰³ или враждой двух врагов. Да и иллюзии мало, даже меньше⁶⁰⁴, выходило, пот⁶⁰⁵ что вместо одной нитки на персону я должен был употреблять три: одну для передвижения персоны⁶⁰⁵ и две для двух ее⁶⁰⁶ рук⁶⁰⁷. Много мне стоило думать поправить такое неудобство, но изобретательность моя, при всех усилиях, так и не пошла дальше указанных результатов.⁶⁰⁸

// л. 26

Пьес для театра у меня было много, так что я не успевал готовить для них ни декорации, ни артистов. На моей сцене сначала разыгрывалась всякая всячина: и «Материнское благословение», и бабушкины сказки, и всякие дивертисменты из плясок и теней. Потом я стал чаще видеть и настоящий театр. У отца все более и более накаплилось театральных знакомств. Чаще других бывавшие у нас актеры Кашин и Александров снабжали мать даровыми билетами, в которых участвовали и мы с братом. Брат попал в театр по возрасту⁶⁰⁹ еще раньше меня, должен быть, лет пяти. Я помню, какое впечатление произвел на него театр.⁶¹⁰ Мы занимали крайнюю к сцене ложу бельэтажа, — тогда эти ложи, считающиеся⁶¹¹ ныне лучшими⁶¹², литературные, ценились менее, чем средние, против сцены; в самой середине бельэтажа помещалась тогда и губернаторская ложа. Какую пьесу играли, не помню, — помню только, что в ней часто пели куплеты и стреляли из пистолета⁶¹³. Брат

сначала был поражен невиданным им блеском и великолепием зрительного зала и затем самым представлением и сидел робко и смиренно, при столетнем выстреле сильно испугался и спустился со стула на пол, прячась за барьером ложи⁶¹⁴; потом он⁶¹⁵ вошел во вкус представления, оживился, стал делать восклицания, от которых приходилось его постоянно унимать; наконец, в увлечении музыкой и пением куплетов, вдруг громко⁶¹⁶ запел и сам: «На улице две курицы с петухом дерутся...» После этого его пришлось уже на время удалить из ложи в коридор.

Лет девяти или десяти я успел как-то проникнуть на сцену, где, как я слышал, бывает отец, залез наверх, на балки, как мы называли переходы над сценой, и⁶¹⁷ как раз застал там отца. «Как ты сюда попал?» — спросил удивленный отец. Я робко попросил у него позволения остаться и был выслушан снисходительно. Отец даже⁶¹⁸ откомендовал меня рабочему, который распоряжался наверху декорациями, громами и дождями. После этого я сделался очень частым посетителем театра и являлся на свою высшую точку зрения до самой смелости верхового театрального служителя совершенно беспрепятственно. После этого служителя был нанят другой, который часто меня гонял и от которого приходилось прятаться в декорационных полотнох, но я все-таки продолжал свое театральство до самой смерти отца и поступления моего на бурсу.

Все виденные мною пьесы повторялись на моей кукольной⁶¹⁹ сцене сначала на память, потом, когда я выучился грамоте, с печатных и рукописных текстов, которые читала мать. Некоторые я⁶²⁰ списывал, но большею частью воспроизводил по-своему⁶²¹ на память, что было первым опытом моей литературной деятельности. Пробовали мы с братом лицедействовать и сами. Сцену для себя мы устраивали или под столом, или под родительской кроватью, употребляя вместо занавеса какой-нибудь платок и декорации создавая из чего попало⁶²², а то даже из ничего посредством только⁶²³ пылкого воображения.

⁶⁰³ двух приятелей вписано.⁶⁰⁴ даже меньше вписано.⁶⁰⁵ персоны вписано.⁶⁰⁶ ее вписано.⁶⁰⁷ Далее было: Дальше этого моя изобретательность⁶⁰⁸ Справа на полях запись карандашом: Улыбышев Р. А. 1886 г.⁶⁰⁹ по возрасту вписано.⁶¹⁰ Далее было: Сначала он был и⁶¹¹ считающиеся вписано.⁶¹² Вместо: лучшими — было: лучшая⁶¹³ и стреляли из пистолета вписано.⁶¹⁴ Далее было: но⁶¹⁵ он вписано.⁶¹⁶ Вместо: громко — было: и сам⁶¹⁷ Вместо: и — было: и з⁶¹⁸ даже вписано.⁶¹⁹ Вместо: моей кукольной — было: моем кукольном⁶²⁰ Далее было: даже⁶²¹ Вместо: но большею частью воспроизводил по-своему — было: для себя и даже⁶²² Вместо: попало — было: под⁶²³ только вписано.

Одно время на нижегородском театре часто⁶²⁴ давали оперы. Пели⁶²⁵ Эвелина Шмитгоф⁶²⁶ [98], ее отец Шмитгоф basso buffo⁶²⁷, Леонов [99], Кашин, Бобров, Лиханский [100] — все порядочные певцы. Я мало слышал их, пот<ому> что в это время вход наверх или на балки был для меня затруднен

// л. 26 об.

незнакомым мне новым владыкой театраль-ных небес, но мне все-таки удалось видеть «Норму» [101], «Волшебный напиток» [102], «Фра-диаволо» [103], «Аскольдову могилу» [104] (даже с знаменитым Бантышевым [105] в роли Торопки), «Волшебного стрелка» [106]. Покровителем оперы был⁶²⁸ в Нижнем известный музыкальный критик Улыбышев, принимавший живое участие в репетициях и по-барски⁶²⁹ муштровавший певцов, большинство которых было из дворовых людей разных господ. Во время спектакля он сидел всегда в первом ряду и, вместо всяких аплодисментов или шиканья, выражал свое одобрение и порицание вслух словами: «Хорошо, Митя» или «Врешь, Александр», то и дело раздавался его тонкий прорезистый голос, ясно слышный мне наверху, да, вероятно, и по всему зрительному залу. — Переняли мы и оперу и стали изображать у себя и «Волшебный напиток», и «Волш<ебного> стрелка», и «Аскольдову могилу». В кукольной опере все партии и хоры пел я один, а для представления⁶³⁰ собственными персонами мы приглашали соседей; напр<имер>, Эвелину Шмитгоф всегда изображал горбатый мальчик из богадельни, обладавший чрезвычайно сильным сопрано. Место⁶³¹ спектакля⁶³² избиралось уже не под кроватью, а в саду или палисаднике. Од-

нажды на наш спектакль, как рассказывала потом мать, тихонько в окна на погребнице долго любовался мой серьезный отец и, придя домой к матери, только и сказал: «Дураки!»

Из пьес и опер мне всего больше были по душе пьесы и оперы⁶³³ комические или же страшные и романтические, — в любви к этим последним, вероятно, отразился на мне вкус матери. Чаще всего⁶³⁴ я ставил на своей сцене «Волш<ебный> напиток», «Скряги в тисках» [107], какого-то «Дандини [108] в ките», «Вот так помогла», «Аскольд<ову> могилу», «Лесту, Днепровскую русалку» [109], «Пана Твардовского» [110], который казался особенно страшным мне в театре, «Каменного гостя»⁶³⁵ Пушкина [111], «Вечного жида»⁶³⁶ [112], разных разбойников (Костромских лесов⁶³⁷ и Шиллеровских) и не помню уже, что еще, пот<ому> что у меня много было переделок из разных⁶³⁸ романов и сказок. Все это изображалось чрезвычайно наивно. Я так мало видал, так мало знал, что⁶³⁹ воспроизводить в образах и⁶⁴⁰ в картинах разные предметы и⁶⁴¹ лица, являющиеся⁶⁴² на моей сцене, стоило мне необыкновенной творческой работы. Я с недоумением⁶⁴³ останавливался, наприм<ер>, как изобразить на декорации дворец или замок, около которого происходит действие, как одеть разбойников, рыцарей и т. д. Нижегородский театр давал для этого⁶⁴⁴ мало материалов. Обстановка его была самая бедная, — декораций было всего №№ 5: лес⁶⁴⁵, бедная комната, богатая комната, улица и гористая местность, костюмы русские⁶⁴⁶, французские и испанские, да и то состоявшие⁶⁴⁷ лишь из⁶⁴⁸ шляп с перьями да черных плащей, — последние мне очень нравились, представлялись чем-то таинственным, и я рядил в них всех своих злодеев и разбойников, даже в костромских лесах. Примадонны, героини всякого рода, царицы — все были

⁶²⁴ часто вписано.

⁶²⁵ Далее было: их

⁶²⁶ Место: Шмитгоф — было: Шмидгоф

⁶²⁷ ее отец Шмитгоф basso buffo, вписано.

⁶²⁸ Далее было: изв

⁶²⁹ по-барски вписано.

⁶³⁰ Далее было: настоящего

⁶³¹ Место: Место — было: Местом

⁶³² Далее было: был

⁶³³ пьесы и оперы вписано.

⁶³⁴ Место: Чаще всего — было: Из комических вещей

⁶³⁵ Место: Каменного гостя — было: Каменный гость

⁶³⁶ Каменного гостя Пушкина, Вечного жида, вписано.

⁶³⁷ Далее была закрывающая скобка.

⁶³⁸ разных вписано.

⁶³⁹ Далее было: мне стоило сильной творческой работы

⁶⁴⁰ Место: и — была запятая.

⁶⁴¹ Место: и — была запятая.

⁶⁴² Место: являющиеся — было: и костюмы

⁶⁴³ с недоумением вписано.

⁶⁴⁴ для этого вписано.

⁶⁴⁵ Место: лес — было: <нрзб.>

⁶⁴⁶ Далее было: или

⁶⁴⁷ состоявшие вписано.

⁶⁴⁸ из вписано.

у меня с локонами и⁶⁴⁹ наряжены⁶⁵⁰ в белые платья с малиновыми корсажами⁶⁵¹, — лучше, изящнее⁶⁵² этого я ничего не мог представить. Учась уже в академии, я видел нескольких своих старых артистов; между ними была так одета донна⁶⁵³ Анна из «Каменного гостя», а дон Жуан, фигурируя⁶⁵⁴ перед ней с своим объяснением: «О, пусть умру у Ваших ног», стоял в танцевальной позе, одетый во фраке, и с цилиндром в правой руке.

// л. 27

Помню, как однажды для постановки на сцене⁶⁵⁵ сказки о двух ворах мне нужно было нарисовать на декорации царский дворец. Какой он должен быть с виду, мне было совершенно неизвестно. В Нижнем был один только дворец, — так называется там губернаторский дом. Пошел к нему и срисовал эту коробушку Николаевской архитектуры. Но нужно было сделать его великолепным, а великолепие в Нижнем тогда не было еще нигде, — все улицы, какие я знал, все состояли из деревянных домов с мезонинами, или, как у нас говорили, с мизенинами. До моего сведения доходили толки только об одном доме, что, дескать, был верхом великолепия и даже с золотой перед ним решеткой. Это был дом богача Акифьева на Ильинке действительно с решеткой, выкрашенной желтой краской и по местам бронзированной. Делать нечего, надо было сбегать на Ильинку, — сбегал, полюбовался купеческим великолепием и присоединил к своему дворцу несколько колонн и золотую решетку. При изображении замков я имел в виду недалеко от нас стоявший нижегородский острог [113] с его⁶⁵⁶ круглыми башнями, потому что он назывался постоянно тюремным замком. Для комедии «Скряги в тисках», потребовалась мне египетская пирамида. Тут я уже совершенно было встал в тупик, но меня выручил ясный⁶⁵⁷ намек в самой пиесе на то, что это было место погребения; значит, это что-то вроде памятника и, значит, надобно сходить на кладбище. А там был один какой-то барский склеп с большой над ним часовней, в решетчатые двери которой я видел даже и самый склеп случайно

для чего-то⁶⁵⁸ отворенным, ⁶⁵⁹ наполненный⁶⁶⁰ гробами. И вот мой театральный Египет сейчас поспешил усвоить себе эту часовню Нижегородского⁶⁶¹ Петропавловского кладбища.

Уже гораздо позднее, около 1847 г., попалась мне в руки⁶⁶² «Краткая география» Греча (СПб., 1838 г.) [114] с иллюстрированными приложениями и какая-то книжка с видами городов и зданий⁶⁶³ и сыграли в моем воспитании и в моих художественных занятиях огромную роль единственного наглядного пособия. Иллюстрации были⁶⁶⁴ маленькие, плохенькие и совсем слепенькие, так что на иных ничего нельзя было разобрать. Но Боже мой, с каким⁶⁶⁵ усердием и даже азартом я ухватился за эти дорогие для меня книги и принялся изучать их картинки. Тут были изображения уже действительных замков, дворцов — Эскуриала [115], Фонтенбло [116] и всякой всячины. У меня и до сих пор целые списки с этих картинок, написанные карандашом и в увеличенном размере.

В 1845 или⁶⁶⁶ 46 году мы переселились в большой дом и заняли главные передние комнаты. До этого времени, после свадьбы тетюшки Варвары, бабушка отдавала⁶⁶⁷ эти комнаты внаймы. Там жил один военный⁶⁶⁸ священник Василий Васильевич, фамилии не помню, женатый на племяннице бабушки Ирины Анне Федоровне; он был уже тогда⁶⁶⁹ вдовцом, отличался веселым характером и постоянно или других смешил, или сам хохотал. Хозяйкой у него была взрослая дочь Елизавета Васильевна, очень красивая, кроткая⁶⁷⁰ и добрая девушка. Это было чуть ли не единственное существо, при-

// л. 27 об.

ласкавшее бабушку⁶⁷¹ Ирину. Но это продолжалось недолго. Скоро Елизавета Васильевна вышла замуж за Герасима Даниловича Тихомирова, бывшего потом больничным священником. Потом тут жил какой-то чиновник с хорошенькой блондин-

⁶⁵⁸ случайно для чего-то вписано.

⁶⁵⁹ Вместо занятой — было: и

⁶⁶⁰ Вместо: наполненный — было: наполненным

⁶⁶¹ Нижегородского вписано.

⁶⁶² Далее было: <нрзб.>

⁶⁶³ и какая-то книжка с видами городов и зданий вписано.

⁶⁶⁴ Далее было: большею частью естественно-исторического содержания,

⁶⁶⁵ Вместо: с каким — было: какого

⁶⁶⁶ Вместо: 1845 или — было: 1847 <нрзб.>

⁶⁶⁷ Вместо: отдавала — было: , переселившись в заднюю ко

⁶⁶⁸ военный вписано.

⁶⁶⁹ тогда вписано.

⁶⁷⁰ кроткая вписано.

⁶⁷¹ Вместо: бабушку — было: свою тетюшку

⁶⁴⁹ все были у меня с локонами и вписано.

⁶⁵⁰ Далее было: были

⁶⁵¹ Вместо: с малиновыми корсажами — было: в малиновые корсажи

⁶⁵² изящнее вписано.

⁶⁵³ Вместо: донна — было: дона

⁶⁵⁴ Вместо: фигурируя — было: фигурировал

⁶⁵⁵ Далее было: мне нужно

⁶⁵⁶ Далее было: четырьмя

⁶⁵⁷ Вместо: ясный — было: ясное Далее было: упомин

кой⁶⁷²-дочкой, за которой сильно приударял дядя Петр Андреич. За этим⁶⁷³ романом я наблюдал весьма пристально. Когда это семейство съезжало с квартиры, чтобы очистить ее нам,⁶⁷⁴ я видел, как блондиночка плакала, а дядя Петр ее поддерживал за талию и утешал. Он скоро после этого и сам уехал в Петербург в М<едико>-хирургическую академию. Она поселилась недалеко⁶⁷⁵ от нас в той же улице Ковалихе и после отъезда дяди Петра не замедлила выйти замуж за одного молодого чиновника, близкого знакомого дяди. Он нередко прежде приходил к дяде ради, вероятно, той же блондиночки и услаждал всех своим прекрасным тенором, распевая, главным образом, песни Торопки из модной тогда «Аскольдовой могилы». Я забыл сказать, что дядя Петр был большой музыкант на гуслях. Помню я и его большие гусли с картинами на верхней крышке; их, кажется, увез в Балахну дядя Степан, тоже хороший гуслиар.

На новом месте резиденцией моей сделался угол между описанной выше большой печкой-голландкой и кроватью моих родителей. Тут, на полу, я расположил все свои пожитки, которых не мог портить брат Павел, а более драгоценные для меня помещал на стоявшем рядом с печкой гардеробе. На печку переселились из флигеля и мои маленькие людочки, которыми я дразнил брата. Сидя на гардеробе, я рассказывал ему целую эпопею о моем царстве лилипутов, сам искренно увлекаясь ею и жалея, что моих лилипутов на самом деле нет. Гардероб этот был привлекателен для меня еще тем, что на нем был склад пизс из театра, романов мамы и журнала «Библиотека для чтения» Сенковского [117], который я читал с упоением.

Я считался уже большим и должен был исполнять роль няньки у младших детей. Сестра Катя была еще ребенком, и я заведывал ее люлькой и рожком по целым утрам, когда мать стряпала или куда-нибудь отлучалась. Также мне потом приходилось нянчиться и с другой сестрой, Варей. И с братом и с сестрами я держался, как строгое, но справедливое начальство, укрощая их и окриками⁶⁷⁶, и подчас колотушками. Бывало, не унимается сестра в колыбели, как ее ни качаешь, даже надоест. Крикнешь на нее или стукнешь по колыбели — и замолкнет. Репутация моей справедливости была причиной⁶⁷⁷ того, что всякие дележи игрушек или съестного между детьми⁶⁷⁸ постоянно предоставлялись мне.

⁶⁷² блондинкой *вписано*.

⁶⁷³ *Вместо:* За этим — *было:* На этот

⁶⁷⁴ *Далее было:* бло

⁶⁷⁵ *Вместо:* поселилась недалеко — *было:* жила после этого

⁶⁷⁶ *Вместо:* окриками — *было:* <нрзб.>

⁶⁷⁷ *Вместо:* была причиной — *было:* сделала меня и

⁶⁷⁸ *Далее было:* <нрзб.>

В качестве взрослого я⁶⁷⁹ уже чаще и без помехи мог отлучаться из дому. Кроме отлучек⁶⁸⁰ на Волгу купаться и в театр, я стал⁶⁸¹ делать частые посещения⁶⁸² военного плаца в крепости и ярмарки. У меня начинался известный в жизни мальчиков моего возраста героический период развития, выражавшийся в любви к военным упражнениям. Там, на плацу, которого уже теперь нет, учились кантонисты и солдаты и производились смотры и разводы.

// л. 28

Подолгу, бывало, стоял я около плаца за веревкой, присматриваясь к ружейным⁶⁸³ приемам, учебным маршам в три приема и к церемониальным маршам с музыкой. Помню тогдашнее⁶⁸⁴ грубое обращение с солдатами крупных и мелких командиров, постоянные мордобития в строю⁶⁸⁵ и жестокие наказания неловким солдатам палками и шомполами тут же за строем. Крупная непечатная брань так и неслась по всему плацу. Теперешний солдат не может и представить, какова была прежняя мученическая жизнь в солдатской службе, что значило, напр<имер>, хоть обучение этому глупейшему шагу в три приема с неестественным⁶⁸⁶ вытягиванием носка и невыносимо долгим стоянием на одной ноге в постоянном страхе, что как только покачнешься, так сейчас налетит офицер или унтер⁶⁸⁷ [118] и раск<р>овенит все рыло. Кроме того, старого солдата кругом обворовывали, держали впроголодь и самого сделали вором. Каждый почти солдат был мародером. Солдаты воровали на рынках провизию, по дворам обывателей всякую живность, лазили по чуланам и чердакам, чтобы что-нибудь стащить на свои крайние нужды. Наказания за воровство были строгие, но не могли пересилить вопиющей солдатской нужды, тем более что многие обыватели, поймавши солдата на воровстве, из жалости не выдавали его начальству и отпускали с миром или с плушкой, только отнявши украденное. У нас в доме на моей памяти было два случая воровства белья, сушившегося на чердаке, и в обоих⁶⁸⁸ случаях ворами были солдаты. Одного я сам видел с узлом белья и спугнул его своим криком.

Все солдатское начальство, начиная с какого-нибудь фельдфебеля [119], относилось к своим подко-

⁶⁷⁹ *Далее было:* мог

⁶⁸⁰ *Вместо:* отлучек — *было:* пут

⁶⁸¹ *Далее было:* учащать

⁶⁸² *Далее было:* ярмарки и

⁶⁸³ *Вместо:* ружейным — *было:* оружейным

⁶⁸⁴ *Вместо:* тогдашнее — *было:* гру

⁶⁸⁵ *в строю вписано*.

⁶⁸⁶ *Вместо:* неестественным — *было:* в

⁶⁸⁷ *Так в рукописи*.

⁶⁸⁸ *Вместо:* в обоих — *было:* оба

мандным, как к своим⁶⁸⁹ крепостным. Офицер мог требовать от солдата, даже чужого, всяких услуг⁶⁹⁰, каких только ему вздумается. Эти⁶⁹¹ чины были все аристократами, барями военного ведомства и держались так гордо, высокомерно и своевольно, как тогдашние бары-помещики. Начальство постоянно держало их руку, ревнуя о чести мундира, и попускало их всякие дебоширства и мерзости в отношениях к обыкновенным обывателям, даже к городской полиции. Когда офицеры кутили, т. е. чуть не каждый день, обыватели прятали на всякий случай всех своих девок и женщин помоложе, старались и сами не соваться зря на глаза христоролюбивым воинам, а полиция вела себя ниже травы, тише воды.

Как же мне было не полюбить тогда этих блестящих, смелых, ловких и никого не боявшихся военных? Все, виденное на плацу, я переносил в свою⁶⁹² Ковалиху. С соседними мальчишками и⁶⁹³ для усиления военного кадра с девочками у нас устроилось на улице целое ополчение и начались шумные военные экзерциции [120]. Мы отлично выучились на палках всем ружейным приемам и маршированию, даже тогдашним тихим учебным маршам в три приема с мучительным вытягиванием носков. Военные мои⁶⁹⁴ наклонности за это время отражались и на моих кукольных играх. Я наделал из бумаги множество солдат и, расставляя их на разные лады, производил им разводы, и иногда⁶⁹⁵ заставлял сражаться. Из палочек бузинного дерева, очистив их мягкую сердцевину,

// л. 28 об.

я делал ружья и пушки, стрелявшие горохом или деревянными втулками посредством шомпола и сжатого воздуха. Из глины или хлеба созидались мною брустверы [121] батарей и целые крепости, и в них производилась пальба до тех пор, пока они не разрушались и не были так-им образом покоряемы моими войсками. Мои военные упражнения даже совсем тогда вытеснили игру в попы, и только игра в театр и рисование⁶⁹⁶ смогли устоять против них непоколебимо и⁶⁹⁷ на долгое время. Увлечение солдатчиной было, впрочем⁶⁹⁸, явлением случайным в моей жизни. Оно не согласовалось

с моей натурой и было очень непродолжительно⁶⁹⁹. Гораздо продолжительнее и, пожалуй, полезнее для физического развития было одновременное мое⁷⁰⁰ увлечение гимнастическими упражнениями клоунов и жонглеров, перенятыми мною на нижегородской ярмарке.

На ярмарку я попал в⁷⁰¹ очень раннем возрасте, сначала ходил туда с матерью и уездными родственниками, которые каждый год приезжали в Нижний запастись⁷⁰² на ярмарке чаем и предметами для одежды. Уездные города, а тем более села еще вовсе не процветали торговлей и их обыватели только и жили нижегородской ярмаркой, делая в течение ее большие годовые запасы для удовлетворения всяких своих житейских потребностей. Потом, подросши, я стал посещать ярмарку и один, и с спроса, и без спросу, — в последнем случае в домашнем костюме, т. е. босиком, в одной грязной⁷⁰³ рубашечке и без шапки. Дома редко, бывало, кто хватится, что меня дома нет.

Ходил я на ярмарку из Ковалихи Дворянской улицы [122], Лыковской дамбой [123] к Сергиевской церкви; за ней до самого обрыва над ярмарочным мостом были пустые дикие овраги и гора, вдоль которой располагались канатные заводы и крутились самым первобытным образом длинные пеньковые канаты; другие канатные⁷⁰⁴ заводы были еще в поле — от кладбища до девичьего монастыря. Мальчишки, бегавшие со мной, находили особенное удовольствие втыкать в крутящийся канат палки и за это получали от канатчиков здоровые затрешины⁷⁰⁵. Получив по затрешине, мы опрометью скатывались с обрыва горы на самый мост. На ярмарке первым делом было сбежать под главный дом, где играла музыка и были заманчивые картинные⁷⁰⁶ и игрушечные лавки, но туда редко удавалось проскользнуть таким уличным⁷⁰⁷ босоножкам, как я, — не пускали козаки. От главного дома я бежал обыкновенно на пески, где стояли всякие удивительные балаганы, на балконах их давали представление паяцы, а из внутренности их по всем пескам разносилась разнообразная музыка, по улице развешаны были народные картины яркой раскраски и стояли раешники, показывавшие за 2 копейки свои райки и выкрикивавшие свои складные и смешные при-

⁶⁸⁹ своим *вписано*.

⁶⁹⁰ всяких услуг, *вписано*.

⁶⁹¹ Далее было: чины

⁶⁹² свою *вписано*.

⁶⁹³ Далее было:, за малочи

⁶⁹⁴ мои *вписано*.

⁶⁹⁵ иногда *вписано*.

⁶⁹⁶ и рисование *вписано*.

⁶⁹⁷ непоколебимо и *вписано*.

⁶⁹⁸ впрочем *вписано*. Вместо: впрочем — было: <нрзб.>

⁶⁹⁹ Вместо: непродолжительно — было: продолжительно

⁷⁰⁰ Вместо: мое — было: и несколько

⁷⁰¹ в *вписано*.

⁷⁰² Вместо: запастись — было: запасть

⁷⁰³ грязной *вписано*.

⁷⁰⁴ канатные *вписано*.

⁷⁰⁵ Точка *вписана*. Далее было: , — доставалось и мне.

⁷⁰⁶ Далее было: лавки

⁷⁰⁷ уличным *вписано*.

баутки часто весьма нецензурного свойства. В тогдешнее время всяких гнетов цензуры одни только они пользовались почему-то привилегией полной гласности и свободы помещать в свои райки весьма пикантные изображения и в политическом, и особенно антимонашеском, антипоповском и порнографическом отношении.

Некоторые более совестливые раешники, показывая эти картины под конец всего

// л. 29

своего запаса, предварительно отгоняли малолетних зрителей: «Эй, ты, малый, отойди пока, приходи лет через 12 — я тебе и дальше покажу», но малый, отойдя от стекла, все-таки с любопытством выслушивал откровенное объяснение картины; другие раешники не соблюдали и такой осторожности. У меня тоже завелся свой раёк с навитыми на два вала картинами; много было выучено и раешных присказок. Картины лубочной печати⁷⁰⁸ частью были куплены мною на ярмарке на случайно доставшиеся мне деньги, а большею частью написаны собственноручно.

Перед балконными паяцами я простаивал по часу и больше⁷⁰⁹, перенимая у них разные штуки, которые они показывали, заманивая публику. В⁷¹⁰ один выход на балкон паяц покувыркается и походит по парапету балкона на руках, в другой раз поиграет тремя или четырьмя шариками, в третий пожонглирует тарелками на острие шпаги или стулом с сидящим на нем мальчиком и т. д. Из цирка для того же заманивания публики выезжали, стоя на лошадях, наездники и наездницы в своих диких кожаных костюмах. Раз два-три случалось мне быть в самих балаганах и чего-чего тут я не видел! Кто ложился на трапецию, кто ходил по горлышкам поставленных в длинный ряд бутылок, кто плясал на канате или по всей арене делал круги колесом и проч. проч. Все это я потом воспроизводил дома с своими друзьями, особенно с одним новым товарищем — Иваном, сыном Егорьевского протоиерея Грацианова. Он оказался весьма талантливым жонглером и быстро выучился играть 4-мя шарами, ножами, тарелками и чем попало и жонглировать разными предметами на лбу и на носу. В жонглировке я доходил до игры только тремя предметами, но зато превосходил его в гимнастических упражнениях, — довольно часто проходил взад и вперед⁷¹¹ ряд из 12 бутылок, умел кувыряться на трапедии, ходил без баланса, вместо каната, по вершине забора, вертел-

ся⁷¹² колесом и стоял вверх ногами. Лазить по деревьям и по крышам, взбегать без остановки на гору к Егор<ьевской> башне⁷¹³ [124], прыгать через препятствия или с крыши дома считалось у нас нипочем. Иногда с Иваном мы давали даже целые представления в палисаднике за флигелем; публика состояла из всех наших знакомых мальчишек и девчонок. Цирковые костюмы, конечно, недоступные для нас, мы заменяли при этом полным обнажением своих торсов и засучиванием штанишек, до коих пор только было возможно.

Гимнастика эта была иногда опасна, — случалось ушибаться, портить себе⁷¹⁴ кожу рук или ног, висеть ногой⁷¹⁵ на гвозде, выставившись из стены барки, при полете с нее в воду и т. п.⁷¹⁶ Но все это были пустяки сравнительно с пользой от наших гимнастических упражнений⁷¹⁷. Благодаря, может быть, этим⁷¹⁸ упражнениям, я до старости сохранил почти юношескую подвижность всего организма⁷¹⁹. Не привелось мне поучиться только⁷²⁰ верховой езде. При нашей бедной городской обстановке мне вовсе не случилось иметь дело с лошадьми. Я даже боялся их и никогда к ним не подходил. Только раз я решился сесть на деревенскую лошадь, зачем-то очутившуюся на нашем дворе, — кажется, на ней приехала Федора с молоком. Лошадь эта показалась мне очень доброю и смирною, и я решился на нее воссесть верхом, не для того,

// л. 29 об.

чтобы проехаться, пот<ому> что она была привязана к возу, а чтобы только посидеть на ней. Но к<а>к только я на нее сел, она вздумала пощипать у себя под ногами травки и круто наклонилась, а я по этому случаю съехал с нее через ее голову на землю; тем мои попытки верховой езды и кончились однажды навсегда, на всю мою остальную жизнь⁷²¹.

// л. 31

Но если не довелось мне сделаться наездником, зато я очень рано стал порядочным мореплавателем. Первое знакомство с водой я получил, к<а>к уже сказано, в Ковалихинской канаве

⁷¹² Вместо: вертелся — было: ходил

⁷¹³ Вместо: Лазить по деревьям и по крышам, взбегать без остановки на гору к Егор<ьевской> башне, — было: Бегать и

⁷¹⁴ Далее было: шкуру

⁷¹⁵ ногой вписано.

⁷¹⁶ Вместо: т. п. — было: т. д.

⁷¹⁷ Вместо: наших гимнастических упражнений — было: нашей добровольной гимнастики

⁷¹⁸ Далее было: гимнастическим

⁷¹⁹ Далее было: Одному только
Далее было вписано: роду спорта

⁷²⁰ Вместо: только — было: — это

⁷²¹ Справа на полях помета: (вставка) Текст продолжается на вклеенных лл. 30 и 30 об.

⁷⁰⁸ лубочной печати вписано.

⁷⁰⁹ Вместо: по часу и больше — было: очень долго

⁷¹⁰ Вместо: В — было: Одно

⁷¹¹ взад и вперед вписано.

и в разных лужах; потом нашел себе более обширное скопление воды в пруде подгородного села Высокова, где я нередко гостил у деда священника⁷²² Ивана Алексеевича Соколова. Пруд этот был наполнен лягушками, головастиками и всякими зримиыми и незримиыми микробами, но я с мальчишками не брезговал им, хоть после купанья в нем от меня так и несло какою-то поганью. Очень рано познакомился я и с матушкой-Волгой. После первых путешествий туда за опокоем она так меня пленила, что я убежал на берег ее очень часто. Знакомство с⁷²³ Иваном, семейство⁷²⁴ которого жило в церковном доме около паперти Егорьевской церкви, дало⁷²⁵ мне полную свободу бывать на Волге под предлогом посещения Ивана. Не помню, как я выучился плавать, но при поступлении в школу я был уже порядочным пловцом. По мере того, как развивались мои физические силы, я становился все смелее и предприимчивее на воде. Во время моего училищного курса я плавал уже да-

леко от берега, чуть не на средину Волги, где стояли разные суда и барки. С другими мальчишками мы влезали на их двухскатные палубы и катком катались с них в воду, летя около сажени от борта до воды. Однажды я едва не утонул, напоровшись ногой на какой-то гвоздь на боку барки. Кровь лила из ноги ручьем, и мне еще нужно было далеко плыть, чтобы достичь берега.

// л. 30

На⁷²⁶ разные плавательные фокусы и штуки я вообще⁷²⁷ считался не последним мастером. Иван Грацианов был далеко хуже меня в этом отношении.

И как же мы любили свою матушку-Волгу и все, что на ней происходило! Это был еще младенческий период Волжского пароходства [125]. Пароходов было еще очень немного и еще немногих обществ: Волжского, Меркурьевского и др. Все эти пароходы были у нас наперечет, и мы издали узнавали каждый из них. Знали мы также чуть не все типы волжских судов, конные машины и тягу лямкой, заставы [126], беляны [127], тихвинки [128], всякого рода барки и пр. По целым часам бывало наблюдаешь за оживленным волжским движени-

⁷²² священника вписано.

⁷²³ Далее было: сыном

⁷²⁴ Вместо: семейство — было: жившим

⁷²⁵ Вместо: дало — было: совсем

⁷²⁶ На вписано.

⁷²⁷ я вообще вписано.

ем, а по вечерам прислушиваешься к мерному топанию бурлацких ног на палубе и пению знаменитой грустной волжской песни, раздающейся стоном на заре по всей Волге⁷²⁸.

// л. 30 об.

История моего детского развития была бы крайне неполна, если бы я не вспомнил еще бабушкина подклета, сдававшегося ею внаймы по углам. И каких-каких жильцов я не видал в этом подклете. Сначала в нем жили, к<а>к я уже упоминал, семинаристы. Последним из них я помню какого-то Федю, белокурого, полненького мальчика, постоянно сидевшего за книжкой и даже неохотно принимавшего меня, когда я заходил к нему в гости. О нем будет еще речь впереди. Потом тут жили разного рода бедняки; из них я помню не всех. Долгое время жила в подклете одна нищая старуха⁷²⁹ — крестьянка Дарья. Об ней рассказывали, что, когда она была в девках, так ходила на богомолье в Киев. Дорогой на нее с товарками напали какие-то солдаты. Товарки разбежались, а она попала в руки разбойников-солдат, была привязана к кустам и обещена. Воротясь больная с богомолья, она уже не могла выйти замуж и осталась в девках, проводя самую жалкую жизнь в бобылках. Под старость перешла в город и кормилась нищенством. Она была ласкова со мной и дарила меня своими милостинками⁷³⁰, которые были послаще. Кому-то она сбывала куски подаваемого ей хлеба за деньги⁷³¹; покупатель этих кусков держался поверья, что кто⁷³² поест хлеба из 77 печей, так будет здоров и чуть ли не бессмертен. Это был ее главный денежный доход после копеек, собираемых по праздникам на церковных папертях. При более удачных доходах она позволяла себе иногда выпить косушечку водочки. Жил в том же подклете еще другой нищий — отставной солдат, длинный, тонкий и седой старик⁷³³ Савельич, большой краснобай-рассказчик и враг Дарьи. По целым вечерам, сидя у свечка с лучиной и ковыряя лапти, он либо бранился с Дарьей, либо пускался в длинные и занимательные рассказы из своей деревенской жизни в молодости и о своих военных походах. Я часто слушал его, не сходя с места по целым часам; говорил он с каким-то смешным провинциальным акцентом и постоянно в комическом тоне, даже об очень не смешных происшествиях, вроде того, напр<имер>, как брат его или дядя — не помню — покончил живот свой на вилах при наметывании сена. «Отошел

⁷²⁸ Лл. 30 и 30 об. вклеены в рукопись позже основного текста. На л. 30 справа на полях помета: (вставка)

⁷²⁹ старуха вписано.

⁷³⁰ Вместо: милостинками — было: милостиками

⁷³¹ Далее было: так к

⁷³² Далее было: ест

⁷³³ длинный, тонкий и седой старик вписано.

я от стога-то к ключу воды напиться; ну, почерёп воды и ему. Иду назад; глянь, а он со стога-то съехал да и сидит на вилах, кои я приставил, отошодчи. Щуп его, а он уж мертвый. Хлопот что было тут с покойни-

// л. 31

ком-то. Что этих птиц чиновники переели, одного даже поросенка слопали⁷³⁴. Не приведи Бог никому».

Был по временам на жительстве у бабушки в подклете один безместный и запрещенный в служении⁷³⁵ священник о. Василий, отец одного из моих последующих товарищей по семинарии Ив<ана> Вас<ильевича> Лилова⁷³⁶ и учителя богословского класса семинарии Павла Вас<ильевича> Лилова, приходившийся как-то нам сродни. Это был жилец временный. Поживет несколько недель, потом запьет и куда-то надолго пропадет. Во время своего жительства в подклете он добывал себе содержание клиросным служением по церквам, т<а>к к<а>к обладал порядочным голосом-баритоном. Дома он все время занимался подновлением своего подрясника и шитьем себе белья. Он был человек на все руки и большой смехотвор цинического направления. Бабушка его недолюбливала и часто с ним перебранивалась, желая наставить его на путь истинный. — В бане в саду жил такой же дьякон, занимавшийся починкой часов и производством нюхательного табаку. С этим я мало был знаком; он был человек угрюмый, несообразительный и не любил, чтобы мы, ребята, совались к нему в баню. О. Василий пьяный был неспокоен до буйства и уличных скандалов; о. дьякон, напротив, делался еще угрюмее и молчаливее. К нему у нас больше благоволили.

Помню я в подклете еще одного портного Федота, рыжего пожилого мастера-пьяницу. Когда он работал, то ставил на лавку табурет под самое окно, — окна в подклете были маленькие в два стекла и высоко от полу. На табурет он усаживался сам, а вместо стола устраивал какое-то столпотворение из всякой всячины. Помнится, что работа его⁷³⁷ состояла вся из разных починок старья, шитья мешанских жилеток, штанов и т. п. предметов. Заработанные деньги он немедленно нес в кабак и пропивал без остатка. Ходил он в одной рубашке и панталонах, обувался в башмаки, старые галоши и зиму и лето. На голове носил одно лычко, придерживавшее его волосы наподобие венка. Особенно памятен был он мне своею смертью, — это была первая смерть, процесс которой я видел собственными

⁷³⁴ Далее были закрывающие кавычки.

⁷³⁵ и запрещенный в служении вписано.

⁷³⁶ Ив<ана> Вас<ильевича> Лилова вписано.

⁷³⁷ Далее было: была

глазами. В один зимний день пьяный он заполучил сильную простуду. Несколько дней он бредил и метался по комнате, то и дело⁷³⁸ вскакивая с лавки; потом окончательно слег и через несколько часов помер. Я все время наблюдал за ним с кухонной полки в щелку, не смея войти в комнату, где он томился своею смертною мукой. Не помню, как его похоронили.

В особой боковой комнатке долгое время жила в подклете торговка Орина,

// л. 31 об.

торговавшая вразнос с лотка пряниками и орехами. Это была женщина лет 30, худая, как щепка, некрасивая, но весьма кокетливая, говорившая тоненьким голоском с жеманным прищмокиванием и сюсюканьем. Весь ее торговый лоток стоил, вероятно, не более рубля серебром, но она слыла между подклетными жильцами богачкой-купчихой и скупой, пот<ому> что никому не давала займы денег, крайне необходимых просителям для того, чтобы опохмелиться. Но для удовлетворения своим собственным страстям она денег не жалела и имела у себя собственного Альфонса — солдата Ивана, который был после будочником. Когда он посещал ее, — обыкновенно часов в 5 вечера, — она угощала его водочкой и чем случилось на закуску. Комнатка ее отделялась от общей комнаты подклетных жильцов одной⁷³⁹ досчатой⁷⁴⁰ перегородкой, и мы бывали свидетелями-очевидцами всякого рода любовных восторгов нежной парочки. После эта Орина уехала с своим Иваном в Арзамас, где он получил место будочника около Выезднового моста, и, кажется, с ним повенчалась.

Одно время весь подклет занимал какой-то типографский наборщик, — имени не помню. Человек он был семейный. Была у него хлопотливая и плаксивая жена, бывшая его сапогами, когда он приходил домой пьяный, два мальчика и девочка. И жена, и дети были больные. У одного мальчика не доставало части нёба во рту, так что нос и рот соединялись вместе. Но все дети были ласковые и добрые, и мы с братом любили⁷⁴¹ играть с ними на кухонной печке. Сам наборщик был страшный пьяница и буян во хмелю, пока держался на ногах. Моему отцу он таскал из типографии шрифт. Что с этим шрифтом хотел делать отец, не знаю, но его очень много было у него в ящиках письменного стола. Семейство это жило недолго, — за буйство и неплатеж за квартиру бабушка скоро согнала его с квартиры.

Под такими впечатлениями складывался мой детский характер и приобретались первые детские⁷⁴³ понятия о жизни и людях. Пора перейти к истории моего книжного⁷⁴⁴ образования. Грамоте я выучился очень рано и почти самоучкой. Еще до изучения азбуки я знал уже почти все названия букв, не зная самых букв. Первые буквы по порядку мне сделались известны из чьего-то⁷⁴⁵ рассказа об ученой собаке, которой клали на нос кусок говядины и потом говорили: аз, буки, веде, глаголь, добро, есть. При слове есть собака моментально подкидывала мясо на носу и на лету схватывала его пастью. Другие буквы я выучил и знал по порядку от бабушки с разными присловьями, например <ер> о последних буквах: э, ю, я, фита, ижица, — плеть к заду близится. Первый толчок к приобретению искусства чтения, сколько мне помнится, дал мне упомянутый семинарист Федя. В одной беседе он объяснил мне, что каждая буква обозначает особый звук и что из сложения букв образуются слова.

// л. 32

Играючи мы вырезали несколько букв из бумаги и сложили из них несколько слов. Да посрамятся позднейшие изобретатели звукового метода и подвижной азбуки, — изобретателем этих⁷⁴⁶ новостей были гораздо раньше их мы с Федей. Куда девался этот первый мой учитель и какая была судьба его, я так и не узнал доселе, пот<ому> что⁷⁴⁷ узнавать об этом понадобилось мне уже поздно, когда я совсем вырос и когда следы этого Федей совершенно исчезли. Короткая игра с Федей в буквы, случившаяся едва ли не на один только раз, крайне меня заинтересовала⁷⁴⁸. Я стал сам вырезать из бумаги буквы, перенимая их фигуры из разных книг и театральных афиш, — азбуки я так и не видал. Кое в чем помогали мне бабушки. С этих пор, сидя на полу под кроватью, я часто упражнялся в складывании из своих бумажек разных слов, какие мне приходили в голову. Однажды отец, любивший ходить⁷⁴⁹ взад и вперед по комнате, заглянул под кровать, любопытствуя, что я там⁷⁵⁰, присмиривши, поделяваю. Он, видимо, был удивлен моими упражнениями в грамотности, расспросив меня, как я дошел до нее, — и похвалил и высказал намерение наконец заняться со мной. Но заняться ему долго не приходилось, а между тем я уже совсем овладел

⁷⁴³ Вместо: детские — было: житейские

⁷⁴⁴ книжного вписано.

⁷⁴⁵ чьего-то вписано.

⁷⁴⁶ Вместо: этих — было: тех

⁷⁴⁷ Далее было: пришлось

⁷⁴⁸ Вместо: заинтересовала — было: заинтересовался

⁷⁴⁹ Вместо: любивший ходить — было: ходив

⁷⁵⁰ Далее было: делаю

⁷³⁸ то и дело вписано.

⁷³⁹ одной вписано.

⁷⁴⁰ Далее было: и щел

⁷⁴¹ Вместо: мы с братом любили — было: я любил

⁷⁴² Вместо тире — было: и

«ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ».
АКВАРЕЛЬ
П. В. ЗНАМЕНСКОГО. 1895 г.
ИЗ ЧАСТНОЙ КОЛЛЕКЦИИ

процессом чтения и принялся разбирать и церковную и гражданскую печать. Для своего кукольного богослужения я разобрал в⁷⁵¹ книгах бабушки Ирины ектении и возгласы утрени и вечерни, а для кукольного театра добрался до театральных пизс, лежавших обыкновенно на гардеробе; — тут было несколько номеров «Пантеона русского театра» [129] из театральной библиотеки, которые приносил отец для чтения матери. С потребностью чтения явилась потребность писать. Этому искусству научиться было не у кого. К отцу я не смел приступить, а мать и бабушка Анна сами писали плохо. Я начал писать сам и по примеру дяди Ивана Андреича печатным славянским шрифтом; гражданский мне меньше давался, да у меня не было на памяти и примеров того, чтобы им кто-нибудь писал. К рукописному⁷⁵² курсиву я приступил уже позднее и⁷⁵³ стал его употреблять главным об-

⁷⁵¹ В *вписано*.

⁷⁵² рукописному *вписано*.

⁷⁵³ Далее было: тоже

разом уже тогда, когда мне пришлось изучать греческий и латинский язык. Так и совершилось мое начальное обучение грамоте. Чтение мне далось хорошо, но писать я не умею и до сих пор, — пишу самодельным и оттого весьма оригинальным почерком, представляющим нечто среднее между печатным курсивом и старым греческим письмом вместе с следами неумения держать перо и не твердым почерком.

Между тем время шло. Я был уже около 9 лет, когда отец⁷⁵⁴ нашел, что мне пора уже готовиться и к поступлению в дух<овное> училище. Но и после этого решения он предоставил меня в деле подготовки к училищу собственным силам. Он дал мне зубрить латинскую и греческую⁷⁵⁵ грамматики, да на том и успокоился. Он,

// л. 32 об.

впрочем, не поленился собственноручно списать мне маленькую греческую грам<м>атику, которую

⁷⁵⁴ Далее было: задумал

⁷⁵⁵ и греческую *вписано*.

тогда учили в училище. Так казались тогда дороги учебные книги. Латинская имела у нас печатная. Каждую неделю он приносил мне две ос<ь>мушки из греч<еской> грамматики, к<ото>рые где-то списывал, и эти две осьмушки составляли мой недельный урок. К чести тогдашних учебников нужно сказать, что они отличались таким простым изложением, что я их свободно осиливал без всякого постороннего руководства. Т<а>к же самоучкой с небольшой только помощью бабушки Анны я выучил 4 правила арифметики по учебнику Куминского⁷⁵⁶ [130]. Больше этого я не учил ничего, даже «Начатков» Филарета⁷⁵⁷ [131] по закону Божию обязательных тогда, кажется, во всех школах.

Отец, должно быть, был доволен мною. Он гордился много пред протоиереем Грациановым, сын которого моих лет был лентяй и баловник и учился плохо. Не помню, в какой праздник, кажется в Пасху, георгиевский причт был у нас для славения. Протопоп Грацианов вздумал попытаться меня, каков я в латыни, и задал мне перевести на латинский язык слова И. Христа к Петру: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь Мою». Никакой практики в латинском языке у меня не было, — я только зубрил грамматику и разбирал с⁷⁵⁸ переводом приводившиеся в ней примеры. Протоиерей сам назначил мне слова: созижду, врата, ад, одолевать, и я благополучно справился с задачей, стяжав за это достойные похвалы всего причта. Одно смущало меня в моих ученых трудах, но служило вместе и поощрением прилагать новые труды к осиленным трудам, — это беспокойная мысль о скором поступлении в училище.

По многочисленным рассказам о бедственном учении духовных отроков⁷⁵⁹ я имел об училище понятия самого мрачного характера, к<а>к о месте жестоких истязаний. Нужно заметить, что в детстве меня никогда не подвергали сечению розгами, — все наказания за мои провинности ограничивались только тем, что отец отгаскает, бывало, за волосы или даст здорового подзатыльника. Оттого наказание розгами представлялось мне и унижительным, и нестерпимо мучительным.

Помню я и первое еще дошкольное знакомство мое с училищем и семинарией, помещавшимися тогда вместе. Дядя Николай был тогда учителем училища и жил на казенной квартире в корпусе семинарии, что на дворе⁷⁶⁰, а дядя Петр учился еще в семинарии и жил при бабушке. Отправляясь однажды к брату Николаю, он прихватил с со-

бой и меня. Мне было тогда года 4 или⁷⁶¹ лет⁷⁶². Когда мы пришли к дяде Николаю, я усмотрел у него в гостях какого-то подвыпившего господина с рыжей кудрявой и лохматой головой. Он пристал ко мне с допросом, изучал ли я философию, почему не изучал и отчего не учусь до сих пор в семинарии. Я сказал, что я еще маленький. «А, ты маленький? — продолжал допрашивать рыжий человек. — А ты знаешь ли, как у нас таких маленьких порют. Не знаешь? Так вот

// л. 33

сейчас это тебе покажем. Эй, кто там? Розог!» Я так струсил, что тотчас же опрометью бросился бежать, что есть духу, и так бежал до самого дома, боясь за собой погони. Господин, т<а>к меня перепугавший, был знаменитый в истории нижегородской семинарии профессор философии Ф. А. Надеждин⁷⁶³ [132], автор краткой системы философии и истории философии по Рейнгольду. К сожалению, этим случаем личное знакомство мое с ним и ограничилось. После я ни разу его не встречал, — он вышел из семинарии в 1842 г., —⁷⁶⁴ слышал только после, когда сам учился философии, многочисленные и полумифические предания об его огромном уме, непобедимой диалектике в спорах и незаурядном ораторстве⁷⁶⁵. Он производил в свое время, должно быть, сильное впечатление в семинарии.

К<а>к ни оттягивалось мое поступление в училище по небрежности отца, беда эта все-таки меня постигла. Это было в 1847⁷⁶⁶ году. Из Балахны приехал дядя Степан и привез в училище своего сына Алексея, который был со мною однолетком. Отец нашел, что откладывать дела нечего, и порешил представить меня в училище вместе с Алексеем. Кузен мой Алексей был хорошо подготовлен к среднему отделению училища или, к<а>к оно тогда называлось, к третьему классу. Первые два класса с годичными курсами поставляли тогда младшие отделения училища и назывались приходским училищем. Два следующих с двухлетними курсами составляли уездное дух<овное> училище. Нам⁷⁶⁷ с Алексеем привелось поступать в третий класс на второй год его курса и учиться в нем, следовательно, только один год. Подготовка поэтому требовалась особенно хорошая; ученики третьего класса ушли уже далеко по своим наукам. Я же⁷⁶⁸ многого не учил. Особенно смущали ме-

⁷⁶¹ года 4 или *вписано*.

⁷⁶² Далее было: или 6

⁷⁶³ Над строкой помета: (с 1833 г.

⁷⁶⁴ — он вышел из семинарии в 1842 г., — *вписано*.

⁷⁶⁵ Слева на полях помета: Служил в Спб. в департаменте уделов.

⁷⁶⁶ Вместо: 1847 — было: 1846

⁷⁶⁷ Далее было: да

⁷⁶⁸ Далее было: знал

⁷⁵⁶ Вместо: Куминского — было: Меморского

⁷⁵⁷ Филарета *вписано*.

⁷⁵⁸ разбирал с *вписано*.

⁷⁵⁹ Далее было: учил

⁷⁶⁰ и жил на казенной квартире в корпусе семинарии, что на дворе, *вписано*.

ня слабые знания из арифметики и совершенное незнание пения, в котором кузен Алексей был очень силен. Отец его, недурной музыкант на гуслях и на скрипке, рано выучил его разбирать ноты. Кроме того, он с детства постоянно участвовал при богослужении, пел и читал на клиросе. Меня же в церковь брали редко, а когда я сам стал ходить к службам и даже стоял на клиросе, на меня тут никто не обращал внимания, не поучал ни церковным⁷⁶⁹ напевам, ни различию певческих тонов, — при попытке самому подпеть причетникам и Ивану Грацианову мне сейчас же зажимали рот, потому что я страшно вздорил. Отец, не обращая ни на что внимания и, вероятно, надеясь на мое усердие, все-таки порешил, чтобы я поступил в один класс с Алексеем.

Ректором училища был кафедральный протоиерей Иван Иванович Лебединский, из уроженцев Нижегородской епархии⁷⁷⁰, магистр Московской академии (1824 года), служивший сначала в семинарии по классу философии, потом с 1829 г. состоявший ректором училища, человеком, как говорили, строгий и взыскательный⁷⁷¹. Он жил в соборном доме и лично принимал не только⁷⁷² всех поступающих в училище, но и всех возвращавших с ваката учеников. По тогдашнему, кажется, общему обычаю всех

// л. 33 об.

училищ, такие явки учеников к ректору, инспектору и ко всем учителям производились не иначе как с разными приношениями деньгами и натурой. Приношения эти служили тогда необходимым подспорьем к нищенскому жалованью личного состава училищного⁷⁷³ персонала, оттого благодушно были терпимы и высшим духовным начальством. Иван Иванович слыл даже особенным любителем этих явок. От явок не освобождались даже городские ученики, которые никуда не ездили из Нижнего, — им тоже давались увольнительные⁷⁷⁴ билеты на вakat, и они с этими билетами тоже должны были являться, кому следует, как только что воротившиеся в город. Заведена была даже форма, как при явке ученик должен был подавать билет ректору. Бумага должна была сгибаться⁷⁷⁵ вчетверо и быть подаваема в пальцы начальника именно тем уголком, в котором была вложена монета. На эту черту в характере ректора

⁷⁶⁹ церковным *вписано*.

⁷⁷⁰ из уроженцев Нижегородской епархии *вписано*.

⁷⁷¹ Слева на полях запись: 31 г. принял св. сан. В 1853 г. в училищн. службу. † в 1860 гг.†

⁷⁷² не только *вписано*.

⁷⁷³ Вместо: училищного — было: учебного

⁷⁷⁴ увольнительные *вписано*.

⁷⁷⁵ Вместо: сгибаться — было: быть свернутой

мой отец, вероятно, и рассчитывал, подвергая меня невозможному для меня приемному экзамену.

Перед началом учения в конце августа отцы наши снарядились в соборный дом, прихватив с собой и нас. Мать благословила меня на дорогу, бабушка Ирина всплакнула. Мои уличные друзья, и Федька, и Костька с Настькой, и Ванюшка, стоявшие в ожидании у ворот, вперили в меня полные грусти и любопытства очи, прощаясь со мною, как перед казнью. Всю дорогу я трепетал от страха, и она показалась мне такой длинной-длинной. Вдруг Иван Иванович меня велит отпороть за то, что петь не умею... К концу путешествия страх мой дошел до такой степени, что я почувствовал колотье в левом боку. Около соборного дома были все⁷⁷⁶ какие-то узенькие переулки, которых теперь уж нет. Один из этих переулков выглядел так соблазнительно, что я, воспользовавшись тем, что отцы наши шли впереди нас и увлеклись разговорами, тихонько шмыгнул за угол и со всех ног бросился бежать в свою Ковалиху и, прибежав домой спрятался на погребнице за кадками. Я слышал оттуда, как воротились отцы с Алексеем, весело разговаривая, как потом долго меня отыскивали обедать. Бабушка насилу отыскала меня и привела в дом совсем измученного и больного. Меня не решились даже побранить серьезно.

Отец объявил мне, что я принят в 3-й класс вместе с Алексеем и должен явиться через три дня в училище на урок. После я узнал, что мое поступление в училище без экзамена и прямо в средний класс обошлось всего только рубль серебром. Но в класс в назначенное время пошел только один Алексей. Я расхворался до того, что целый месяц не мог начать своего училищного образования. К болезни присоединялась еще тревога насчет своего мало-знания. К великому своему ужасу я узнал от Алексея, что по арифметике ученики уже после ваката начали прямо с десятичных дробей, а я еще и простых не знал. Было очевидно, что как только я явлюсь на класс арифметики, так меня и велят отпороть. Это так меня встревожило, что,

// л. 34

несмотря на болезнь, я немедленно принялся сам изучать дроби по арифметике Куминского, бывшей учебником в училище. Я работал сначала⁷⁷⁷ над простыми дробями без всякого руководства, — не знаю, почему, но⁷⁷⁸ Алексей мне несколько не помогал. Трудная была это работа, но в месяц болезни я все-таки ее одолел и успешно сравнялся с Алексеем и⁷⁷⁹ товарищами. Напряжение, с ка-

⁷⁷⁶ все *вписано*.

⁷⁷⁷ сначала *вписано*.

⁷⁷⁸ не знаю, почему, но *вписано*.

⁷⁷⁹ Алексеем и *вписано*.

ким я производил эту совершенно самостоятельную работу, оказалось благоприятным для всего моего будущего математического образования. После в течение всего семинарского и академического курса я считался⁷⁸⁰ одним из лучших математиков класса, хотя по природе я вовсе не математик и до сих пор не умею сводить самых простых счетов. Относительно искусства нотного⁷⁸¹ пения я был успокоен тем, что, по словам Алексея, ученики уже кончили курс нотного пения по обиходу и на певческих классах упражняются только пению по обычным церковным напевам без нот, изучая гласы стихир и канонов, да что вообще учителя не особенно обращают и внимание на пение.

В начале октября я робко явился с Алексеем в класс и сразу окунулся во всю школьную обстановку. Мы пришли рано, задолго до учителя, и я должен был сполна⁷⁸² вытерпеть все школьные неприятности, каким обыкновенно подвергаются новички, а я был тогда очень маленьким, худеньким, слабым и робким мальчиком. Меня и щипали, и колотили, и масло на голове ковыряли, и всячески дурачили. Приход учителя застал меня в задних рядах под партой, куда меня забил один привязавшийся ко мне бурсак Введенский, здравствующий и доселе в сане священства в г. Балахне. Алексей как-то незаметно меня оттуда вызволил и усадил сзади же всех около себя. Но только мы уселись, к<а>к вдруг раздался возглас учителя: «Алексей Знаменский, к порогу!» Оказалось, что Алексей что-то раньше сшалил и инспектор поручил учителю его высечь. Началась экзекуция. Сидя на задней скамейке, я не мог видеть, что делают там на полу с моим Алексеем, — через головы передних учеников я видел только, как извивался в воздухе, списывая круг, длинный и гибкий пучок розог и с свистом ударял вниз, пересекая, как мне казалось, моего Алексея каждый раз по крайней мере пополам. После первых же ударов я зажмурился и сидел в каком-то обмороке. Сколько ударов дали бедному мученику, я уже не мог сосчитать.

Когда наказание кончилось, я⁷⁸³ думал, что Алексей воротится ко мне чуть живой, и чрезвычайно удивился, увидав его плутовски улыбающимся. Он тихонько сказал⁷⁸⁴ мне, что его даже ни разу не задела розгой, «сфальшили», как это называлось. Экзекутор, или секутор, была особая должность в каждом классе училища, на которую всегда находились охотники-специалисты, доводившие свое искусство до виртуозности. Должность эта была выгодная,

т<а>к к<а>к исправлявшие ее получали от своих клиентов разные доходы⁷⁸⁵ в форме лепешек, яиц,
// л. 34 об.

даже денег, а в последнем классе училища даже и водочного угощения, но занимали ее всегда самые плохие ученики, какие-нибудь урослые лентяи или тупицы. Секутор должен был⁷⁸⁶ всегда иметь у себя запас розог, который⁷⁸⁷ сам же и добывал. В том случае, если инспектор или учитель замечал, что при сечении происходила фальшь, секутор сам подвергался сечению. Наши учителя редко серьезно контролировали секутора и благодушно позволяли себя обманывать. Иначе относился к этому делу инспектор, семинарский священник⁷⁸⁸, учительствовавший в старшем классе, Иван Петрович Фонтенелев; с ним шутки были плохи и сечение при нем производилось серьезно. Изредка он являлся в наш класс для производства наказания какому-нибудь провинившемуся ученику. Если он приходил с закушенной нижней губой, его встречали, как грозу небесную. Все трепетали перед ним и со страхом ждали, кто явится его жертвой. Телесные наказания были в то время вообще⁷⁸⁹ в полном ходу. И кто только не имел права их производить. Я помню несколько случаев сечения учеников даже⁷⁹⁰ старшими из самих учеников высших классов. А два богослова, какой-то Никольский и еще Лиллов, приходили в наш класс сечь своих братьев. По их велению, экзекуцию эту производил до прихода учителя наш постоянный классный экзекутор, не смеавший их послушаться.

Первый год своего учения я провел в каком-то тумане. Я был принят 105-м учеником, — всех учеников было около 120. Понятно, что учителям редко приходилось обращать на меня внимание. Плохо подготовленный, совсем не развитый в школьном смысле, выбитый вдруг из своей семейной и уличной⁷⁹¹ жизни и всунутый в чуждую, непонятную для меня и грубую обстановку, всю основанную на страхе, я всех боялся, начиная с классного старшего и нотатора [133] из учеников того же класса⁷⁹², всего трусил и только о том и заботился, чтобы в чем-нибудь не⁷⁹³ оказаться неисправным и не попасть к порогу. С товарищами я не сходилась, находя, что с ними приятнее иметь

⁷⁸⁰ Далее было: лучше

⁷⁸¹ нотного вписано.

⁷⁸² сполна вписано.

⁷⁸³ Далее было: ожидал

⁷⁸⁴ Далее была запятая.

⁷⁸⁵ Вместо: доходы — было: дары

⁷⁸⁶ Вместо: был — было: бы

⁷⁸⁷ Вместо: который — было: за которым

⁷⁸⁸ Далее было: и

⁷⁸⁹ вообще вписано.

⁷⁹⁰ даже вписано.

⁷⁹¹ и уличной вписано.

⁷⁹² начиная с классного старшего и нотатора из учеников того же класса, вписано.

⁷⁹³ Далее было: попасться

как можно меньше дела, пот<ому> что, кроме толчков, тычков и обидных насмешек, я от них ничего не видал. Я был ученик городской, сравнительно более нежный, «блинничек», как называли таких учеников другие ученики, бурсаки и воспитывавшиеся в таких же грубых бурсацких нравах ученики своекоштные [134], не жившие в бурсе. Даже мои уличные товарищи были мягче, чем эти мои школьные товарищи, и я только и чувствовал себя хорошо, что в своем прежнем кругу друзей и в обществе с Алексеем, жившим у бабушки в одном со мной помещении. Учителя преподавали, должно быть, неважно, — я теперь и представить их себе не могу⁷⁹⁴. Я относился к ним к<а>к-то отвлеченно, как вообще⁷⁹⁵ к некоторым пугалам помимо их частных личностей. Сидишь и ждешь, как бы не спросили урок. В спрашивании уроков проходили все двухчасовые наши классы. Все эти два часа класса⁷⁹⁶ проходили мучительно долго и монотонно, — все разнообразие, так ли иначе развлекавшее внимание, состояло только в разных наказаниях ленивых и тупых учеников, — кого поставят на

// л. 35

<ко>лено, кого высекут. Классов таких было по три в день: два утром и один после обеда, всего 6 часов, но в течение их, бывало, страшно устаешь и от бездельного ожидания спроса, и от тесноты помещения, и от крайне тяжелого воздуха; — ученики сидели в полных костюмах, какие у кого были, зимой в разных кислых тулупах. Разбаливалась и спина, и голова. Даже по языкам не было почти никаких упражнений, кроме переводов на русский язык из хрестоматий. Зубрили больше грамматику. Кстати сказать, я раньше не имел никакого понятия о русской грамматике, не застал ее и в училище, т<а>к к<а>к изучение ее было закончено учениками во втором классе и на⁷⁹⁷ первом году третьего. Я узнал ее⁷⁹⁸ только по гра<м>матикам латинской и греческой, применяя их правила и параграфы к русскому языку своим умом. Не помню даже, сколько у нас было учителей в классе, — их было⁷⁹⁹ двое⁸⁰⁰, но они, кажется, переменялись⁸⁰¹. Из них я лучше помню одного Клавдиана Афанасьевича Сперанского, дьякона семинарской церкви, к<ото>рый преподавал латинский язык, Кате́хизис, устав и пение, и то помню только потому,

⁷⁹⁴ Далее было: Только

⁷⁹⁵ вообще вписано.

⁷⁹⁶ класса вписано.

⁷⁹⁷ Вместо: на — было: в

⁷⁹⁸ Вместо: узнал ее — было: а. учился ей б. все

⁷⁹⁹ Вместо: их было — было: кажется

⁸⁰⁰ Вместо запятой была точка.

⁸⁰¹ но они, кажется, переменялись. вписано.

что он преподавал опасное для меня церковное пение, да еще его очень смешно и похоже представлял ученик Щеглов. Когда я об нем вспоминаю, мне он постоянно представляется сладко дремлющим⁸⁰² за своим учительским столом, даже слегка похрапывающим во время послеобеденного класса пения, хотя кругом его немилосердно орали более 120 мальчишеских голосов, воспевающих каноны и стихиры на «Господи воззвах» и «Бог⁸⁰³ Господь».

Исправность во всем стоила мне дорого. Целые вечера я проводил в учении уроков на завтра, иногда вовсе не понимая, что такое я учу, напр<и-мер> по катехизису, русскому синтаксису Гречевой гра<м>матики [135] и особенно по церковному уставу, таинственные термины которого, кажется, никто из учеников не понимал: какие-то стихиры, стиховны, на 5, на 6, на хвалитех, — все это была для меня тарабарская грамота, пот<ому> что никто нам этих терминов не объяснял, да и богослужения мы почти вовсе не знали, хоть нас и заставляли неопустительно являться в праздники в семинарскую церковь со всех квартир и проставлять длиннейшие службы часа по 3 и 4. Это было при ректоре семинарии Аполлонии [136], любившем пышность в богослужении и продолжительное партесное пение на клиросах. Учил я все училищные учебники, что называется, назубок, на отличку, т<а>к что мог всякий урок прочитать и спереди назад и сзади наперед, не пропуская ни одного слова и союза, — т<а>к требовали учить уроки и учителя, и нотаторы, не дозволявшие ни малейшего либерального отношения к учебникам. Учение уроков оканчивалось у нас с Алексеем часов около 10 вечера. Усталые, с засоренной и отупевшей головой, мы засыпали, к<а>к убитые, умоляя бабушку разбудить нас пораньше, чтоб еще протвердить уроки на свежую память и не опоздать в класс, где уроки начинались в 8 часов утра. Но едва наступало утро, к<а>к около 4 часов нервная заботливость об исправности

// л. 35 об.

заставляла нас испуганно вскакивать с постели и справляться, не пора ли идти в класс. Мы, впрочем, и спали на таких постелях, на которых много не разоспаться, — это были тонкие войлочишки, постланные прямо на полу среди комнаты. Не обращая внимания на успокоительные уверения домашних, что мы еще поспеем вовремя, часов в 6 утра мы уже бежали в семинарию во всякую погоду, в дождь, мятьель, ветер, мороз, и прибегали туда, когда еще и крыльца, и ворота были заперты. На первых порах случалось иногда целый час ждать, когда семинарию отопрут, свер-

⁸⁰² Далее было: сидя

⁸⁰³ Далее было: и

нувшись где-нибудь на парадном крыльце корпуса за колонной с опасностью замерзнуть от холода. Долго я не мог убедиться, что часы, какие они у них ни были, все-таки не настолько врут, чтобы их нужно было предупреждать на всякий случай на 2, на 3 часа, чтобы не опоздать явиться в училище к сроку⁸⁰⁴.

Начальство и учителя⁸⁰⁵ не замечали моей исправности, едва ли даже знали меня лично среди массы учеников моего класса. Но я целый год числился в нотатах у нотаторов всегда знающих, что обозначалось отметкой в дневной⁸⁰⁶ клетке нотаты знаком *sc*, т. е. знает. Нотаты эти очень занимали нас с Алексеем. Мы завели по форме их свои домашние нотаты и учили по ним свои уроки. Прочитав раза два урок, мы воспроизводили его на память, на первый раз, конечно, плоховато, и ставили за это отметку какому-нибудь ученику снизу по своему⁸⁰⁷ списку, напр<имер> *ns*, т. е. не знает; в следующий прием воспроизведения урока, выученного еще не сполна, ставили другому *nt*, т. е. *non totum*, не все; затем следовали *err*, т. е. *errantem*, и, наконец, одному из первых учеников или себе самим *sc*. Летом брат Алексей завел даже розги и за отметки сек всех этих *ns* и *nt*; — виновных изображала избранная им в саду кочка, несколько похожая по виду на ту часть, которая назначена к этой операции во всех педагогиках. На экзаменах, — их было 2 в году, перед Рождественскими⁸⁰⁸ и летними каникулами, — я тоже оказывался исправным и получал хорошие отметки. По всем этим отметкам, и в нотатах [137], и в экзаменах, я удостоился значительного повышения по списку, — перешел в следующий класс, вышший в училище, помнится, 35-м учеником и занял место даже впереди, на одной из первых парт, у самой, впрочем, двери. В моем высшем классе я стал учиться уже более сознательно, и многое из двух лет этого класса⁸⁰⁹ помню и до сих пор.

Училище занимало четверть нижнего этажа семинарского корпуса, налево от входа, к стороне консистории, окнами на улицу. Первый класс был крайний со входом с парадной площадки, вышший — крайний к консистории. Учителей у нас было два: Ив<ан> Петр<ович> Фонтенелев, он же и инспектор и семинарский священник, и Елпидифор Антонович Садовский — звезда класса и всего училища, переведенный на втором году в смотрители Печерского училища.

НИЖЕГОРОДСКАЯ
ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

Свящ<енник> Фонтенелев преподавал Катехизис⁸¹⁰, греч<еский> язык⁸¹¹ и географию. И тот, и другой, и третий предмет он знал неважно, но все⁸¹² мы учились у него очень усердно страха ради

// л. 36

перед его инспекторской властью и строгостью. Он и в классе держался т<а>к же грозно, к<а>к и⁸¹³ в своих инспекторских отношениях к ученикам. Сечение учеников у порога производилось им чуть не ежедневно. Весь класс обращал на него свои пытливые⁸¹⁴ взоры, когда он только лишь⁸¹⁵ входил в дверь на урок, кусает он губу или нет, вообще в каком расположении находится. В течение всего урока все сидели неподвижно, в страхе и в полной тишине, т<а>к что слышно было даже, когда кто-нибудь на задней парте вздохнет от напряжения. Но преподавание его, кажется, вовсе не требовало такой тишины и напряжения, пот<ому> что все состояло в спрашивании урока и под конец класса в задавании следующего урока с указанием по учебнику, что надо выучить и что можно опустить. Греческий язык мы знали плоховато всем классом, не исключая самых лучших учеников, с трудом переводивших хрестоматию и еженедельные задачки. Я с своей стороны нашел тихонько⁸¹⁶, про себя и самый источник этих задачек. Ив<ан> Петрович брал их из греческой гра<м>матики на латинском языке⁸¹⁷ Лящевского [138], которая имела⁸¹⁸ в нашей домашней библиотеке; отсюда я и извлекал переводы в свои задачки, к<о>

⁸¹⁰ Катехизис, вписано.

⁸¹¹ Далее было вписано: Катехизис Филарета

⁸¹² все вписано.

⁸¹³ и вписано.

⁸¹⁴ пытливые вписано.

⁸¹⁵ только лишь — вписано.

⁸¹⁶ тихонько, вписано.

⁸¹⁷ на латинском языке вписано.

⁸¹⁸ Вместо: имела — было: находилась

⁸⁰⁴ Справа на полях была помета: <нрзб.>

⁸⁰⁵ и учителя вписано.

⁸⁰⁶ дневной вписано.

⁸⁰⁷ своему вписано.

⁸⁰⁸ Далее было: , Пасхальными

⁸⁰⁹ Вместо: двух лет этого класса — было: того времени

«ПРОСТРАННЫЙ ХРИСТИАНСКИЙ КАТЕХИЗИС» МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА (ДРОЗДОВА)

то>рые и оказывались поэтому лучшими в классе. Благодаря такому изучению греч<еского> языка, я так и не приспособился к нему даже и после, в семинарии и академии, мог только кое-как владеть греческой книгой с помощью словаря и лишь в случаях неизбежной нужды.

«Правосл<авный> Катехизис» Филарета [139] подвергался особенному зубрению учеников и положительно без всякого понимания. Никто его нам не растолковывал, а собственные наши головы⁸¹⁹ не в состоянии были проникнуть в смысл его сжатых и хитро выраженных вопросов и ответов. Малейшее изменение вопроса заставляло ученика становиться в тупик, поэтому и вопросы учителя задавались обыкновенно буквально по книге, а то бывало еще проще: учитель не обременял себя даже⁸²⁰ задаванием вопросов, а заставлял ученика читать урок подряд с вопросами и ответами. Знамени-

⁸¹⁹ Вместо: наши головы — было: головы наши

⁸²⁰ даже вписано.

тое свидетельство св. Василия о предании считалось самым трудным местом для выучки. Помню, к<а>к на экзамене при переходе из училища в семинарию весь класс был удивлен вместе с учителями, когда один из наших товарищей, более старый из нас и развитой, В. Владимирский, после моей большой приятель⁸²¹, по требованию бывшего тогда в училище ревизора из Казанской академии, архим<андрита> Антония Радонежского, разъяснил своими словами трудное⁸²² место катехизиса о тайне искупления. После этого Владимирский стал считаться у нас самой необыкновенной головой и приобрел громадный авторитет. Не преувеличивая, могу сказать, что, благодаря этому катехизису, мы в два года не получили ни малейшего катехизического образования и оставались целиком⁸²³ только с теми религиозными понятиями, какие вынесли из своих семей, от наших отцов, матерей и особенно бабушек. И сколько молодых поколений было таким образом просвещено в религиозном отношении этим чуть не целое столетие омрачавшим их совершенно непедagogическим Ка-

// л. 36 об.

техизисом. — Религиозное образование мое было вообще очень слабо и нисколько не было обаяно школе. Оно получено было от внушения бабушек, от их⁸²⁴ примера и чтения Патерика Печерского и Четиих Миней и носило отчасти обрядовый, отчасти аскетический характер. Я не понимал ни истин веры, ни богослужения, ни истинного смысла⁸²⁵ правил нравственности, хотя несколько времени и переживал молодой религиозный период. Я усердно молился, соблюдал строгие посты, считал нужным изнурять себя. Помню, одно время я завел себе самодельные⁸²⁶ четки и аккуратно отбивал по ним поклоны поясные и земные. В какую-то зиму я на несколько часов удалялся в пещеру, выкопанную мною в сугробе нашего сада и сидя в ней на корточках или на коленях, молился, дрожа от стужи и от ожидания бесов, к<ото>рые д<олж>ны были непременно⁸²⁷ явиться в пещеру⁸²⁸ для моего искушения, как являлись они преп<одобному> Исаакию Печерскому. Желание видений и откровений заставляло меня иногда долго стоять перед нашим большим распятием и всматриваться в лице Спасителя, — и мне казалось иногда, что Он

⁸²¹ Далее было: смог

⁸²² трудное вписано.

⁸²³ Далее было: с одними

⁸²⁴ их вписано.

⁸²⁵ истинного смысла вписано.

⁸²⁶ самодельные вписано.

⁸²⁷ непременно вписано.

⁸²⁸ в пещеру вписано.

раскрывал⁸²⁹ свои закрытые глаза и смотрел на меня или грозно, или ласково. Период такой детской религиозности долго продолжался у меня и в семинарии.

Но я уклонился от воспоминаний о моем учении. Более любимым моим⁸³⁰ предметом в высшем отделении у Ив<ана> П<етрови>ча Фонтенелева была география. Еще раньше я уже любил рисовать планы нашего дома и географич<еские>⁸³¹ карты. В нашем доме было несколько очень старых географич<еских> карт двух полушарий, Европы, Америки и Австралии и два глобуса — земной и небесный, к<ото>рые меня очень интриговали. Они куда-то потом пропали, вероятно, увезены в Балахну. Когда я стал учиться географии, отец достал где-то для меня несколько разрозненных карт какого-то Атласа и поощрил меня к их копированию. В классе рисование карт не было введено; рисовали их только любители, человека 3–4, в том числе и приятель мой Владимирский⁸³². Не помню, заметил ли даже это наше рукоделие наш учитель Фонтенелев; кажется, нет. Но мои знания по географии почти только изучением карт и ограничивались. Учебником нашим была краткая и сухая «География» Арсеньева, изучавшаяся притом же с большими сокращениями и без всяких разъяснений. Все страны различались в⁸³³ ней только по именам, — к этому различию я присоединял еще по театральному моему опыту различие их жителей по костюмам, впрочем немногих народностей, — испанцев в плащах и в шляпах с перьями, французских пейзажей, турок, да, кажется, и только разве еще голых дикарей. О нравах и вообще о характерной⁸³⁴ физиономии той или др<угой> страны не было и помину. Города тоже были описаны одинаково; во всех было NN число жителей, многие фабрики и заводы, и все они более или менее вели⁸³⁵ разными произведениями торговлю. Полнейший недостаток объяснений и наглядных пособий был причиной того, что я составлял себе чрезвычайно диковинные⁸³⁶ представления о предметах, о к<ото>рых говорилось в учебнике. Я уже говорил, к<ак> я представлял себе, напри<мер>, дворец, пирамиды, замки и т. п. Когда в учебнике говорилось о заводах, я представлял себе⁸³⁷

// л. 37

**ПРОТОИЕРЕЙ
А. П. ВЛАДИМИРСКИЙ,**
РЕКТОР КАЗАНСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.
1880 г.

известные мне канатные заводы на Гребешке [140] и у женского монастыря, где нас, мальчишек, гоняли и угощали шлепками рабочие⁸³⁸, да еще один насколько знакомый мне чугунно-⁸³⁹литейный завод в с. Высокове, где служил священником мой дядя Иван Алексеевич Соколов. Высоково принадлежало тогда какой-то барыне. Ей же принадлежал и этот завод. Он был расположен в стороне от⁸⁴⁰ барского дома, на дороге к Печерам. Как-то раз, еще до поступления⁸⁴¹ в училище, гостя у дяди, я вздумал полюбопытствовать, что на этом заводе делают, добежал до него и тихонько заглянул в одну из его дверей. Мне представилось ужасное зрелище какого-то ада. Домны изрыгали потоки пламени и страшного жара; текла по полу какая-то огненная река, и среди этого огня, kloкочущей лавы, искр⁸⁴² и палящего жара возились и бегали черные фигуры вроде чертей. Я окаменел и стоял недвижимо на пороге. Вдруг меня кто-то съездил по затылку с бранью: «Как ты сюда попал, стриган? Вот я тебя!» Опрометью бросился я бежать через поле и очнулся уже в доме дяди. С тех пор у меня в голове⁸⁴³

⁸²⁹ Вместо: раскрывал — было: раскрывает

⁸³⁰ моим вписано.

⁸³¹ географич<еские> вписано.

⁸³² В рукописи сноски справа на полях: Недавно в 190 [4]/3/г. он умер священником села Череватова Ардат<овского> уезду

⁸³³ Вместо: различались в — было: были известны

⁸³⁴ характерной вписано.

⁸³⁵ Вместо: более или менее вели — было: вели более или менее

⁸³⁶ Далее было: географические

⁸³⁷ Далее было: единственно

⁸³⁸ где нас мальчишек гоняли и угощали шлепками рабочие, вписано слева на полях.

⁸³⁹ чугунно- вписано.

⁸⁴⁰ Далее было: <нрзб.>

⁸⁴¹ Вместо: поступления — было: училищного

⁸⁴² искр вписано.

⁸⁴³ в голове вписано.

АРХИЕПИСКОП МАКАРИЙ
(МИРОЛЮБОВ)

составилось твердое и ясное определение завода, к⁸⁴⁴ такого учреждения, где дают нашему брату затрещины; с этим понятием я изучал и географию. Единственным наглядным пособием при изучении географии была у меня «География» Греча с рисунками в приложениях и немногие виденные мною на ярмарке картины в рамках и очень редко⁸⁴⁵ в панорамах. Города я представлял все в виде Нижнего, реки в виде Оки и Волги, море тоже, только в больших размерах, горы в виде Георгиевской горы — тоже только немного побольше и с снегом да облаками⁸⁴⁶ на вершинах, корабли — в виде разных судов, плававших по родной Волге.

Латинский язык преподавался в училище очень хорошо. Наставником его был незабвенный для множества училищных курсов в Нижнем⁸⁴⁷, при Печерском монастыре и в Починках⁸⁴⁸ Елпидифор Антонович Садовский. Он родился в 1821 г.⁸⁴⁹, был воспитанником Нижегородской семинарии выпуска 1842 года, кончил, к⁸⁴⁹ самый талантливый воспитанник, первым студентом и назначался в новооткрытую в этом году Казанскую акаде-

мию, но по семейным обстоятельствам и по своей болезненности отказался от этой чести и вместо него был послан Александр Поликарпович Владимирский [141], известный потом ректор Академии. В том же году он пристроился в учителя училища, пот⁸⁵⁰ что вследствие той же болезненности не хотел идти в священники, для чего нужно было прежде жениться, и прослужил с тех пор 36 лет сначала учителем⁸⁵⁰ при Нижегородском училище, с 1849 г. в Печерском инспектором⁸⁵¹, потом с 1859 г.⁸⁵² в Печерском, а с 1867 г. в Починковском на должности уже смотрителя. Это был замечательный учитель. Он был очень высокого роста, но худой, как скелет, с постоянно улыбающейся, очень приятной физиономией, добрыми, но проницательными глазами, теноровым голосом и прекрасной дикцией в преподавании. Главный предмет свой — латинский язык он знал превосходно, другими предметами занимался между делом, напри⁸⁵³м⁸⁵³ер, арифметику преподавал большею частью на латинских уроках, переводя на ла-

// л. 37 об.

тинский язык и обратно учебник Куминского, а пением почти совсем не занимался. Латинские уроки его шли живо, при общем напряжении внимания учеников: не ограничиваясь переводом положенного для этого в высшем отделении Корнелия Непота [142], он большую часть своих урочных двух часов в день посвящал муштрованию учеников в устных⁸⁵³ переводах с русского на латинский язык. Для этих переводов он или сам задавал тексты, или, подойдя к парте, брал с нее первую попавшуюся книгу, Катехизис, Арифметику, Географию, и, подняв⁸⁵⁴ с места ближайшего ученика, заставлял ее переводить. Неизвестные слова он или назначал сам, или тут же заставлял отыскивать их по лексикону самого ученика. Другие ученики, которых он неожиданно поднимал со всех парт, должны были поправлять перевод, разрешать разные затруднения или варьировать выработанный перевод. Каждый период или предложение варьировалось в переводе обыкновенно на 5, на 7 ладов, в действительной, в страдательной форме, шиворот-навыворот и выворот на шиворот. Этим путем изучались и грамматика и вокабулы [143] — весь язык. Грамматических уроков почти вовсе у нас не было, — язык изучался практически. Наизусть учили только текст самого Корнелия Непота, — по главе или полглавы на урок. Результаты такого изучения были замечательны.

⁸⁴⁴ Далее было: места,

⁸⁴⁵ очень редко вписано.

⁸⁴⁶ да облаками вписано.

⁸⁴⁷ Далее было: и

⁸⁴⁸ и в Починках вписано.

⁸⁴⁹ родился в 1821 г., вписано.

⁸⁵⁰ учителем вписано.

⁸⁵¹ с 1849 г. в Печерском инспектором вписано.

⁸⁵² с 1859 г. вписано.

⁸⁵³ устных вписано.

⁸⁵⁴ Вместо: подняв — было: подним

Лучшие ученики под конец второго года⁸⁵⁵ могли даже объясняться на недурном⁸⁵⁶ латинском языке, а писали на нем свободно. Наш первый ученик А. Кедров, не довольствуясь К. Непотом, читал даже Цицерона⁸⁵⁷.

Елпидифор Ант<онови>ч считался строгим и взыскательным учителем, и его все боялись, хотя к порению розгами⁸⁵⁸ он прибегал крайне редко. Однажды он заставил сечь одного ученика не по голому телу, а по тулупу, чем насмешил и себя и весь класс⁸⁵⁹. Телесные наказания он производил, т<а>к сказать, по мелочам. Совсем избегать их не мог в то время даже такой гуманный и благородный человек. Он ставил лентяев на колена, во время спрашивания неисправных учеников щипал их двумя пальцами за волосы, начиная с затылка и оканчивая чубом, а то щелкал двумя же вытянутыми пальцами по лбу и по носу, и, нужно сказать, преобильно щелкал. Когда эти пальцы простирались к моему лбу, мне они казались необычайно длинными, чуть не в аршин длиною. От грубости обращения с учениками не был свободен и он, говорил, конечно, всем ты, бранился кобыльей головой, звал учеников ласкательным именем подлецов. Отличившийся ловким оборотом фразы в переводе слышал от него похвальное: «Вишь ты, подлец⁸⁶⁰, как догадался. Хорошо!» Но подобные обращения много смягчались доброй улыбкой учителя, которая нам нравилась и поощряла.

Я попал под его ферулу [144] с очень слабым опытом в латинских переводах, хотя в предыдущем классе усердно зубрил гра<м>матические формы. На первых же порах я сильно срезался пред своим новым учителем. Как-то раз он добрался до меня и заставил переводить на лат<инский> язык какое-то⁸⁶¹ русское предложение, вроде: «Бог дал человеку разум». Слова я все знал,

// л. 38

но не знал, как спрягается глагол dare. Чувствуя, что он первого спряжения, я смело заявил: «Deus darit...» — «Вот я тебе дам darit», — захохотал Елпидифор Антонович. Весь класс тоже разразился смехом, и меня долго после этого дразнили: darit. Но я скоро поправил свою репутацию. В первую же зиму Елп<идифор> Ант<онови>ч стал меня отли-

чать, часто заставлял переводить, в поощрение меня и в похвалу называл меня востроглазым подлецом и однажды, когда несколько человек, сидевших выше меня, на каком-то переводе срезались, а я сделал этот перевод благополучно, пересадил меня с 35-го места на 12<-е>, на котором я остался и на греческих уроках. Под конец двухгодичного курса высшего отделения училища я был уже совсем латинистом. К общему сожалению всего класса, на втором году нашего⁸⁶² курса доброго наставника перевели в⁸⁶³ инспекторы Печерского училища, и на место его явился к нам некто Борис Васильевич Рославлев, тоже воспитанник Нижегородской семинарии, товарищ Садовского.

Встретили мы его далеко не дружелюбно. Он был какой-то хмурый, молчаливый, неласковый, порядочный драчун и далеко уже не такой знаток латинского языка, как его предшественник. Нашему самонадеянности казалось, что мы даже лучше его знаем по-латыни, так как он иногда делал в переводах ошибки. Ему нередко мы грубили и оказывали всякие знаки неуважения. Был один случай, который окончательно вооружил против него весь класс. Был у нас один⁸⁶⁴ товарищ, Белицкий, порядочный ученик, живой, проказливый мальчик, любимец товарищей. Что-то такое он спроказил над Рославлевым и попал к порогу. Рославлев с каким-то ожесточением заставлял его сечь очень долго, и сам смотрел за исправностью этой операции. Мы насчитывали уже вторую сотню ударов и, как ни были привычны к подобным экзекуциям, начали всем классом вполголоса роптать и протестовать, но это только еще больше сердило ожесточившегося учителя. При конце второй сотни⁸⁶⁵ со всех парт стали раздаваться громкие крики: «Палач, живодер», — заставили прекратить это живодерство. Учитель убежал из класса, кажется, жаловаться инспектору. К счастью, Белицкий⁸⁶⁶ выдержал всю эту варварскую операцию до<ольно> благополучно. С этих пор до конца курса⁸⁶⁷ между классом и его учителем водворились самые натянутые⁸⁶⁸ отношения. Преподавательская деятельность Рославлева прошла невидно и совершенно для нас безрезультатно.

Вскоре он сам поспешил выйти в отставку. Куда он девался, я не знаю; кажется, определился куда-то в сельские священники. Садовский после отставки переехал на жительство в Нижний, где он

⁸⁵⁵ под конец второго года *вписано*.

⁸⁵⁶ недурном *вписано*.

⁸⁵⁷ Наш первый ученик А. Кедров, не довольствуясь К. Непотом, читал даже Цицерона. *вписано справа на полях*.

⁸⁵⁸ Вместо: к порению розгами — было: он к телесным наказаниям

⁸⁵⁹ Однажды он заставил сечь одного ученика не по голому телу, а по тулупу, чем насмешил и себя и весь класс. *вписано*.

⁸⁶⁰ Далее было: ловч

⁸⁶¹ Вместо: какое-то — было: какую-то

⁸⁶² нашего *вписано*.

⁸⁶³ в *вписано*.

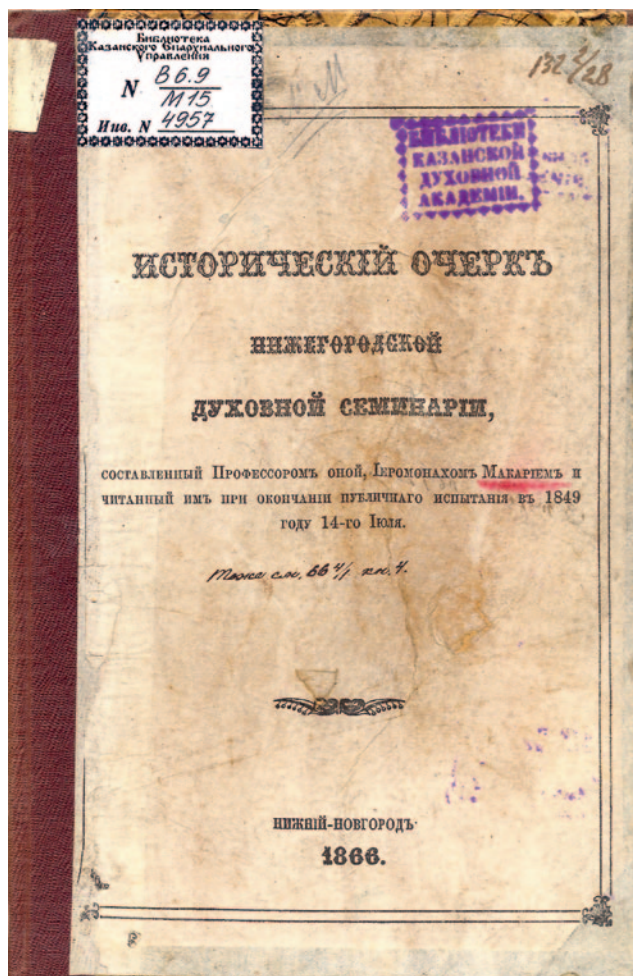
⁸⁶⁴ Далее было: ученик

⁸⁶⁵ Далее было: разда

⁸⁶⁶ Вместо: Белицкий — было: Беликов

⁸⁶⁷ Далее было: <нрзб.>

⁸⁶⁸ Вместо: натянутые — было: дурные

«ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
НИЖЕГОРОДСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ»
МАКАРИЯ (МИРОЛЮБОВА)

и жил до самой смерти на свою маленькую пенсию, кажется в полтора руб. в год⁸⁶⁹, занимаясь историей, литературой и особенно языками. Это был природный филолог. Будучи

// л. 38 об.

уже стариком, он изучал новые языки, занимался⁸⁷⁰ сравнительным языкознанием и простирая даже до изучения санскритского языка. Жизнь он вел аккуратную и регулярную и этим поддерживал свое слабое здоровье до почтенной старости. Каждый день утром он в один и тот же час выходил из своей маленькой квартиры и направлялся в публичную библиотеку. Здесь он знакомился с газетами и текущей литературой и уходил домой почти последним, когда библиотека закрывалась. Дома его любимым занятием была филология. Он скончался в 1895 году старым холостяком-аскетом, не имея никакого чина, так как не выписывался из дух^{овного} звания во время своей службы.

Я вспоминаю⁸⁷¹ этого наставника, как своего пер-

⁸⁶⁹ кажется в полтора руб. в год, вписано.

⁸⁷⁰ занимался вписано.

⁸⁷¹ Вместо: вспоминаю — было: считаю

вого благодетеля. Он заметил меня, отличил⁸⁷² из сотни моих товарищей и положил первое основание моей учебной карьере. Под конец курса в училище я был уже одним из первых учеников⁸⁷³. С возвышением по спискам ученики получали некоторые особенные привилегии. Я тоже имел эти привилегии, был нотатором и старшим⁸⁷⁴ над квартирными учениками. Как нотатор, при слушании уроков у подведомных мне учеников (человек 5), перед приходом наставника я, как и все нотаторы, пользовался от них разными доходами вроде сластей, лепешек и т. п. Душой при записи их успехов я, впрочем, не кривил, потому, впрочем, лишь, что очень боялся ответственности за неправду. Нотаторов тогда за это частенько секали розгами. К^ак старший, я должен был наблюдать, все ли ученики моего квартала ходят в церковь, хорошо ли ведут себя по квартирам, занимаются ли в положенные для занятий часы своим делом и проч. Для собиранія подобных сведений я должен был посещать квартиры учеников. Помню, мне подчинена была по старшенству вся улица Ковалиха, где жило много и училищных, и семинарских учеников. В известные сроки (не помню, какие) я должен был подавать инспектору письменные отчеты по своим наблюдениям и аттестации подведомых учеников. Любопытно бы посмотреть теперь, как я их тогда аттестовал. При посещении квартир приходилось испытывать⁸⁷⁵ очень приятные минуты, когда меня маленького, худенького мальчика с почетом встречали не только сами ученики, для которых я был настоящим начальством, но даже их родители или родственники, особенно бедные дьячихи и пономарицы, с поклонами прося не марать поведение их детей, племянников, внуков и проч. Но бывали и неприятные минуты, когда приходилось посещать более важные и гордые духовные семейства, особенно где на дворе были собаки. В одном доме, принадлежавшем одному причетнику, сын которого, Пospelов, учился вместе со мной, на дворе на меня напала собачонка и больно укусила за ногу. На крики мои никто не вышел, может быть, даже умышленно, и я должен был спастись на

// л. 39

улицу, так и не посетив квартиры Пospelова. Случай этот подействовал на меня замечательно сильно. С тех пор я возненавидел всех собак на свете и <стал> бояться их. Чувство это не оставило меня и тогда, когда я стал уже большим, сохранилось даже до старости. Я и теперь не держу собак

⁸⁷² отличил вписано.

⁸⁷³ Далее было: Вместе

⁸⁷⁴ Далее было: для

⁸⁷⁵ Вместо: приходилось испытывать — было: бывали

при доме и не посещаю знакомых, у которых есть собаки.

Несмотря на свое школьное возвышение и все отличия, я до конца училищного курса оставался очень неразвитым мальчишкой, хоть⁸⁷⁶ все-таки развитее многих моих товарищей, между которыми было замечательно много совершенных идиотов или забитых тупиц. Я помню одного из них, сына даже⁸⁷⁷ городского протоиерея Смирнова, который в каждом классе сидел по два — по три года и переводился⁸⁷⁸ из класса в класс, благодаря только влиянию отца или, вероятнее, за взятки. Так дошел он до высшего отделения уже в зрелых летах, но не выучившись обращаться даже⁸⁷⁹ с слюной и соплями. Другой, ниже меня по учебным годам, просидел 7 лет в низшем отделении, пока наконец его уже нельзя было уже дольше держать по великовозрастию. Тогда учеников училища и семинарии редко исключали. Если человек не хотел уходить из школы сам и родители его ничего не имели против этого, то его спокойно оставляли учиться, пока он не вырастал с осла и не подвергался репутации глупого великовозрастия.

Я хорошо понимал⁸⁸⁰ и любил географию, арифметику, историю (краткий курс библейской истории), но «Катехизиса» Филарета не понимал и не любил, хотя знал его назубок так, что мог прочитать буквально любое из него место во всякое время. Мыслительность, очевидно, во мне еще спала, и некому было дать ей возбуждательный толчок. Я уже много прочитал из тогдашней беллетристики, особенно много знал театральных пьес, даже сам сочинял их для своего театра, но в то же время наряду⁸⁸¹ с бароном Брамбеусом, Кукольниковым, Загоскиным с одинаковым⁸⁸² увлечением читал лубочные сказки о Бове Королевиче, Полкане-богатыре [145], Еруслане Лазаревиче [146] и т. п.⁸⁸³ В один из вакатов летом мы⁸⁸⁴ с Алексеем ходили пешком в Балахну к его родителям и всю дорогу с увлечением читали сказку об Еруслане, которую купили за пятак по дороге на ярмарке. Когда учитель что-нибудь случайно собирался объяснить в классе из Катехизиса, я ничего не понимал, да и слушать вовсе не умел. На одном публичном экзамене в семинарии, которые обставлялись тогда со всей возможной для семинарии пышностью, с речами, кон-

цертами певчих, чтением лучших сочинений учеников, в 1849 году 14 июля⁸⁸⁵ читал прекрасную речь знаменитый после архиереев и духовный писатель, историк и археолог, тогда еще скромный профессор⁸⁸⁶ се-

// л. 39 об.

минарии иеромонаха Макарий Миролубов [147]. Содержание этой речи составляла краткая история Нижегородской семинарии, вскоре явившаяся и в печати. Речь эта, крайне интересная для всех семинарских людей, произвела тогда сильное впечатление и была предметом долгих и живых толков. Я с своей стороны ничего из нее не усвоил, понял только, что в старое время семинаристов сильно пороли и что они были очень бедны, а теперь будто бы уже их не порют и что все мы — духовные — стали счастливы тем⁸⁸⁷, что живем в просвещенное время и не видим уже⁸⁸⁸ прежней скудости в своем содержании и занятиях. С таким образовательным багажом я и должен был перейти из училища в семинарию, где впервые начало во мне⁸⁸⁹ пробуждаться научное сознание и способность мыслить.

Развитию учеников в школах много помогает доброе товарищество. У меня такого товарищества не было. Я держался в училище далеко от всех товарищей, довольствуясь обществом старых ковалехинских друзей, кузена Алексея да еще двоих городских товарищей — Ивана Грацианова и Сергея Магницкого, сына архиерейского регента, которые учились плоховато и составляли мне компанию только в играх, наших клоунских проказах и в посещении театра. Брат Павел был мне не ровня и не мог входить в мои интересы, особенно школьные. Он был очень ленив и враг всякого учения, плохо даже читал⁸⁹⁰. Под конец училищного курса я должен был расстаться и с Алексеем. Бабушка Анна, у которой он жил, вздумала ехать в Петербург, куда ее давно приглашали сын Николай и брат Ив<ан> Мих<айлович> Темницкий, кончивший свою заграничную службу и поступивший в протоиереи⁸⁹¹ к одной⁸⁹² из петербургских дворцовых церквей. Дядя Степан Андреич должен был перевести Алексея на другую квартиру. Мать моя, оставшаяся главной хозяйкой дома, не взялась его содержать.

⁸⁷⁶ Вместо: хоть — было: но конечно

⁸⁷⁷ даже вписано.

⁸⁷⁸ Далее было: толь

⁸⁷⁹ даже вписано.

⁸⁸⁰ Далее было: гео

⁸⁸¹ Вместо: наряду — было: одинаково

⁸⁸² одинаковым вписано.

⁸⁸³ Далее было: Помню, как

⁸⁸⁴ Далее было: ходи

⁸⁸⁵ 14 июля вписано.

⁸⁸⁶ Вместо: профессор — было: учитель

⁸⁸⁷ Вместо: тем — было, что

⁸⁸⁸ уже вписано.

⁸⁸⁹ во мне вписано.

⁸⁹⁰ Текст: Брат Павел был мне не ровня — плохо даже читал. — вписан справа на полях.

⁸⁹¹ Вместо: в протоиереи — было: на службу

⁸⁹² Вместо: одной — было: одному

При переходе в семинарию все мы держали генеральный экзамен за училищный курс в присутствии академического ревизора профессора Казанской академии архим<андрита> Антония Радонежского; он был нижегород, сам⁸⁹⁵ учился в Нижегородской семинарии, потом после окончания курса в⁸⁹⁴ Московской академии 8 лет служил в родной семинарии наставником и потому хорошо ее знал. Ревизия его была бурная вследствие крупного столкновения его с ректором семинарии архим<андритом> Аполлоном, который презирал юную Казанскую академию, не хотел признавать полномочий и ее ревизора, прежде бывшего его подчиненным по семинарской службе. Столкновение это я описал в моей «Истории Каз<анской> академии». В свое время я, конечно, ничего не знал из того, что творилось между нашими начальствами. Антония я помню, как очень красивого монаха — bruneta с большой черной бородой, державшегося с учениками просто и ласково, экзаменованного легко. Я все-таки сильно трусил на его экзамене; академический профессор представлялся мне целой пучиной учености и ума. Мне казалось, что этот пронизательный ум насквозь видит все мои мозги, видит, что я знаю и чего не знаю, и непременно спросит то, что я нетвердо выучил. Экзамен все-таки кончился благополучно, и ревизор даже похвалил меня. От ученика В. Владимирского, рассказавшего ему трудное место из Катехизиса «своими словами», он был просто в восторге.

// л. 40

При переходе в семинарию я благополучно удержал прежнее место в списке, несмотря на сильную конкуренцию⁸⁹⁵ из трех училищ — Нижегородского, Печерского и Арзамасского. Всех нас — новых ритор набралось до 300 человек, так что приходилось разделить всю эту братию на два параллельных отделения. Я попал в первое отделение. Оно помещалось тогда в нижнем этаже корпуса, вправо от парадного входа, окнами на улицу. Второе отделение было в левой стороне того же этажа, окнами во двор. Оба отделения имели каждое⁸⁹⁶ особых преподавателей и конкурировали между собой. По составу преподавателей второе из них считалось лучшим.

Новыми начальствами нашими в семинарии были ректор архим<андрит> Аполлоний Николаевский и инспектор иеромонах Паисий Понятовский [148]. В истории Нижегородской семинарии ректорство Аполлония представляется чем-то вроде золотого века семинарии. Он выта-

щил ее из ее прежней⁸⁹⁷ грязи и нищеты, обстроил ее, вычистил, выкрасил, привел в возможно благоустроенный вид, снабдил ее учебными пособиями и т. д. Административных заслуг его я, конечно, в свое время не мог понимать, и теперь говорю об нем только то, что сам видел за ним, и с ученической точки зрения. Это был человек очень своеобразный, упрямый и самодурный хохол, держался величественно, любил пышность в богослужении и мучил нас трех- и четырехчасовыми⁸⁹⁸ службами, со всеми подчиненными и с учениками обращался властно и грубо, с окриками, как великий барин; образования был недалекого, только отлично знал греческий язык, который и выдвигал на первый план на всех экзаменах. Уроков на себя он не взял и оставался только администратором и, судя по отзывам лиц, изучавшим его деятельность, был администратором далеко незаурядным, опытным, догадливым, старательным и твердо-настойчивым. Он был строгий начальник: шумел, топал ногами, сердито стучал палкой и навел на учеников великий страх и переполох. Появление его, впрочем, никогда не было внезапным. Он ходил всегда со славой, стуча посохом, и в сопровождении целой свиты из инспектора или его помощника, эконома, комиссара и двоих-троих служителей. Сохрани Бог, если ректор увидит в комнатах или в классе грязь или какой-нибудь беспорядок вроде, напри<м>ер>, криво постланного на койке одеяла. Выполняя требования чистоты, ученики сами должны были чистить в комнатах полы, стены и потолки. Чтобы полы блестели во всякое время, как зеркало, они должны были ходить по ним чуть не на головах.

Не трепетали пред ректором только его любимцы, являвшиеся у него как-то неожиданно, без особенных с их стороны заслуг. Это были всегда⁸⁹⁹ какие-нибудь чистенькие, приятной наружности бурсачки. Также неожиданно некоторые бурсаки подвергались и его отвращению. У нас в классе любимцем ректора был ученик Спасский, один из трех братьев Спасских, учившихся в разных классах. Этим Спасским все сходило с рук. Если они, напри<м>ер>, не могли чего-нибудь ответить на экзамене,

// л. 40 об.

ректор ласково им подсказывал. «Кострома, Кострома... Не на Волге ли она стоит?» — «Кострома стоит на Волге», — отвечает Спасский. «Так, Спасский, так. На Волге. Хорошо, Спасский! Поди, садь⁹⁰⁰». Со всем другие речи были с нелюбимыми учениками. Такими, напри<м>ер>, были учившиеся в разных классах два брата Князевы. Ректор терпеть не мог

⁸⁹⁵ сам вписано.

⁸⁹⁴ окончания курса в вписано.

⁸⁹⁵ Вместо: несмотря на сильную конкуренцию — было: хотя при сильной конкуренции

⁸⁹⁶ каждое вписано.

⁸⁹⁷ ее прежней вписано.

⁸⁹⁸ Вместо: трех и четырех-часовыми — было: трехчасовыми

⁸⁹⁹ всегда вписано.

⁹⁰⁰ Так в рукописи.

**АКТОВЫЙ ЗАЛ
НИЖЕГОРОДСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.
1913 г.**

этих бурсаков. Входя в класс, он еще с порога кричал, стуча тростью: «Кназев⁹⁰¹! Под парту! С глаз долой, — сблюю». И Князев лез под парту. Не любил он еще франтов в коротких сюртуках, в брюках с модными стрипками, — в семинарии принято было одевать учеников в длинные сюртуки на четверть от пола. На одного такого франта от городских учеников он кричал на своем хохлацком языке: «Сюртук, как у беса, брюк с подтягами, шапочка с кисточкой, глава коровьим миром намазана!.. Сгинь, под парту!»

Одного моего товарища Панфамира Райского он невзлюбил только за то, что он Панфамир. Ректор постоянно выказывал отвращение от этого имени, произнося его каждый раз с притворным трудом: «Пан... Пан... тьфу... фамир». На беду, этот Панфамир на Рождественском экзамене срезался по греческому языку. Ректор так раздражился, что тут же на экзамене велел отодрать бедного Панфамира розгами. Несколько времени спустя он наконец приказал Панфамиру превратиться в Петра. С этим новым именем ученик проходил потом весь семинарский курс и, кончив его, сделался о. иереем Петром Райским.

⁹⁰¹ Так в рукописи.

Ректор Аполлоний пробыл при мне в семинарии недолго. После истории с ревизором Антонием к весне 1851 года он был уволен от ректорства с весьма, впрочем, почетным назначением в настоятели Московского Донского монастыря. На место его после почти годичного исправления ректорской должности архимандритом Паисием, в марте 1852 г.⁹⁰² поступил архимандрит Феофил Надеждин [149], магистр Петербургской академии 1833 года, бывший после епископом Самарским, затем Саратовским, — человек тоже весьма своеобразный. Но об нем речь впереди. При нем я учился в течение всего семинарского курса.

Инспектором все время при мне был о. Паисий Понятовский. Он же был у нас и профессором риторики с латинским языком, пока при ректоре Феофиле не был переведен на богословские предметы. Это был старожил семинарии, попавший в нее по окончании курса⁹⁰³ в Киевской академии в 1827 году еще светским магистром Пет-

⁹⁰² Текст: после почти годичного исправления ректорской должности архимандритом Паисием, в марте 1852 г. — вписан между строк и справа на полях.

⁹⁰³ Далее было: магистром

ром Лукичем Понятовским. Он образовал несколько курсов⁹⁰⁴ нижегородских риториков, наших отцов и дядей, у которых так и был известен под именем Петра Лукича. В монахи он поступил после своего вдовства в 1847 году. У него было два сына, из которых старший Аполлон Петрович, по окончании курса в Киевской академии был с 1855 г. учителем истории в семинарии († 1874 г.), другой — Филарет учился вместе со мною и по окончании курса поступил в военную службу⁹⁰⁵.

О. Паисий был истинный монах-постник, очень тощий на вид (его звали некоторые воблой), с маленьким лицом и выдающимся большим носом (рулем, как говорили бурсаки). Он был незаурядным оратором, обладал⁹⁰⁶

// л. 41

ясной дикцией, говорил медленно, выразительно и часто в добродушно-шутливом, несколько хохлачком тоне; в обращении был прост, доступен для всех, любил поговорить со всеми, кто с ним встречался или кто ему попадался. Попадавшихся ему в чем-нибудь учеников он старался раз-умлять больше своим красноречием. Попадетса, напр<имер>, ученик, немного подвыпивший, — он с укоризной скажет ему: «Эх, ты какой!» — «Я, Ваше В<ысокопрепо>бие, никакой», — запрется тот. «Что же ты орешь, как дикий онагр?» [150] Сравнения о. Паисий употреблял все какие-то книжные. «Как онагр ждет жажду свою, так, верно, и ты возжадал Тихоновского кабака. Это не подобает духовному воспитаннику и даже, можно сказать, неприлично» и т. д. Длинное наставление оканчивается наказанием по мере вины, вроде голодного стола или ссылки виновного на более или менее продолжительный срок в кухню на жительство с служителями, где житье всегда было недурное, по кр<айней> мере сытное.

Работал о. Паисий по классу⁹⁰⁷ медленно, но усердно и всегда исправно. Риторикой он преподавал по своим собственным запискам, составленным по-тогдашнему очень недурно. Все они⁹⁰⁸ помещались в небольшой тетради листов в 20 среднего письма и отличались всеми характерными⁹⁰⁹ свойствами старых учебников, — краткостью, ясностью и ст<р>огим наблюдением границ своей науки. Тогдашняя, напр<имер>, гра<м>матика строго ограничивалась изучением форм языка, риторика — форм речи, логика — форм мысли, не залезая в чужие области, напр<имер>

гра<м>матика в область логики и т. п., как это замечается в современных учебниках. Если бы этого рода учебники не были уже слишком формалистичны, а главное⁹¹⁰, если бы они не заявляли претензии учить: ⁹¹¹ гра<м>матика — правильно говорить и писать, риторика — сочинять, логика — правильно мыслить, а ограничились бы более скромной задачей одного научного анализа форм⁹¹² языка, речи и мысли, то они, думаю, бесполезны и даже поучительны⁹¹³ были бы и в наше время.

Записки о. Паисия состояли преимущественно из анализа разных форм речи, — всяких периодов, силлогизмов, хрий [151], речи ораторской, украшений из тропов и фигур, — и перечислении разных родов произведений прозы и поэзии с упоминанием лучших образцов в каждом роде как древних, так и новых до Жуковского включительно. Пушкин, Лермонтов, Гоголь и др. новейшие писатели не пользовались у духовного начальства фавором. Разные примеры в риторике и пиитике о. Паисия приводились исключительно из Ломоносова и Державина, а главным образом, из Св. Писания и духовных ораторов (Августина Московского, Филарета, Иннокентия и др.). Помню один пример фигуры звукоподражания из Державина: «Частые сечи меча Сильна, могуча плеча, Сталью о плиты стуча, Нощью блеща, как свеча, Гулы сугубит звуча», и переделку этой вещи бурсаками: «Нос у Петра Лукича Блещет, как сальна свеча» и т. п. Уроки из риторики задавались маленькие, в 15–20 строк, но от учеников требовалось буквальное их изучение и даже непременно с переводом на латинский язык.

// л. 41 об.

Латинский язык он знал превосходно, любил его, вел на нем прежде (до 1840 г.) все преподавание риторики и до сих пор не мог совсем отрешиться от него на уроках.

Преподавание о. Паисия носило, т<а>к сказать, практический характер. Он именно учил нас сочинять, как этого требовала старая риторика. Обычно он задавал ученикам в классе какую-нибудь тему, потом вместе с ними тут же устно разрабатывал ее на деле, строя из нее разнообразные⁹¹⁴ периоды или силлогизмы и хрии, что следовало по порядку уроков, учил на практике амплификации взятой темы и изобретению мыслей⁹¹⁵ по известным вопросам: quis, quis, ubi, quibus auxiliis, cur, quo-

⁹⁰⁴ Место: курсов — было: поколений

⁹⁰⁵ Далее было без отдела

⁹⁰⁶ Далее было: хорошей

⁹⁰⁷ по классу вписано.

⁹⁰⁸ Место: все они — было: они весьма

⁹⁰⁹ Место: характерными — было: досто

⁹¹⁰ Далее было: если бы

⁹¹¹ учить, — вписано.

⁹¹² форм вписано.

⁹¹³ и даже поучительны вписано.

⁹¹⁴ разнообразные вписано.

⁹¹⁵ и изобретению мыслей вписано.

УРОК В НИЖЕГОРОДСКОЙ
СЕМИНАРИИ. 1913 г.

modo, quando⁹¹⁶, отыскиванию синонимов, эпитетов, украшений из тропов и фигур,⁹¹⁷ учить расчленять предмет сочинения на части, разяснять и доказывать эти части, делать выводы и прилично весь этот труд заканчивать, даже, по мере надобности, частью патетической. В пиитике он точно так же учил отыскивать рифмы, выдерживать размер всяких хореев, ямбов, дактилей и проч. и тоже⁹¹⁸ вместе с учениками общими силами строил какое-нибудь хоть не очень поэтическое и довольно диковинное, но составленное по всем правилам стихотворное произведение. Такая манера преподавания, вводившая нас в самую процедуру и секреты сочинительства, довольно успешно заохотила нас к писательству и породила в нашем курсе даже несколько поэтов или quasi-поэтов. Не был чужд стихотворческий зуд и мне грешному. Я скопал в свое время несколько лирических произведений религиозного содержания, две повести и дра-

му в 5 действиях в стихах, впрочем, неконченную, но, помнится, с большими ужасами. Классные сочинения задавались каждую неделю по одному, — половина на латинском языке. На полях каждого сочинения обязательно нужно было отмечать составные его части: вступление, тема, разделение, первая часть, ее подразделение, 2-я часть и т.д., наконец, заключение и часть патетическая. Так же раньше, когда мы составляли хрии, отмечались их части: предложение, причина, противное, сравнение, подобие и проч.

Разъяснение уроков, перевод их на латинский язык, упражнения в сочинительстве профессор разнообразил рассказами разных анекдотов и легенд, — благо времени на наших двухчасовых уроках было довольно. Любимыми его рассказами были рассказы из патериков и Пролога о кознях дьявола, борьбе с ним подвижников и его посрамлении, большею частью в комическом роде, причем дьявол представлялся, как в народных рассказах, каким-то гороховым шутом, вечно остающимся в дураках. Слушатели хохотали всем классом, особенно если находили в рассказе какой-нибудь намёк на личность рассказчика, напр<имер>

⁹¹⁶ Кто, что, где, какими средствами, почему, как, когда (лат.).

⁹¹⁷ Текст: отыскиванию синонимов, эпитетов, украшений из тропов и фигур, — вписан над строкой.

⁹¹⁸ тоже вписано.

как авве Макарию⁹¹⁹ встретился бес весь в тыквах, и на пальцах по тыкве, и на носу тыква, слушатели сей час воображали огромный нос о. Паисия украшенным тыквою. Были анекдоты и из западных легенд, напри^мер> для осмеяния плохого знания латыни у католических монахов, как один мо-

// л. 42

нах, отчитывая бесноватого, насмешил беса грамматическими ошибками своей латыни: «Eggrede, eggrede, mali spirite», и как чорт отвечает такой же латынью: «Non eggredibo, quia mali loquis latine». Бывали рассказы довольно рискованные, напри^мер>, как однажды чорт попал ночью в волчью яму: он так испугался, что Бога даже вспомнил: Господи, говорит, не в консисторию ли я попал?!

Несмотря на все достоинства нашего о. Паисия, его преподавание считалось у нас все-таки ниже, чем преподавание словесности в другом параллельном отделении, где действительно была более современная постановка этой науки. Там славились профессора Андрей Абрамович Афинов из Московской академии, щеголеватый священник, любитель литературы, потом после него с 1851 года молодой⁹²⁰ петербургский магистр Александр Андреевич Крылов, сразу завоевавший славословия всех своих учеников. Оба они знакомили свой класс с лучшими приемами сочинительства и с лучшими произведениями литературы. Чтение⁹²¹ литературных произведений в нашем отделении было мало развито. Читали больше духовные книги, вроде «Училища благочестия», проповедей Филарета, Иннокентия и др., из светских «Хрестоматию» Пенинского [152] да разные беллетристические произведения, добываемые случайно на стороне, — «Вечного Жидя» Евг. Сю, сочинения Марлинского, барона Брамбеуса, Карамзина, из поэтов Державина и Жуковского. Поэмы и баллады последнего заучивали даже наизусть. Литературный вкус был вовсе у нас не развит.

Не ранее как под конец риторического курса, я в первый раз стал постигать легкость⁹²², красоту и звучность хорошей прозаической речи. Помню даже книгу, которая случайно⁹²³ натолкнула меня на это открытие, — это была старинная и неважная «История евреев» Капефига [153] в русском переводе, написанная цветисто и каким-то певучим языком, который мне очень понравился при чтении вслух. С этих пор я начал обращать внимание на легкость стиля и его звучность, начал заботить-

ся об особенной расстановке слов в своем писательстве, чтобы чтение моего сочинения отличалось гладкостью и некоторого рода певучестью. Тогда же я стал освобождаться от недостатков излишней риторической амплификации, которой учил нас о. Паисий, стал заботиться о краткости, меткости и силе речи, подражая в этом отношении Филарету. Так стал формироваться мой писательский стиль. После, кажется, уже в богословском классе я нашел другой пример для подражания в «Истории» Соловьева, которая своим простым, чисто русским языком, кратким, сильным и пластическим стилем произвела на меня огромное чарующее и неизгладимое впечатление.

Большую важность, по мысли обер-прокурора Протасова, имело в риторическом классе преподавание «Прав<ославного> Исповедания» Петра Могилы. Но я решительно

// л. 42 об.

не могу припомнить, кто у нас преподавал, — хотя я знаю эту книгу с начала до конца, что называется, назубок, —⁹²⁴ должно быть, преподавалась она плохо и бесцветно⁹²⁵. Главным предметом класса считалась риторика о. Паисия, а другие предметы, даж<е> эти богословские перед ней совершенно стушевывались. Из богословских предметов в курс этого класса входили еще: учение о богослужбных книгах, которых никто нам даже⁹²⁶ не показывал ни в церкви, ни в классе, и некая «Зрячая Пасхалия», присоединенная⁹²⁷ к математике и совершенно игнорировавшаяся⁹²⁸ учителем математики. В церкви мы читали за богослужением разные чтения по очереди по каким-то церковным⁹²⁹ книгам, которые подсовывал тещу канонарх, но что это были за книги, нам это было все равно. Я, по кр<айней> мере, не имел никакого понятия о церковном круге книг, хоть и зубрил в тетрадках⁹³⁰ со всею добросовестностью и об типике, и об октоихе, и о Минеях, и всякой всячине.

Более других из этих предметов зубрения имело на меня влияние «Прав<ославное> Исповедание» Петра Могилы. После бессмысленного изучения «Катехизиса» Филарета в училище в более⁹³¹ простом изложении этого нового «Катехизиса» мне

⁹²⁴ хотя я знаю эту книгу с начала до конца, что называется, на зубок, — *вписано*.

⁹²⁵ *Далее было*: Так же бесцветно по каким-то кратким запискам, составленным по руководству Амвросия преподавалось у нас Св. Писание, собственные исторические книги В. Завета.

⁹²⁶ *даже вписано*.

⁹²⁷ *Вместо*: некая Зрячая Пасхалия, присоединенная — *было*: некую Зрячую Пасхалию, присоединенную

⁹²⁸ *Вместо*: игнорировавшаяся — *было*: игнорировавшуюся

⁹²⁹ *Вместо*: церковным — *было*: <нрзб.>

⁹³⁰ *Вместо*: в тетрадках — *было*: тетрадки об них

⁹³¹ *более вписано*.

⁹¹⁹ *Вместо*: авве Макарию — *было*: авву Макария

⁹²⁰ *молодой вписано*.

⁹²¹ *Вместо*: Чтение — *было*: Чти

⁹²² *легкость, вписано*.

⁹²³ *случайно вписано*.

в первый раз забрезжил кое-какой богословский просвет, пробуждавший мою богословскую мысль и заставивший ее, хоть и наивно, но все-таки усиленно работать. Явилась охота богословствовать. Однажды я осмелился с своим богословствованием обратиться даже к отцу, по-прежнему мало обращавшему на меня внимания, по крайней мере не показывавшему этого. «Как это, — обратился я к нему, ходившему по обыкновению взад и вперед по комнате, — католики могут настаивать на главенстве своего папы на основании слов Спасителя: *Ты есть Петр* и проч., когда тут ясно видно, что не на Петре Господь основал свою церковь, а на каменной вере Петра?» Отец улыбнулся, но не стал объясняться, а только сказал: «Учись больше, — сам это потом поймешь, а теперь тебе этого не растолковать». Этим дело и кончилось.

Светские науки шли у меня лучше. Любимым моим предметом была история, хоть преподавалась она очень неважно. Общую историю, а потом в следующем, философском классе русскую преподавал при мне кандидат Московской академии (1842 г.) Василий Федорович Никольский, еще довольно молодой человек красивой наружности, но такого маленького роста, что мы звали его не иначе как Васичкой. Он был вообще так приличен, приглашен и всячески упорядочен, говорил мягким тенорком и с такой кокетливой ужимочкой, что походил больше на маленькую дамочку, чем на серьезного семинарского педагога. После с 1853 г. он вышел в священники, скончался в 1881 г. священником Рождественской церкви в Нижнем. Кроме истории, он преподавал еще греческий и французский языки⁹³². Преподаватель он был исправный⁹³³, аккуратный и недурной, даже сдал нам несколько листов своих собственных записок по истории Ассирии, Вавилона и Египта. Но учил-

// л. 43

лись мы у него неважно, может быть, вследствие его кротости, а может быть, потому, что у нас была учебником «История» Кайданова [154], неудовлетворительная даже для того времени, растянутая на три части пустыми риторическими фразами, но скудная фактами и не дававшая никакого почти представления о ходе исторической жизни ни одного из затронутых ею исторических народов. Все народы изображены были по одной схеме: явился NN народ, создал государство, воевал, дошел до цветущего состояния, потом впал в роскошь и развращение нравов, отчего склонился к упадку и, наконец, пал. На место его явился другой народ и проделал то же самое.

⁹³² Вместо точки была запятая. Далее было: да едва ли не он же преподавал нам и учение о богослужебных книгах с Катехизисом Петра Могилы.

⁹³³ Вместо: исправный — было: исправный

Как ни плохо стояла у нас история, мне она все-таки приходилась по душе. Я ценил даже самые фразы Кайданова и подражал им, страшно портя свой стиль и приучаясь к исторической лжи, от которой трудно было потом исправиться даже в зрелые дни с более⁹³⁴ развитыми историческими запросами. Первые мои исторические труды посвящены были истории Нижнего. У отца в библиотеке были «Нижегородские Ведомости» за несколько лет, заключавшие в себе много статей по нижегородской истории Мельникова [155], иеромонаха Макария [156], Пискарева [157] и др. авторов. Статьи эти весьма меня интересовали, и я⁹³⁵ принялся составлять из них краткую историю Нижегородского княжества и Нижнего Новгорода. Работа моя состояла в сокращенных выписках из⁹³⁶ прочитываемых мною статей, с большими пропусками разных мелочей, которые мне казались неинтересными и ненужными. Насколько искусно составлена была мною эта компиляция и далеко ли была доведена, не помню; самые рукописи куда-то пропали, — может быть, я сам же их потом застыдил и уничтожил, что со мною нередко случалось и потом⁹³⁷, до последнего даже времени.

После истории⁹³⁸ более др<угих> наук⁹³⁹ интересовала меня математика. Класс математики в начале курса представлен был, можно сказать, блестяще. Я застал на нем энергичного и красноречивого профессора Константина Ивановича Миловидова, магистра Киевской академии 1841 года. Он был священником и, кроме семинарии, служил еще законоучителем при Александровском мужском⁹⁴⁰ дворянском Институте. Это был щеголеватый светский священник — брюнет⁹⁴¹ приятной наружности, всегда тщательно причесанный и со вкусом одетый. Я помню, как мне нравилась его ряса, широкая, без талии и длинная, почти со шлейфом, красиво драпировавшая его не очень высокую, но⁹⁴² стройную фигуру. По приходе в класс он⁹⁴³ прежде всего причесывал свою бороду и усы, потом уже начинал урок громким, приятным голосом и с ясной дикцией. Он часто раздавал классу разные письменные⁹⁴⁴ задачи по алгебре и наблюдал, чтобы все учени-

⁹³⁴ более вписано.

⁹³⁵ Вместо: я — было: <нрзб.>

⁹³⁶ Вместо: в сокращенных выписках из — было: из сокращенных выписок

⁹³⁷ Вместо: потом — было: <нрзб.>

⁹³⁸ Далее было: меня

⁹³⁹ более др<угих> наук вписано.

⁹⁴⁰ мужском вписано.

⁹⁴¹ брюнет вписано.

⁹⁴² не очень высокую, но вписано.

⁹⁴³ Далее было: всегда

⁹⁴⁴ письменные вписано.

ки были заняты ими и занимались самостоятельно, не списывая друг у друга, для чего, не присаживаясь, ходил по классу, залезал даже за задние парты. В течение его урока весь класс был в напряжении. Обращался с учениками он большею частью⁹⁴⁵ деликатно и только к дурным ученикам и лентяям относился иногда с уничтожающим презрением. Его любили все и старались всячески постигнуть буквенные иероглифы новой науки. К общему сожалению, он преподавал у нас⁹⁴⁶ эту науку не-

// л. 43 об.

долго, будучи переведен на церковную историю в философский и богословский классы. До приезда нового наставника (до конца ноября 1850 г.), Алексея Ивановича Грацианова, мы выслушали несколько уроков у наставника математики второго отделения нашего класса Вениамина Ивановича Николаевского, вскоре постригшегося (в 1851 г.) в монашество с именем Антония.

Это была замечательная личность в нижегородской семинарии моего времени. Он был костромич родом, кандидат Петербургской академии (1841 года); наружность и внешнее поведение⁹⁴⁷ его были простоваты, но симпатичны. Он был блондин с выразительным, подвижным лицом,⁹⁴⁸ с широкими жестами при разговоре и на уроках, хороший оратор⁹⁴⁹, но с резко костромской⁹⁵⁰ речью, которая, впрочем, к^ак-то шла к нему и придавала особенную выразительность его словам. Ораторство его всегда⁹⁵¹ отличалось массой сравнений, образов и немалой долей сердечности, даже сантиментальности; он, вероятно, был бы недурным поэтом, если бы не был математиком, а после богословом. Доказывая⁹⁵², напри^мер, великую пользу математики, в частности для нас, молодых людей, он в жестах⁹⁵³ представлял, как юность всегда стремительна и залетит высоко, высоко, за самые облака, и летает там, летает; при этом он сначала приседал, потом выпрямлялся и, подняв высоко⁹⁵⁴ над головой руки, потрясал ими к^ак крыльями, затем вдруг опускал их и опускался, согнув колени, сам, говоря со страхом и понизив голос до шопота: «И вдруг с этой высоты — да кувырк вниз! Вот⁹⁵⁵

⁹⁴⁵ большею частью *вписано*.

⁹⁴⁶ у нас *вписано*.

⁹⁴⁷ и внешнее поведение *вписано*.

⁹⁴⁸ Далее было: и

⁹⁴⁹ хороший оратор, *вписано на полях*.

⁹⁵⁰ Вместо: костромскую — было: костромским произно

⁹⁵¹ всегда *вписано*.

⁹⁵² Вместо: Доказывая — было: Описывая

⁹⁵³ в жестах *вписано*.

⁹⁵⁴ высоко *вписано*.

⁹⁵⁵ Вот *вписано*.

разобьется, вот только⁹⁵⁶ мокренько будет! А⁹⁵⁷ математика-то и тут как тут, словно лодочка подчалит, так его и подхватит». Учитель при этом выпрямлялся и, простерев руки вперед ладонями вверх, показывал, как математика должна подхватывать и спасать погибающего Икара. «Так-то вот, ребяташки!» — заключал он обыкновенно свою речь, ходя быстро⁹⁵⁸ по классу широкими шагами и дружелюбно заглядывая в глаза учеников. Урока в два-три он оживил весь класс. Но после него к нам явился новый наставник совсем другого рода и совсем невозможный человек. С Вениамином Ивановичем нам, впрочем, пришлось долго встречаться и учиться в последующее время курса.

Алексей Иванович Грацианов был сын протоиерея моей родной Георгиевской⁹⁵⁹ церкви о. Иоанна Алексеевича, кандидат 1-го курса Казанской Академии (1846 года), по окончании курса служил учителем в Саратовской семинарии, но был оттуда выкурен и попал в Нижний украшать свою родную семинарию. Он назначен был к нам в ноябре 1850 г., но явился в класс что-то очень поздно, в конце⁹⁶⁰ декабря или даже в январе. Математики он вовсе не знал. В класс приходил постоянно выпившим и все время проводил в разных буффонствах [158], потешая учеников паясническими гримасами, шутками и разными выходками. Напри^мер, если кто постучится в дверь с намерением вызвать ученика по какому-нибудь делу, наш математик сам спешил отворить дверь, предварительно засучив рукава и сжав кулаки и комически крадучись к выходу. Дверь распахивалась, за ней оказывался вызывающий старший богослов, и математик начинал извиняться перед ним в том, что намерен был встретить его по незнанию плюхой. При этом он плутовски подмигивал ученикам, и весь класс хохотал. Комически он

// л. 44

спрашивал и уроки, которые ученики должны были сами же себе и задавать, причем⁹⁶¹ откровенно признавался, что ровно ничего не понимает и не может себе никак и представить, почему, напри^мер, $a+b=c$ и т. п., и начинал торговаться с отвечавшим, какой балл ему поставить: $1\frac{1}{8}$, или 4 без $\frac{2}{6}$ с плюсом, или довольно нехудо с минусом. Скоро он и во все перестал являться в класс, совсем загулял. О. протоиерей, желая его вытрезвить, весной 1851 г. запер его в мезонине своего дома, чтобы он не мог выйти и добыть себе водки, но на выручку ему

⁹⁵⁶ только *вписано*.

⁹⁵⁷ Далее было: тут

⁹⁵⁸ быстро *вписано*.

⁹⁵⁹ Георгиевской *вписано*.

⁹⁶⁰ конце *вписано*.

⁹⁶¹ причем *вписано*.

из такого⁹⁶² плачевного положения явился приятель его — известный⁹⁶³ пономарь Алексеич, сам хорошо понимавший, как тяжело во время перепоя оставаться без водки. В отсутствие о. протоиерея он воспользовался кадками из-под водосточных труб, поставил одну кадку⁹⁶⁴ на другую и так-им> образом открыл сравнительно удобное сообщение с бедным узником, жертвою отцовского деспотизма, и снабдил его всем потребным. Как Алексей Иванович сдавал с учениками летний⁹⁶⁵ экзамен, решительно не могу припомнить, но на следующий 1851/52 учебный год он уже вовсе к нам не являлся; в октябре он был уволен от службы. Дальнейшей судьбы его не знаю. Знаю только, что в начале 1860-х годов он уже помер⁹⁶⁶.

По выходе его из службы для математики настало у нас благоприятное⁹⁶⁷ время, даже более чем при К. И. Миловидове и В. И. Николаевском. В конце 1851 года к нам явился новый учитель, Андрей Иванович Остроумов, из кандидатов Казанской академии. Это был человек не дальнего полета⁹⁶⁸, некрасивой наружности, черный, лохматый, вероятно, никогда не причесывавшийся, с размашистыми бурсацкими манерами. Ученики с самого начала отнеслись к нему насмешливо и прозвали его мазилкой. Придя в класс еще в⁹⁶⁹ довольно чистом мундире, он потом обыкновенно весь измазывался около доски мелом; иногда этой мазне помогали и ученики, сидевшие около доски и разрисовывавшие мелом⁹⁷⁰ фалды его мундира, когда он оборачивался к ним задом. Но он был прекрасный, добрый, незлобивый и простой учитель, кажется, первый, начавший обращаться к нам⁹⁷¹ на «Вы», и хороший преподаватель своего предмета. Как алгебра, так и геометрия обыкновенно⁹⁷² преподавались в семинариях отвлеченно и сухо по дурным, тоже отвлеченным, учебникам: первая — по книге Сербжинского, вторая — по Райковскому [159], и были нелюбимы ни учениками, ни даже самим начальством. Андрей Иванович первый начал преподавать их практическим и наглядным методом. Сам Господь вразумил этого самого по себе⁹⁷³ немудрящего педагога прибегнуть к этому методу,

не имеющему еще тогда ни образцов, ни пособий.

Алгебра считалась у нас уже пройденною, и ему пришлось преподавать⁹⁷⁴ геометрию. Но попутно он все-таки успел внушить занимающимся ученикам, что алгебраические вычисления гораздо проще арифметических, и показать, как важно пользоваться алгебраическими буквенными формулами для самого арифметического вычисления с помощью разных задач. В преподавании геометрии он постоянно⁹⁷⁵

// л. 44 об.

начинал с частных примеров, более или менее занимательных, и уже из них выводил геометрическую теорему. Так, напр<имер>, он задавался задачами из двух окон класса определить расстояние от семинарии до известного видимого из них предмета⁹⁷⁶ (городской башни, собора и т. п.), — строились из окон⁹⁷⁷ два угла и делалось вычисление; — или определить высоту семинарского корпуса по теням⁹⁷⁸ его и воткнутой рядом с ним палки, — вычислялось подобие трехугольников и т. д. Почти вся геометрия проходила таким аналитическим путем. Особенно много и охотно и он и мы занимались геодезией, которая была введена в семинарский курс обер-прокурором Протасовым. В семинарском физическом кабинете⁹⁷⁹ нашлись астролябия, две мензулы, измерительная цепь с кольями. С помощью этих инструментов мы занимались измерением⁹⁸⁰ семинарского места и нанесением его на план. Уроки шли на семинарском дворе всем классом и очень весело. В работе принимали живое участие все ученики, даже лентяи, во все неспособные к математике. Для черчения планов ученикам было роздано несколько казенных готовален с транспортирами и циркулями⁹⁸¹. Планы рисовались очень тщательно, представлялись⁹⁸² к экзамену и лучшие отсылались даже в учебное Управление при Синоде. Во время майских рекреаций Андрей Иванович с учениками занимались съемкой на план даже⁹⁸³ роши в подгородном селе Высокове, где находится архиерейская дача; местность эта довольно хитрая для съемки, разнообразная и с разными препятствиями.

⁹⁶² Вместо: из такого — было: в таком

⁹⁶³ известный вписано.

⁹⁶⁴ Вместо: кадку — было: <нрзб.>

⁹⁶⁵ Вместо: летний — было: весенний

⁹⁶⁶ Вместо: помер — было: <нрзб.>

⁹⁶⁷ Вместо: благоприятное — было: цветущее

⁹⁶⁸ Далее было: чер

⁹⁶⁹ в вписано.

⁹⁷⁰ мелом вписано.

⁹⁷¹ Вместо: обращаться к нам — было: величать нас

⁹⁷² обыкновенно вписано.

⁹⁷³ самого по себе вписано.

⁹⁷⁴ Далее было: <нрзб.>

⁹⁷⁵ Вместо: постоянно — было: пользовался

⁹⁷⁶ Далее была запятая.

⁹⁷⁷ из окон вписано.

⁹⁷⁸ Вместо: теням — было: тени

⁹⁷⁹ Далее было: был

⁹⁸⁰ Далее было: плана

⁹⁸¹ Текст: Для черчения планов ученикам было роздано несколько казенных готовален с транспортирами и циркулями. — вписан справа на полях.

⁹⁸² Далее было: даже

⁹⁸³ даже вписано.

Результатом такого преподавания математики было то, что этой наукой, пренебрегаемой прежде всеми, вместо двоих-троих лучших учеников, которые кое-что мороковали по ней в целом классе из 100 и более учеников, при Андрее Ивановиче ею порядочно занимались человек 20–30, — успех, можно сказать, чрезвычайный для семинарии. Я лично предавался ей с увлечением. Кроме обязательных классных планов, я составил недурной план нашего дома и места и даже⁹⁸⁴ предпринял необычайно трудную работу начертить план всего Нижнего Новгорода. В печати такого плана тогда еще не было, по крайней мере я его не видел. Задумал и сделал, хоть и не весь план, а только верхней части города. Не имея ни инструментов, ни возможности измерять длину улиц и градусы углов правильным и открытым способом, я пользовался для определения⁹⁸⁵ расстояний счетом своих шагов, а для определений углов маленькой самодельной мензулой, помещавшейся на ладони левой руки, и обыкновенной небольшой линейкой. Измерения были, таким образом, приблизительные, но производились очень тщательно. План этот хранился у меня очень долго и пропал куда-то⁹⁸⁶ недавно, когда я уже имел у себя настоящий план Нижнего, изданный в печати. Сравнивая этот план со своим детским планом, я с удовольствием видел, что они очень похожи один на другой и что я ошибался только в некоторых немногих подробностях. Границами этого плана были Волга и Покровская улица. С Андреем Ивановичем мне пришлось потом учиться и в следующем классе.

// л. 45

Языки преподавались у нас слабо. Для латинского языка не было особых уроков. Он преподавался о. Паисием практически на уроках словесности. Кроме того, мы должны были обязательно писать на этом языке по одному сочинению каждый месяц. На греческий язык обращалось особенное внимание только при ректоре Аполлонии; затем его преподавали кое-как в послеобеденное время. Новые языки были необязательны, и, помнится, я не изучал ни одного из них во все два года низшего отделения, потом в среднем отделении записался на немецкий язык.

Но здесь я должен прервать свои школьные воспоминания и обратиться к нашей домашней жизни, в которой произошли важные перемены. Я уже упоминал, что в конце 40-х годов наша семья переселилась в большую квартиру главного дома. Бабушка, выдав последнюю дочь замуж, осталась⁹⁸⁷

в задней комнате. Вскоре — в 1850 или 1851 году она уехала в Петербург, куда ее звали дети Николай и Петр и куда вскоре ожидали из-за границы ее брата Ивана Михайловича Певницкого. Она провела там больше года. Это было для того времени и для людей нашего круга необыкновенным событием. Из родных и знакомых никто не бывал ни в Москве, ни в Петербурге. Города эти были известны в этом кругу только по каким-то сказочным рассказам, заимствованным из вторых и третьих рук с разными чудесными прикрасами. По возвращении бабушка несколько лет потом неустанно рассказывала⁹⁸⁸ о своей поездке из Нижнего до Москвы в дилижансе (железной дороги еще не было), о самой Москве и ее святынях и чудесах, потом о поездке до Питера по железной дороге, о которой мы знали тоже только по мифическим слухам, о самом Питере, где сын Николай выводил ее по всем церквам, дворцам, музеям Академии наук и Эрмитажа, возил в Петергоф и Царское Село, показывал царскую фамилию и т. д. В отсутствие бабушки мать была полной хозяйкой в доме. Во флигеле поселились на квартиру какие-то жиды. Летом, я помню, они справляли свой праздник кушей с большим шумом в нашем саду, за что им скоро отказали от квартиры. В задней комнате жил целовальник [160] с молоденькой женой; вся комната была наполнена разными вещами, взятыми целовальником в своем⁹⁸⁹ кабаке в залог; поперек комнаты были протянуты веревки, а на них повешено множество всякого рода и летней и зимней одежды. Эти постояльцы жили у нас до⁹⁹⁰вольно долго. Мать успела даже подружиться с целовальницей, хорошенькой и приветливой бабенкой, и допускала с ней большие интимности. Отцу всегда отпускатся хорошее вино по первому требованию и даже в кредит.

В последнее время он сделался неводержан и часто покучивал с актерами. Они бывали у нас почти каждый вечер, в который не были заняты в театре, и каждый раз напивались до того, что некоторые из них, особенно певец Калинин, ночевали у нас, свалившись на пол где попало. В театре шли тогда вместе с другими⁹⁹⁰ оперы по случаю наезда в Нижний нескольких

// л. 45 об.

певцов и певиц. Певицы у нас не бывали, но певцы любили отца, любили и выпивать, как следует, артистически. Вечера начинались хором перед столом с бутылками из Роберта Дьявола: [161] «В закон, в закон, в закон себе поставить На ра-на ра-на ра-дости пожить». Выпивка чередовалась с пением разных арий и романсов. Мать не отходила

⁹⁸⁴ даже вписано.

⁹⁸⁵ Далее было: длины

⁹⁸⁶ куда-то вписано.

⁹⁸⁷ Вместо: осталась — было: поселилась

⁹⁸⁸ Далее было: <нрзб.>

⁹⁸⁹ своем вписано.

⁹⁹⁰ вместе с другими вписано.

от певцов, увлекаясь их пением, особенно пением тенора Леонова. Он чудно пел тогдашний еще новый романс: «Матушка-голубушка, солнышко мое...» Молоденькая целовальница, приходившая к нам послушать пение, окончательно в него влюбилась и делала ему разные авансы к интрижке. Состоялась ли эта интрижка, не знаю. Едва ли, пот<ому> что у красавца⁹⁹¹ Леонова много было поклонниц почище нее из разных городских барынь.

Мы, ребята, были почти в забросе. Я еще был по кр<айней> мере постоянно за делом страха ради семинарского, а в свободное время, выучивши уроки, предавался театральной страстишке, часто посещая театр, где по-прежнему помещался над сценой между театральными небесами. Но положение брата было очень сомнительно. Он лет до 10 не⁹⁹² научился даже читать порядочно. Никто им не занимался. Такой учительницы, как моя бабушка Анна Михайловна, у него не было. Отцу было все некогда подучить нас⁹⁹³. Меня Павел не слушался. Предоставленный самому себе, ленивый, рассеянный и увлекающийся, он жил на полной воле и не думал о том, что ему пора уже⁹⁹⁴ подумать⁹⁹⁵ об семинарии. Не знаю, по чьей мысли, решено было наконец взять ему учителя, какого-нибудь бедного семинариста, который бы согласился заниматься с ним без денег, только из-за помещения и хлеба. Таким педагогом явился один из моих товарищей риторы Ив<ан> Введенский. Поселение его у нас в кухне, преимущественно на печке, было на руку и мне как в отношении к занятиям уроками, так и в отношении к домашнему компанству [162]. Он оказался усердным и настойчивым учителем, и под его руководством брат стал прилежать к учению и пошел к просвещению очень проворно, так что года через полтора⁹⁹⁶ был готов к поступлению в училище.

До ноября 1851 г. жизнь нашего семейства спокойно текла по своему заведенному порядку, бедно, грязновато, среди⁹⁹⁷ низменных ковалихинских интересов и в низменной обстановке, но⁹⁹⁸ привычным⁹⁹⁹ образом, как будто так было¹⁰⁰⁰ и надо, как оно есть. Все мы уже вжились в эту жизнь, приспособились к ней и спокойно готовы были

тянуть ее, доколе Бог грехам потерпит, как в ноябре нас постигла страшная катастрофа, — умер наш поилец-кормилец, единственный работник семьи, — отец.

Я уже упоминал о многолетнем процессе, по которому разные линии родства Знаменских должны были получать наследство из родственной линии купцов Протопоповых, состоящее в нескольких городских лавках. Отец был по доверенностям¹⁰⁰¹ представителем наследников из рода Андрея Ив<ано-вича> Знаменского и вместе с представителями других линий много лет вел этот процесс.

// л. 46

В половине ноября (числа не помню) определено было выдать наследникам некоторую¹⁰⁰² часть этого наследства, кому следовало, и доверенные, в том числе и мой отец, вечером сошлись для окончательного определения долей своих доверителей у протоиерея Афинова, главного дельца по означенному процессу. Самой суммы, подлежащей¹⁰⁰³ дележу, на лице, кажется, тут не было, но лишние люди, как у нас думали, вероятно, предполагали, что с этого вечера о. дьякон будет ворочаться домой с деньгами. Указывали даже определенно на одного такого лихого человека, —¹⁰⁰⁴ родственника причетника одной из городских церквей. К<а>к бы то ни было, но на отца при возвращении домой сделано было нападение, кончившееся роковым образом.

Было часов 10 вечера. Мать и ребята или спали, или просто дремали. Один я сидел за столом в зале и учил урок из «Истории» Кайданова. Кругом все было тихо. Вдруг на улице мне послышались какие-то звуки, как будто кто упал у ворот, и глухой стон. Я прислушался, и хоть ничего еще не услышал, но встревожился и вышел на улицу. Недалеко от калитки ворот я¹⁰⁰⁵ различил в темноте полулежащего¹⁰⁰⁶ человека, опиравшегося плечами в полотно ворот. Это был отец. «Что Вы тут делаете?» — испуганно спросил я его. «Помоги мне встать», — едва слышно проговорил он. Я был тогда маленький и слабенький мальчик, но испуг придал мне такую силу, что я смог не только поднять этого взрослого¹⁰⁰⁷, высокого и притом¹⁰⁰⁸ отяжелевшего человека, но даже совсем почти донести его по двору и по лестнице в комнату. Он оказался без рясы с расстегнутым воротом подрясника и без сапогов;

⁹⁹¹ красавца *описано*.

⁹⁹² не *описано*.

⁹⁹³ Далее было: Оставленн

⁹⁹⁴ уже *описано*.

⁹⁹⁵ Далее было: и

⁹⁹⁶ Вместо: полтора — было: два

⁹⁹⁷ Далее было: своих

⁹⁹⁸ Далее было: в

⁹⁹⁹ Вместо: привычным — было: привычном

Далее было: виде

¹⁰⁰⁰ было *описано*.

¹⁰⁰¹ по доверенностям *описано*.

¹⁰⁰² некоторую *описано*.

¹⁰⁰³ Вместо: подлежащей — было: подлежавшей

¹⁰⁰⁴ Далее было: одного

¹⁰⁰⁵ Вместо: я — было: в

¹⁰⁰⁶ Вместо: полулежащего — было: лежащего

¹⁰⁰⁷ взрослого, *описано*.

¹⁰⁰⁸ Вместо: притом — было: совсем

шляпа на голове уцелела. Долго ли он был в таком виде на снегу в морозный вечер и что с ним было, мы так и не узнали, пот<ому> что, как только я его внес в комнату, он потерял сознание, и на другой день был в сильном горячешном бреде и совершенно без голоса. По бедности сначала не хотели было даже звать доктора и дня два лечили его домашними средствами; потом уже обратились к доктору Лебедеву. Этот бескорыстный врач, видя нашу убогую обстановку и испуганных ребятишек, совсем¹⁰⁰⁹ отказался от двугривенных, которые совала ему мать. Диагноз его был злобещий; он нашел у отца сильную горячку¹⁰¹⁰, повреждение грудной кости и перелом нижней челюсти. Очевидно, он был сильно избит. В редкие светлые промежутки он что-то шептал, устремляя на мать или на меня настойчивый взгляд и стараясь что-то объяснить, но ничего нельзя было ни понять, ни расслышать. Дня за 2–3 до смерти он позвал глазами к себе меня и указал на книжный шкаф, что-то шепча. Я стал подавать ему одну книгу за другой, но он с неудовольствием отворачивался. Вероятно, он просто хотел сказать мне, чтобы я хорошенько учился для поддержки¹⁰¹¹ семьи после него. В другой раз перед смертью он поглядел на собравшихся около его смертного одра детей и указал на икону Одигитрии, висевшую в углу. Это была копия с чудотворной иконы Одигитрии в нашем Егорьевском

// л. 46 об.

храме, которая всех нас до сих пор кормила и воспитывала. Он желал нас ею благословить. Ее положили к нему на постель; он уже не мог ее держать, не мог даже и перекрестить нас. Это общее наше благословление оставалось в Нижнем до смерти брата, служившего потом в Нижегородской семинарии. Я не счел себя вправе отнять эту икону от родной семьи. После смерти брата в 1881 г. я пожелал иметь ее у себя. Но Боже мой! — в каком положении я застал эту родовую святыню. Вся она была облуплена и исковыряна. В Казани я ее старался возобновить своими руками, но не смог, пот<ому> что она была написана на яичном белке. Восстановил ее один староверческий иконописец, и очень удачно. Она висит в моем кивоте. — В ночь на 30 ноября отец скончался, окруженный своей семьей. Я сидел на постели, где он умирал, наклонившись над его лицом, и принял его последний вздох.

Тут же ночью я отправился к Георгиевской церкви известить об его кончине причт и с этого момента вступил в должность чуть не главного распорядителя по делам семьи. Замечательно,

¹⁰⁰⁹ совсем вписано.

Вместо: совсем — было: он

¹⁰¹⁰ Вместо: сильную горячку, — было: воспаление легких

¹⁰¹¹ поддержки вписано.

что постигшая нас беда как будто вовсе не поразила меня. При общей растерянности семьи я вел себя спокойно; между прочим несколько раз принимался зарисовывать лицо покойника в гробу, чтобы оставить по нем какую-нибудь память, и все не удовлетворялся своей работой; разговаривал, даже шутил с посещавшими меня товарищами. Только на свежей могиле, когда покойника засыпали землей и над ним поднялся могильный холм, я почувствовал свое горе. Кто-то из товарищей, кажется Введенский, оторвал меня от могилы и привел домой, где уж стали беспокоиться о моем отсутствии. Потом чем дальше шло время, тем мое горе более усиливалось. Эта черта моего характера или натуры сохранилась до старости. Меня вдруг ничто не поражает — ни горе, ни радость, ни даже страх, — все эти чувства являются уже после, спустя несколько времени после совершившегося факта. Так, я в каком-то деревянном состоянии на первых порах перенес и мою последнюю катастрофу, — потерю жены, — и только, когда воротился с ее свежей¹⁰¹² могилы домой и остался один, ясно и тяжело¹⁰¹³ почувствовал, что со мной случилось, и тяжесть горя стала расти с каждым днем, составив меня в один год на несколько лет, отняв весь интерес к жизни и деятельности всякого рода, заставив совсем умирать еще¹⁰¹⁴ живо...

Отец помер, ничего не оставив своей семье из 7¹⁰¹⁵ человек: мать, я, брат Павел, Екатерина, Варвара, Мария и брат Андрей месяцев осьми всего¹⁰¹⁶. Его похоронили на счет прихожан, должно быть, любивших его и жалевших нас. В нашу пользу была собрана по приходу даже довольно большая по тому времени сумма, — сколько мне было известно, около 300 р. ассигнациями. Эти деньги были отложены матерью на какой-то еще¹⁰¹⁷ черный день, а на проживание она решила употреблять доходы с постояльцев. Бабушка Анна, пользовавшаяся этими доходами при жизни отца, должна была отка-

// л. 47

заться теперь от них и решила даже вовсе уехать из Нижнего в Балахну к дяде Стефану Андреевичу. Чтобы увеличить сумму домовых доходов, наша семья поселилась в маленькой боковой комнате, отдавши прежнее помещение под постояльцев.

¹⁰¹² свежей вписано.

¹⁰¹³ ясно и тяжело вписано.

¹⁰¹⁴ Далее было: при жизни

¹⁰¹⁵ Вместо: 7 — было: 6

¹⁰¹⁶ Вместо: мать, я, брат Павел, Екатерина, Варвара, Мария и брат Андрей месяцев осьми всего — было: мать, я, брат Павел, Екатерина, Мария, Варвара и брат Андрей месяцев осьми всего вписано на полях.

¹⁰¹⁷ еще вписано.

И все-таки денег от дома¹⁰¹⁸ очищалось так мало, что жить на них было очень трудно, — всего каких-нибудь 8–9 р. в месяц. Да еще можно было всегда страшиться, что в свою часть этих доходов мог вступить дядя Стефан, принявший к себе бабушку на содержание. Дом принадлежал обоим, числившимся его наследниками¹⁰¹⁹, братьям — моему отцу и дяде Стефану.

Вскоре после смерти отца собрался у нас в доме семейный совет о том, как устроить нашу бедную семью. Я не был на этом совете, но слышал после, что никто не решался взять на себя такую обузу. Тогда порешили возложить прокормление семьи на меня, как на старшего ее члена, а для этого немедленно исключить меня из семинарии и определить на какую-нибудь должность, всего удобнее — на приказную, т<а>к к<а>к в дьячки я едва ли годился даже по неумению петь, да притом же должен был служить где-нибудь в селе, вдали от семьи. Порешив так<им> образом мою судьбу, совет вызвал в свое присутствие и меня самого для объяснения своего решения. Я был так поражен им, что чуть не свалился с ног, весь задрожал и побледнел. Одна добрая душа сжалилась надо мной, — это был дядя Иван Алексеевич Соколов, недавно после смерти тетки Варвары Андреевны¹⁰²⁰ сам сделавшийся горьким вдовцом с тремя маленькими дочерьми. — «Жалко парнишку, — сказал он, — учится он хорошо, и дарованиями Бог не обидел. Из него может выйти более выгодный прок, когда выучится. Я полагал бы оставить его в семинарии, поместив на казенное содержание. Скоро туда же можно сбыть и Павла, а с остальными и с вдовой как-нибудь, даст Бог, справимся до выучки братьев». Так и порешили все и, чт<о>бы скатать с рук все¹⁰²¹ дальнейшие об нас попечения, сделали доброго Ивана Алексеевича нашим опекуном. С тех пор он стал нашим неизменным благодетелем, часто помогал нам в нуждах, хоть и сам был обременен семейством (при нем жили старуха-мать, две сестры, семинарист-брат и три малолетних дочери), а достатки имел очень неважные: он был священником сначала в подгородном селе Высокове, потом в городской богадельне. Я замечал, что он любил нашу талантливую и ласковую¹⁰²² семью даже¹⁰²³ больше своей, которая¹⁰²⁴ отличалась неприветливыми и тяжелыми характерами.

¹⁰¹⁸ от дома вписано.

¹⁰¹⁹ Вместо: числившимся его наследниками, — было: оставшимся в живых,

¹⁰²⁰ после смерти тетки Варвары Андреевны вписано.

¹⁰²¹ Вместо: все — было: дал

¹⁰²² ласковую вписано.

¹⁰²³ даже вписано.

¹⁰²⁴ которая вписано.

С нового, 1852 года я уже был принят в семинарии на казенное содержание и началась моя тяжелая бурсацкая жизнь. Меня поместили в 7N, в верхнем этаже семинарии, в крайней комнате около залы с северной стороны. Старшим N-ра был богослов Александр Ильич Лимов, после кончивший курс в Казанской академии и бывший моим профессором. Он отличался густой растительностью на бороде и брился чуть не каждый день. В первый же день моего пребывания на бурсе меня поразило

// л. 47 об.

одно маленькое обстоятельство, весьма для меня новое, относящееся к командирскому отношению старших к подведомственным им воспитанникам. А<лександр> И<льи>ч подозвал меня и властно приказал мне вычистить грязнейшую мыльницу и кисть своего бритвенного прибора. Дядя и бабушка, бывало, нередко пользовались моими услугами: посылали на рынок за хлебом, в кабаке за водкой и т. п. Но то были родственные распоряжения. Посторонние лица никогда ничего мне не приказывали. Скрепя сердце я исполнил приказание своего старшего, потом уже служил ему, как и другие мои сожители, ничтоже сумняся, чистил ему платье, сапоги... Нельзя, впрочем, не сказать, что это был, хоть и грубоватый несколько бурсак, особенно грубо относивший к своему младшему брату Лимову, моему товарищу по курсу и сожителю по комнате, но все-таки один из лучших богословов, начитанный, образованный и тихого, меланхолического и замкнутого характера. К нему часто приходили его товарищи-богословы за разными справками, рассуждали с ним и спорили о научных предметах. Слушая его речи, я дивился его многознанию, особенно знанию им классических и новых языков и даже языка еврейского, который в семинарии изучали очень неважно. После он учился в Казанской академии и был в ней бакалавром по палеографии и славянским наречиям. Весь риторический свой курс я прожил у него под старшинством.

С первых же дней пребывания на бурсе пришлось мне, конечно, познакомиться и со всеми тягестями бурсацкой жизни. Описывать эту жизнь подробно¹⁰²⁵ я не стану. Предмет этот разработан в нашей литературе во всех подробностях, больше с дурной стороны, со стороны вечной голодовки бедных бурсаков, всяческой грязи их горемычного быта и жестоких нравов. Ограничусь только общими штрихами.

Дисциплина у нас была очень строгая, унаследованная еще от Аполлониевских времен. О. Паисий, целый год исправлявший должность ректора, и пом<ощник> инспектора¹⁰²⁶ Антоний Николаевский, исправлявший должность инспектора, строго

¹⁰²⁵ подробно вписано.

¹⁰²⁶ пом<ощник> инспектора вписано.

следовали заветам дисциплинарной системы Аполлония. Новый ректор Феофил, прибывший в семинарию в марте 1852 г., был человек уже немолодой (кончил курс в Петербургской академии магистром в 1833 г.), довольно послуживший в разных семинариях (волынской, полтавской и курской) и несколько уже утомленный. Это была здоровая и крепкая русская голова с прямым и реальным взглядом на вещи, притом властная и упрямая не менее упрямой и властной головы прежнего ректора Аполлония. Но он мало вмешивался в административные мелочи семинарской жизни, жил замкнуто в своей квартире, ни с кем близко не сходилась, редко даже являлся пред учениками. Но когда выходил из своей квартиры и появлялся, все чувствовали пред ним какое-то стеснение и страх. Он был очень крупный и толстый блондин с круглым розовым лицом, короткой круглой бородою¹⁰²⁷, с суровым взглядом, постоянно как будто чем недовольный, говорил кратко, отрывисто и пренебрежительно¹⁰²⁸ гнуса́вым баском¹⁰²⁹,

// л. 48

делал неожиданные замечания с резкой и обрывающей лаконичностью. Единственным доверенным лицом при нем был его келейник, какой-то его родственник, очень на него похожий, чрез которого он вероятно и узнавал все, что делалось в семинарии, а знал он очень много. Этот его фактотум [163] держался близко с учениками богословия и философии и часто шатался по ученическим номерам, вмешиваясь в ученические компании. Многие ему доверялись и считали за честь с ним якшаться, но большинство смотрело на него крайне недоверчиво. С о. Паисием — инспектором — ректор представлял резкий контраст. Насколько тот был прямодушен, болтлив и доступен во всякое время, настолько этот был суров и¹⁰³⁰ недоступен¹⁰³¹. Контраст представляла и самая¹⁰³² их внешность. В моем курсе был один талантливый поэт-комик, умевший ловко подразнивать людей. Он давал иногда длинные представления воображаемой ссоры между этими двумя начальниками. Напрыжившись [164] и сделавшись вдруг толстым, он гнуса́вым голосом Феофила¹⁰³³ начинал ругать о. Паисия астраханской воблой и представлял, к<а>к Феофил грозился оббить эту воблу о свой каблук на сапоге, причем смешно старался достать этот каблук через выпяченный толстый живот.

¹⁰²⁷ с круглым розовым лицом, короткой круглой бородою, описано.

¹⁰²⁸ и пренебрежительно описано.

¹⁰²⁹ Далее было: неожиданно

¹⁰³⁰ Вместо: и — была запятая

¹⁰³¹ Далее было: и суров

¹⁰³² самая описано.

¹⁰³³ Феофила описано.

Потом, вдруг сделавшись поджарым, голосом о. Паисия угрожал ректору пробить его живот своим длинным носом, как тараном.

Архиереем нижегородским, после Иакова, которого я плохо помню, в течение всего моего курса был Иеремия [165], святитель очень благочестивый и радетельный до семинарии. Он часто посещал семинарию во всякое время, но семинаристы¹⁰³⁴ не совсем-то любили эти его посещения, причинявшие им разные беспокойства. Ректор Феофил держался далеко и от него, старался с ним не встречаться, уезжая во время его посещения в¹⁰³⁵ свой Благовещенский монастырь, а то так и просто не выходя ему навстречу, якобы за незнанием об его посещении. Иеремия был им недоволен, находил, что и семинария при нем начала опускаться сравнительно с временем Аполлония. Особенно крупное неудовольствие между ним и ректором возникло, — забегу несколько вперед, — в 1853 г. Летом этого года в городе свирепствовала холера. Ректор Феофил поспешил распустить учеников на вака́т¹⁰³⁷ ранее срока без согласия Иеремии, который по своему благочестию возлагал сохранение учеников на волю Божию. После отпуска преосвященный стал делать ректору выговор, но этот, к<а>к потом Иеремия¹⁰³⁸ писал в окружное¹⁰³⁹ правление Казанской академии, только «харкнул, плюнул и, сказав: «Не нужно смешивать холеры с волей Божией», удалился. Но этот характерный эпизод я узнал уже впоследствии, когда писал «Историю Казанской академии» и рылся в делах ее бывшего окружного правления. Обращаюсь к описанию нашего бурсацкого житья-бытья.

// л. 48 об.

Разделения между занятыми и спальными комнатами тогда еще не было; где мы занимались, там и спали. Для занятий среди комнаты стояли два старых¹⁰⁴⁰ стола с двумя сальными свечами, окруженные деревянными табуретками, а для спанья по всем стенам стояли железные кровати с мочальными тюфяками, накрытыми толстыми простынями и байковыми серыми одеялами, и с двумя подушками, набитыми перьями, которыми можно было писать сочинения¹⁰⁴¹ даже набело. Одежда помещалась в одном общем гардеробе на всех 10 человек, — таково было число жи-

¹⁰³⁴ Далее было: его

¹⁰³⁵ Далее было: управляемый

¹⁰³⁶ между ним и описано.

¹⁰³⁷ на вака́т описано.

¹⁰³⁸ Далее было: до

¹⁰³⁹ окружное описано.

¹⁰⁴⁰ Вместо: старых — было: больших

¹⁰⁴¹ сочинения описано.

вущих почти во всех комнатах¹⁰⁴². Так как одежды у нас было очень немного, то нам достаточно было и одного гардероба. Книжки и бумаги хранились у нас в ящиках столов, по окнам и под кроватями. Под кроватями же лежало черное белье до отдачи в стирку, чистое же, у кого оно было, пряталось под подушки. При всей тесноте помещения у нас соблюдалась образцовая внешняя чистота, за которой зорко следили и старшие коммун, и инспекция, — о внутренней чистоте под нашими рубашками и панталонами не говорю; туда не проникал глаз начальства, — вероятно, гнушался или совесть такого рода воззрений¹⁰⁴³. И всю эту внешнюю чистоту мы должны были производить самостоятельно и собственноручно. Комнатной прислуги у нас вовсе не было, была одна только коридорная прислуга, чистившая коридоры, топившая печи, обращенные топками в коридоры, и¹⁰⁴⁴ приносившая в комнаты разные нужные предметы извне, например воду, древесные¹⁰⁴⁵ опилки для чистки полов и т. п. Чистка была двух сортов — малая и большая. Малая производилась половыми щетками и мокрыми грязными¹⁰⁴⁶ швабрами; швабрами действовали служители. Большая чистка делалась реже, около раза в неделю. Приносились мокрые опилки, рассыпались по полу, и все живущие в комнате, кроме, конечно, старшего, разувшись начинали отплясывать по этим опилкам своего рода очистительный танец. Полы у нас всегда блестели, как зеркало, но этим и ограничивалась чистота нашего внешнего быта.

Одежда, особенно белье, была весьма далека от чистоплотности. Перемена белья производилась раз в 14 дней, от бани до бани. Немудрено, что при скученности населения Номеров и при общей бурсацкой неряшливости у нас процветало такое скотоводство на головах, в одежде, в постелях, что им наполнены были по складам¹⁰⁴⁷ даже голенища сапогов. Баня была на бурсе истинным праздником, и все охотно шли в нее, несмотря на то, что в нее, особенно нас, низших бурсаков будили с 4 часов утра. Мылись (человек по 30 за раз)¹⁰⁴⁸ усердно, парились жарко. По всей бане стояло веселье, пелись песни, всячески¹⁰⁴⁹ играли, пот^{ому} что инспекция тут совершенно отсутствовала, даже старшие не являлись вместе с своими поднадзорными, а мылись особо. Внизу

шло мытье и веселье, а сверху, выше полка, на веревках и шестах выжаривалось наше

// л. 49

черное белье и кое-какая одежда. Это выжаривание было крайне необходимо даже для черного белья, так как оно должно было лежать под койками до прихода прачки и сообщать свое население на верх коек. Сдача белья и приемка от прачки производились нами самими. Для этого у каждого из нас был свой N белья. Мой N был 13-й. Эти же Номера метилась и вся одежда. Замечательно, что у нас никогда не случалось пропажи вещей, которая так часто бывает в теперешних учебных заведениях.

Порядок дневных занятий в мое время хорошо известен из многочисленных историй семинарий. Вставали мы в 6 часов утра и, совершив свой туалет, шли на общую молитву в один из более просторных Номеров. После молитвы зав^тракали. В 8 начинались классные занятия, продолжавшиеся до 12. Уроков было два двухчасовых. Затем обед. В 2 часа снова урок до 4 часов. С 4 до 5 часа отдых, прогулка по двору и саду с играми и подчас с кулачным боем на дворе. При ректоре Аполлонию эти бои были особенно в ходу. Начинались они мальчишками училища и заканчивались богословами и философами. С 5 до 8 часов все должны были заниматься по своим комнатам под надзором старших. Ученики младших классов не могли даже выходить из комнаты без спросу старшего. В 8 часов полагался ужин, в 9 молитва. В 10 часов все обязательно должны были спать. Порядок этот был общий для всех бурс. Расскажу лучше о нашем несчастном пропитании.

Это было действительно самое¹⁰⁵⁰ несчастное пропитание. Поутру и вечером нам не давали не только чаю, — я не застал этого баловства даже в Казанской академии, — но даже белого хлеба. Весь наш завтрак состоял из ломтя черного хлеба с квасом. Белый хлеб в небольшом количестве выдавали бурсакам только в двенадцатые праздники и в день Храмового праздника семинарии (4 дек. Иоанна Дамаскина), и то не утром, а только¹⁰⁵¹ за обедом под именем пирогов. Для придания большего вкуса этому ржаному¹⁰⁵² завтраку ломти черного хлеба обильно посыпались солью, а зимой поджаривались в топившихся по утрам печках. По всем коридорам можно было в это время видеть перед печками сидевших на корточках бурсаков с пристроенными на лучинках¹⁰⁵³ против огня ломтями. Нашему брату мелюзге ча-

¹⁰⁴² Вместо: во всех комнатах — было: по всем комнатам

¹⁰⁴³ Далее было: Ком

¹⁰⁴⁴ Далее было: изредка

¹⁰⁴⁵ Вместо: древесные — было: квас

¹⁰⁴⁶ грязными вписано.

¹⁰⁴⁷ по складам вписано.

¹⁰⁴⁸ (человек по 30 за раз) вписано справа на полях.

¹⁰⁴⁹ всячески вписано.

¹⁰⁵⁰ самое вписано.

¹⁰⁵¹ и то не утром, а только вписано.

¹⁰⁵² ржаному вписано.

¹⁰⁵³ Далее было: перед

сто не удавалось и это удовольствие. Только лишь, бывало, пристроишь свой ломоть против жару, как тебя оттолкнут другие постарше, а то даже по поручению кого-нибудь старшего. — Ну-ка ты, скажут. Пусти: Павел Иванович или Александр Ильич велел поставить тут свой ломоть. — Пресловить было невозможно. Только более богатые бурсаки изредка

// л. 49 об.

раздобывались в складчину кринкой молока. Такие складчины делались большею частью в день бани. Мы, бедняки, с завистью поглядывали на такие Лукулловские пиршества и облизывались. Когда я стал видным человеком в классе и стал заниматься литературным трудом писания чужих¹⁰⁵⁴ сочинений, на эти Лукулловские пиршества приглашали иногда и меня. Происходили они сейчас после бани, часов в 5 утра. Аппетит у нас был отличный во всякое время, и в полночь, и за полночь. С таким завтраком мы и жили до 12 часов, до обеда, если не удавалось получить с какого-нибудь¹⁰⁵⁵ городского маменькина сынка взятки чем-нибудь¹⁰⁵⁵ съестным из его запаса, с каким его отпускали в семинарию любящие и состоятельные родители. В моем классе был один такой ученик, протоиерейский сын, А. Васильков; он водил своих приятелей-бурсаков на чай¹⁰⁵⁶ даже в близ находившийся трактир Лопатова, но приятелей этих у него было немного, всего два товарища, Снежнацкий и Белицкий.

Обеды и ужины состояли у нас из двух блюд: первое — щи, или¹⁰⁵⁷ похлебка, или¹⁰⁵⁸ горох, второе — неизменная гречневая каша. В скоромные дни щи варились с говядиной, но говядина подавалась в таком количестве¹⁰⁵⁹, что почти все равно, если бы ее и не было. Она накладывалась в миску нарезанная маленькими¹⁰⁶⁰ кусками в один глоток, по одному или по 2 кусочка на брата. Чтобы кто-нибудь из ловких не съел более других, положено было за правило брать эти куски уже под конец хлебанья пустых щей по команде: *sum omnibus*. После этой команды куски быстро расхватывались. Случались, впрочем, злоупотребления и при таком дележе мяса, но они осуждались всеми участниками миски и производили опасное негодование против виновного едока. На каждой миске сидело по 6 человек; отдельных тарелок не полагалось, — все ели из общей посуды. Тарелки

¹⁰⁵⁴ Вместо: писания чужих — было: над чужими

¹⁰⁵⁵ чем-нибудь вписано.

¹⁰⁵⁶ на чай вписано.

¹⁰⁵⁷ или вписано.

¹⁰⁵⁸ или вписано.

¹⁰⁵⁹ Далее было: <ото>рое

¹⁰⁶⁰ маленькими вписано.

были деревянные, простые кружки для помещения хлеба и ложки. Ножей и вилок тоже не было, да они были и не нужны. Ложки были свои деревянные; каждый бурсак приносил свою ложку с собой и по окончании еды, вытерев этот инструмент коркой хлеба или тщательно облизав, уносил его с собой в свой N. Потерять или изломать ложку было поэтому великим бедствием. В постные дни щи подавались совершенно пустые, — впрочем, и о скоромных щах существовало присловье: «Щи, хоть кнутом хлыщи, — только пузырь вскочет». Рыба полагалась во щи, кажется, всего только два раза в год, — в Благовещение и на И. Дамаскина (4 дек.), и какая рыба! Это были ржавые соленые леши, от которых щи получали такую остроту, что если капнешь ими на свой нанковый скюртук, так на нем и останется несмываемое желтое пятно. В первую и последнюю неделю <Великого> поста нам даже и не варили ничего и ничего не давалось с маслом¹⁰⁶¹, а кормили капустой, огурцами, картофелем с квасом; последнее блюдо мы даже любили и предпочитали и щам, и гороху, — намнем картофелю помягче, польем ква-

// л. 50

сом и лакомимся всласть. О каше в одной бурсачьей песне поется: «Каша *miseria*¹⁰⁶² наша». У нас она была не *miseria*, а лакомство. Ее подавали только одну миску на шестерых без прибавки, к<ото>рая допускалась для щей и гороху. Масла и постного, и скоромного на миску полагалось только по одной ложке. Масло это разносил в большой кастрюле дежурный старший и поливал ложкой каждую миску. Товарищам он отпускал по полной ложке, а то и по две на миску; потом все уменьшал порцию и, дойдя до учеников училища, обедавших с нами в одной столовой вместе, ограничивался несколькими каплями, а то даже в насмешку тыкал в миску задком ложки, не обращая никакого внимания на мольбы и даже иногда слезы бедных голодных мальчуганов. Да, когда он доходил до училищных мальчиков, у него в кастрюле и в самом деле уже все масло истощалось. Его отпускалось что-то очень мало. — Раз два-три¹⁰⁶³ в год: в Пасху, на день И. Дамаскина и после торжества публичного экзамена — отпускалось нам даже жаркое, конечно, в таких же размерах, к<а>к говядина — по два кусочка телятины или баранины.

Как только оставались мы живы при таком содержании! А были все-таки живы, даже физически развивались и были веселы. Семинарская больница даже часто пустовала, несмотря на то, что состояла всего из двух комнат (одна была для заразных больных). Впрочем, хворать нам было запреще-

¹⁰⁶¹ и ничего не давалось с маслом вписано.

¹⁰⁶² *miseria* (лат.) — горе, беда, несчастье.

¹⁰⁶³ -три вписано.

**СПАЛЬНАЯ КОМНАТА
НИЖЕГОРОДСКОЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.
1913 г.**

но и в больницу принимали больных¹⁰⁶⁴ только в крайних случаях. Принято было премогаться [166] в болезни до последней степени и хворать у себя в Номерах или по квартирам. Я был в больнице только раз, захворавши тифом. Большим утешением для моего голодного живота были мои посещения родного ковалихинского гнезда. Нас отпускали с бursы только по воскресеньям и праздникам после обедни до 5 часов вечера. Дома, при всей скудости, бывало хоть говядины или рыбы поешь и чаю напьешься. А если зайдет к нам дядя Иван Алексеич, то и лакомства увидишь; он любил нас и много нам помогал. Вакаты — рождественский, пасхальный, летний — я все проводил дома и в то время по возможности отъедался у скудного, но сравнительно все-таки сытного стола мамы и бабушек. Летом я живмя жил на ярмарке или на Волге, к<а>к в детские годы. Общество, в котором приходилось вращаться в эти дни свободы, было, конечно, самое низменное, — все та же Ковалиха с ее мальчишками, мешанами и самыми грубыми нравами. У дяди были хорошие знакомства, но где уж было лезть в порядочные дома нашему брату, необразованно-

¹⁰⁶⁴ Больных вписано.

му и грубому нищему бурсаку? Даже внешность мешала подняться из своей ковалихинской среды, — не было одеяния для входу в какой-нибудь чиновничий чертог. Эта статья нашего бурсацкого содержания тоже требовала многого лучшего.

Мальчики училища ходили летом в полосатых халатах, надеваемых прямо на белье из грубого холста, а зимой в халатах же из черного толс-

// л. 50 об.

того сукна и в личных сапогах без чулок, заменявшихся собственными портянками. Мы — семинаристы — щеголяли в нанковых [167] сюртуках и брюках. Сюртуки шились длинные, на четверть от пола, и застегивались обязательно на все пуговицы, п<отому> что под ними, кроме грязного холстового белья, ничего не было. В парады и в церковь надевались сюртуки суконные, из черного грубого сукна, такого же покроя, к<а>к нанковые; а верхняя одежда, главным образом на зиму, состояла из таких же суконных халатов. Сапоги были, к<а>к и в училище, личные и тоже без чулок. Зимой мы обвертывали ноги бумагой от черняков [168] наших литературных произведений. И вот, бывало, бежишь домой в таком одеянии в самые трескучие морозы, зажимая уши и склоня голову,

чтобы не замерзнуть, от семинарии до самой Ковалихи. Но для нас, городских бурсаков, это было еще сносно, — в таком же почти одеянии ездили домой и сельские бурсаки к своим родственникам и ходили даже пешком верст 30–50. Как их только Бог хранил. Летом на вakat чуть ни все семинаристы ходили по домам пешком. Я сам в один вakat, будучи ритором, ходил в Арзамас¹⁰⁶⁵. Путешествия эти совершались гурьбой, иногда человек до 50, с песнями и всякими потехами. Толпа эта постепенно таяла по мере того, к<а>к ее участники достигали родных краев. Под конец от нее оставались только самые дальние пешеходы, человека 3–4. Приволжские жители, у к<ото>рых было в кармане 20–30 копеек, ездили домой на лодках, иногда за участие в гребле. Бывали случаи, что несколько семинаристов, сговорившись, выходили на Волгу ночью и, пользуясь сном караульчиков, скрадывали какую-нибудь лодку и форсированно пускались в свою навигацию, стараясь за ночь уехать к<а>к можно подальше. Под конец пути лодка бросалась на волю Божию. Так ездили особенно Васильские семинаристы. Один был из моего курса, мой хороший приятель.

Путешествие мое в Арзамас¹⁰⁶⁶ было немного с задней мыслью. Наше семейство думало, не обратят ли внимание на нашу нищету родственники матери, из к<ото>рых нек<ото>рые были люди с достатками, хотя и неважными. Но на этот раз Арзамас заставил меня вполне разочароваться в нем. Тетки встретили меня неласково, дурно отзывались о моей матери, намекали на какие-то про нее сплетни об ее нравственности, о каких-то деньгах, которых будто бы у нее много, — вероятно, они слышали о сборе в нашу пользу среди прихожан покойного отца и т. п. Многого из их намеков я даже и не понимал. Одна только тетка Анна, по летам моя ровесница, была ко мне ласкова, и я от души полюбил ее. Такие отношения их к моей матери больно отозвались на моей душе; я даже захворал какою-то нервной болью в груди¹⁰⁶⁷. Вскоре после меня туда явилась¹⁰⁶⁸ и моя мать, взяв с собой сестру Варю и маленького Андрея¹⁰⁶⁹. Ее поездка была удачнее. Варю оставили в Арзамасе, и она много лет жила там то у той, то у другой тетки, и к<а>к после рассказывала, очень бедствовала на поло-

// л. 51

жении какой-то девки-чернавки, особенно после смерти бабушки — главы семейства, все-таки более участливой к нашему сиротству.

¹⁰⁶⁵ Далее было: и в с. Кобылино за Арзамасом

¹⁰⁶⁶ Далее было: и Кобылино

¹⁰⁶⁷ Далее было: и уехал из Арзамаса с самыми дурными чувствами к Арзамасской родне

¹⁰⁶⁸ Вместо: явилась — было: ездила

¹⁰⁶⁹ и маленького Андрея вписано.

Семейство наше убавилось еще двумя членами. В детстве умер брат Андрей, и прекрасно сделал; смерть была для него великим благом. Он был слабый, золотушный мальчик. Золотуха поразила его глаза и на обоих глазах набила большие бельма. Он уже начал ходить, и тяжело было видеть, к<а>к он, протянув вперед худенькие ручки, шел ощупью, напри<ер>, на мой голос. Почему-то он особенно меня любил и звал Кока; я был его восприемником при крещении. Он умер в Арзамасе, еще когда я там был, около меня ночью, — мы спали вместе рядом. Это было летом в 1852 году. В августе¹⁰⁷⁰ я должен был уехать из Арзамаса в Нижний к началу учебного года¹⁰⁷¹, когда меня из риторики перевели в философию или среднее отделение семинарии. Мать осталась пока¹⁰⁷² в Арзамасе, и без нее в семье случилась дурная такая же грустная убыль, умерла сестра Маша, тоже моя крестница¹⁰⁷³. Без матери она оставалась на попечении бабушки Ирины Ивановны. Как-то вечером бабушка вышла из комнаты, в которой они вдвоем с Машей сидели у стола с догравшей уже¹⁰⁷⁴ свечкой. В отсутствие бабушки Маша влезла на стол и платьицем задела огонь огарка. Платьице вспыхнуло, а за ним загорелась занавеска на¹⁰⁷⁵ соседнем окне. Бог знает, чем бы это кончилось, но, к счастью, мимо окна проезжала какая-то барыня; увидавши в окне огонь с прыгающим среди него ребенком, она подняла тревогу в доме, но было уже поздно — ребенок весь уже¹⁰⁷⁶ обгорел. На другой день, кажется в воскресенье, я пришел домой из бursы и увидел на столе что-то вроде жаркого, — это была Маша. Вскоре приехала мамаша. Что у нее было с бабушкой, только после этого отношения их окончательно испортились. Смерть Маши произвела сильное подавляющее впечатление на бабушку Ирину. Она считала себя виновницей этой смерти и во всю свою жизнь не могла простить себе этой вины.

Едва ли не в том же, 1852 г. (хорошенько не помню) поступил наконец в училище брат Павел. Он несколько времени продолжал жить при матери, пока не поступил тоже на бурсу. В училище он стал учиться лучше, чем дома. Страх наказаний заставил его перестать быть свободным художником-лентяем и живо пробудил его недюжинные умственные способности. В семинарии, куда

¹⁰⁷⁰ В августе — исправлено на: В конце августа — и восстановлено.

¹⁰⁷¹ Далее было: (1 сентября)

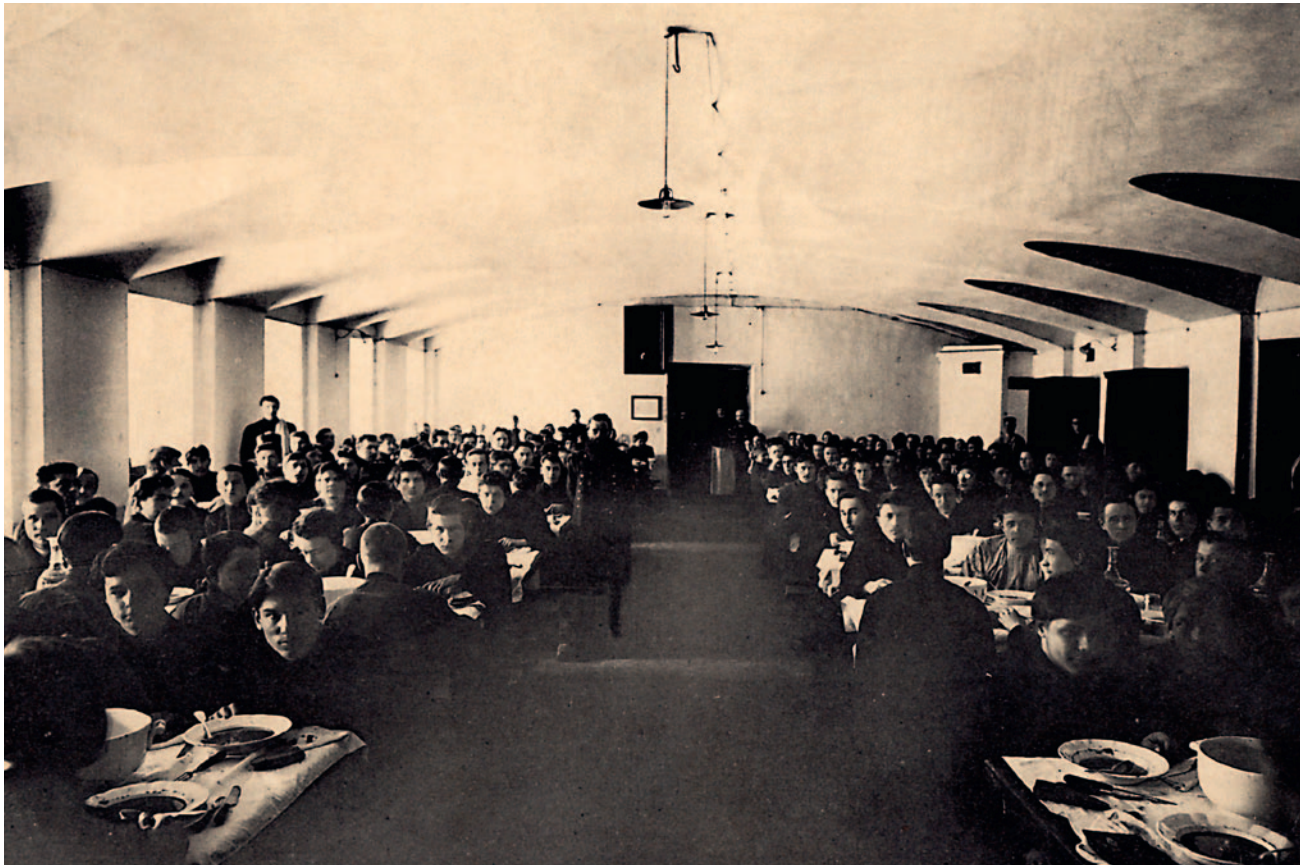
¹⁰⁷² пока вписано.

¹⁰⁷³ тоже моя крестница вписано.

¹⁰⁷⁴ догравшей уже вписано.

¹⁰⁷⁵ Далее было: окне

¹⁰⁷⁶ уже вписано.

**СТОЛОВАЯ
НИЖЕГОРОДСКОЙ
СЕМИНАРИИ. 1913 г.**

он перешел в 1856 г., в год окончания мною полного семинарского курса, он был уже¹⁰⁷⁷ в числе отличных учеников, хотя и не отстал от своей рассеянности и постоянно оставался врагом всякой методической работы. Мы составляли с ним совершенный контраст в этом отношении. С братом Алексеем бурса меня разлучила надолго. Он жил где-то на квартире и был певчим в частном хоре некоего Мичурина при церкви Живоносного Источника. Мы с ним сходились только по праздникам, когда меня отпускали домой, и летом. Помню, как в один из вакатов, летом, мы ходили с ним на его родину в Балахну пешком за 30 с лишком верст, и дорогой от скуки читали сказку

// л. 51 об.

об Еруслане Лазаревиче лубочной печати с картинками, которую по дороге купили на ярмарке. До какой степени мало были мы развиты в литературном отношении, показывает то, что мы серьезно увлекались сказочным рассказом, часто останавливались на дороге, чтобы свободнее насладиться этим произведением, оттого шли очень медленно, — выйдя из Нижнего поутру, мы достигли Ба-

лахны уже ночью. Балахнинская семья мне не понравилась, и я провел среди нее несколько дней скучно. У дяди Степана мне понравилась только камер-обскура¹⁰⁷⁸ [169], которой я много занимался, изучив ее устройство и секрет, и после устроил такую же самодельную штуку у себя.

Из товарищей по бурсе я более всех сошелся с двоими — Алексеем Фоминским и Вас<илием> Владимирским. Первый был мальчик средних дарований и не занимал меня с умственной стороны, но он был нежный, добрый, привязчивый, подходил даже на девочку. Мы с ним долгое время сидели в классе рядом, — это нас и сблизило, и соединило в какую-то сентиментальную связь. Владимирский имел на меня более серьезное, развивающее влияние. Еще в училище он выдавался своей любознательностью и развитием. Он был старше всех нас годами и, пожалуй, талантливей, любил чтение, и самое разнообразное. В то время как мы могли увлекаться какой-нибудь сказкой, он уже серьезно занимался литературой, перечитал несколько русских писателей, какие могли попадаться ему в руки, занимался естественно-

¹⁰⁷⁷ уже вписано.

¹⁰⁷⁸ Так в рукописи.

**ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
ЗНАМЕНСКИЙ,
БРАТ П. В. ЗНАМЕНСКОГО.**
АРХИВ О. В. ТРОПОЛЬСКОЙ.
ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ.

историческими, географическими и историческими статьями, делал из них многочисленные выписки, даже с рисунками (обыкновенно пером) и удивлял меня своими энциклопедическими сведениями. К несчастью, у нас не было под руками никаких порядочных книг, и он должен был прибавляться лишь случайными и разрозненными¹⁰⁷⁹ книжками кое-каких иллюстраций, «Библиотекой»¹⁰⁸⁰ для чтения» Сеньковского, листком Тимма [170] и т.п., к^{ото}рые брал у городских товарищей. Я скоро сблизился с ним, хотя он учился в другом отделении нашего класса и сохранил эти близкие отношения и после до самого окончания нашего курса. Он имел значительное влияние на расширение моего научного кругозора и развитие любознательности. Это был редкий ученик между своими¹⁰⁸¹ товарищами, занимавшимися исключительно зубрением учебников и ничего не читавшими. По целым часам мы ходили с ним по нашему коридору, а летом по семинарскому саду, беседуя о разных разностях, больше по ученой или художественной части.

Считаю долгом помянуть здесь добрым словом одного из тогдашних учеников богословского клас-

са, добрейшего Александра Мих^айловича Преображенского. Богословы и даже философы держались с нами, риторам, обыкновенно очень высоко и далеко. Ал^{ександ}р Мих^айлови^ч составлял исключение. Он принял нас с Владимирским под свое особенное покровительство и принялся развивать нас. Это был природный педагог, и после окончания курса посвятивший всю свою

// л. 52

жизнь народной¹⁰⁸² школе. Он часто, почти каждый раз, как мы выходили с Владимирским в коридор или в сад, присоединялся к нам и вел с нами продолжительные беседы на философские и богословские темы. Он сам увлекался тогда «Маяком» Бурачка и держался в пределах резонирования этого известного тогда благочестивого и ретроградного журнала, которому покровительствовали и наши монахи. Но для нас рассуждения его были совершенно новы и действовали к^ак на чувства, т^ак и на пробуждение мыслительности. Он втягивал нас даже в споры с собой и любовался нашей молодой горячностью и изворотливостью. Я был много обязан ему в деле пробуждения мыслительности. Он кончил курс, когда мы перешли в философский класс, поступил в священники и сделался известным по своей народно-школьной деятельности, был инспектором нижегородского епарх^иального училища и выпустил из него много благодарных ему добрых воспитанниц¹⁰⁸³, затем перешел в Самарскую епархию и скончался недавно в сане протоиерея в Бузулуке. Я вел с ним постоянную переписку до самой его кончины. В академии у меня учился в 1880-х годах сын его, Павел Ал^{ександ}рович Преображенский, прекрасный и образованный студент, которого я прочил на свое профессорское место в академии; но он сам отказался от моего предложения и остался учителем Самарской семинарии.

Беседы с Ал^{ександ}ром Мих^айлови^чем были полезны для меня еще в том отношении, что научили меня смирению, горькому сознанию моих научных и мыслительных недочетов. Он был такой умный диалектик, такой ученый передо мной человек, что в некотором роде даже подавлял меня своим умом и ученостью. Видя в лице его, какие люди учатся в высших классах семинарии, я с трепетом думал, как я буду учиться в следующем классе такой мудрой науке, к^ак философия, требующей¹⁰⁸⁴ столько ума и мыслительности, каковых у меня после двухлетних занятий одной зубристикой учебников чувствовалось очень мало. Я всегда имел привычку, при самой зубристике уроков, заглядывать в учебниках вперед на один

¹⁰⁷⁹ и разрозненными *вписано*.

¹⁰⁸⁰ В *рукописи* ошибочно: Библиотека

¹⁰⁸¹ Вместо: своими — было: нами

¹⁰⁸² народной *вписано*.

¹⁰⁸³ Далее было: скончался

¹⁰⁸⁴ В *рукописи* ошибочно: требующая

или на два урока, чтобы лучше понимать объяснения наставника при задании урока на следующий класс. Привычку эту я применил и к будущим занятиям в философском классе. Мне вздумалось попробовать, много ли я буду понимать в этой страшной для меня философии. В нашей домашней библиотеке оказался курс философии Надеждина. За него я и принялся, и притом прямо с метафизики. Логика мне была уже отчасти знакома по урокам словесности. О. Паисий очень много распространялся о понятиях, суждениях и умозаключениях, особенно о курьезах софистики. Психология тоже казалась мне одной из наиболее простых частей философии. Философия Надеждина написана доволно популярно и языком по возможности чисто русским, и я стал ее понемногу осиливать. Чтение ее я даже сопровождал изложением прочитанного, к а к его понимал. Т а к

// л. 52 об.

проштудировал я около половины «Метафизики» и составил доволно большую тетрадь собственного ее изложения. Записки эти долго хранились у меня в бумагах, но потом куда-то исчезли. Может быть, я и сам истребил их. А очень бы любопытно было прочитать это произведение юного философского ума, пробовавшего свои мыслительные силы. Работа эта, помнится, меня очень ободрила, и я перестал уже трепетать пред будущей моей наукой.

В 1852 г. благополучно совершился переход мой в философский класс и на бурсе перемещение из 7 Н в 3-й, где жили уже философы. Изменилось и социальное, т а к сказать, положение нас в бурсацком обществе. Философ был тут уже в нектором роде персона, с которой старшие и все вообще богословы обращались на «вы» и к отой не могли помыкать, как мальчишкой-словесником. Старшим моим был Ал ександр Флегонтович Спасский, жизнерадостный и простой в обращении толстяк, отличный богослов, посланный по окончании курса в Московскую академию. Через год он был сменен почему-то другим старшим, — Димитрием Ив ановичем Соколовым. Это был маленький, подслеповатый и некрасивый чудак, воображавший себя поэтом и каждый день по вечерам писавший какие-то стихи. Когда он не писал, он сидел неподвижно на своей койке, устремив свои бесцветные очи куда-то за пределы земного мира и не обращая на нас — своих сожителей — никакого внимания. По окончании курса он не искал себе места ни на духовной, ни на гражданской службе, уехал в Петербург учиться, но жил там уроками. Кончил жизнь скоро, выкинувшись из окна своей квартиры в 4-м этаже на мостовую¹⁰⁸⁵.

¹⁰⁸⁵ Текст: По окончании курса — на мостовую. — *описан справа на полях.*

Начальство его не любило и скоро убрало от нас. За ним следовал третий старший — Митрофан Евфимович Лебедев, изящный молодой человек, тоже поэт и большой мечтатель. Очень интересовался столоверчением и животным магнетизмом. Почему-то он усмотрел большой запас этого магнетизма во мне и проникся ко мне великим уважением и магнетическим влечением. По окончании курса он уехал в Петербург, писал оттуда мне письма, где-то там учился; умер очень скоро.

Философская наука далась мне без особого труда. Она начиналась у нас с логики, которая преподавалась по запискам, составленным сокращенно по формальной логике Бахмана. В библиотеке отца был печатный экземпляр этого Бахмана [171] в русском переводе, много помогавший¹⁰⁸⁶ мне в изучении кратких записок. На кафедре философии я стал известного по воспоминаниям Н. А. Добролюбова (выше меня одним курсом) Ив ана Максимова Сладкопевцева. С восторженным отзывом об этом профессоре Добролюбова я совершенно согласен. Мне нравились и его наружность, и его изящные¹⁰⁸⁷ манеры, и всегда щеголеватая, хотя и простая для нашего понимания речь. В течение всего своего¹⁰⁸⁸ урока он обыкновенно мерным, тихим шагом ходил по классу взад и вперед, заложив большие пальцы обеих рук в верхние петли сюртука и устремив взор вперед куда-то выше горизонта и говорил, говорил непрерывно, приковывая к своему уроку все наше внимание. Это был изящный профессор, в обращении с нами деликатный, но к лентяям презрительно-строгий. Старшие воспитанники, однокурсники Добролюбова, особенно восхищались уроками Ив ана Максимова¹⁰⁸⁹ча по патрологии, соединенной

// л. 53

тогда с философией, а не уроками этой главной науки в классе. Вероятно, он был особенно занятелен и красноречив по истории отцов. Но мы не имели удовольствия слушать его патрологические уроки за переводом¹⁰⁸⁹ его из Нижегородской семинарии в его родную Тамбовскую семинарию.

Этому наставнику я лично был столько же обязан, как в училище Е. А. Садовскому. Иван Максимович сразу заметил меня по первым же сочинениям по его предмету. Помню, одно сочинение на доволно сухую тему о различии между понятиями и суждениями он читал в¹⁰⁹⁰ классе вслух как образцовое, даже в двух экземплярах: одно с моей подписью, другое, которое я на-

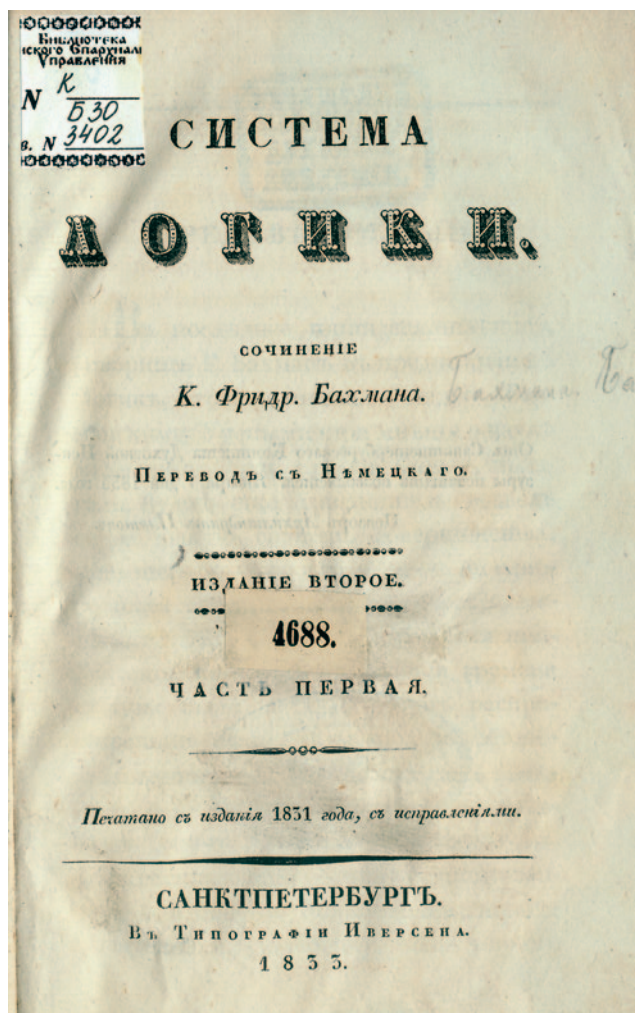
¹⁰⁸⁶ Вместо: помогавший — было: помогавшим

¹⁰⁸⁷ изящные *описано.*

¹⁰⁸⁸ своего *описано.*

¹⁰⁸⁹ Вместо: переводом — было: выходом

¹⁰⁹⁰ Вместо: в — было: на

писал одному товарищу Бенедиктову, за подписью этого Бенедиктова, очень неважного ученика. Сочинения были написаны мною по-разному, но профессор узнал мой стиль и, сравнивая оба произведения, указал особенности моей манеры писать; при этом оказалось, что сочинение под фамилией Бенедиктов, написанное наскоро и короткое, без особенных затей, оказалось лучше моего собственного. Ив<ан> Максимович, впрочем, и то и другое похвалил, определив их к<а>к произведения¹⁰⁹¹ художественные. Бенедиктову, конечно, досталось за обман, а я остался даже в выигрыше, т<а>к к<а>к б<ыл> посажен на второе место. Первым был ученик Платон Серебровский, сын Балахнинского протоиерея, более всех нас цивилизованный. Под конец философского курса я, впрочем, перешиб его и сел на его место. Он был какой-то болезненный и вялый мальчик и не удержал своего первенства. Это случилось уже при преемнике Сладкопевцева — Павле Ив<ановиче> Раеве [172].

¹⁰⁹¹ произведения *вписано*.

Ив<ан> Максимович служил в нашем курсе недолго, всего месяца три, но успел снискать общее уважение и любовь. Прощанье его с нами было для нас очень тяжело. Он явился в класс, видимо, расстроенный и все время говорил нам трогательную прощальную речь на тему: да не смущается сердце ваше. Более чувствительные люди даже всплакнули во время этой длинной речи. В Тамбовской семинарии он не имел такого положения, как у нас, считался заурядным наставником. Упадку его престижа, вероятно, много способствовала его слабость к винопитию, которая была незаметна в Нижнем, а в Тамбове стала сильно развиваться. Он принял там свящ<еннический> сан и под конец жизни¹⁰⁹² сделался довольно грязненным попом, нисколько не напомиавшим прежнего Ив<ана> Максимовича, красивого и изящного джентльмена и оратора.

Преемник его П<авел> Ив<анович> Раев, нижегородец по семинарии и магистр IV курса Казанской академии, поступил в наш класс в самом конце 1852 г., а уроки начал уже с нового, 1853 года. После блестящего Сладкопевцева он показался нам очень простеньким наставником и возбудил даже некоторое подсмеивание над недостатками его речи; он не выговаривал буквы *р*, заменяя ее грубым *лг*, напр<имер> вместо «рассуждение» говорил «лгассуждение», «храм»

// л. 53 об.

— «хлгам» и т. п. Держался он каким-то бурсачком, был застенчив и постоянно конфузился и краснел, нас, видимо, робел, обращался на «вы», что еще было тогда в диковинку между наставниками, и был к нам добр. Ко мне благоволил и постоянно меня отличал и за устные, и за письменные ответы; однажды сделал мне даже необыкновенную тогда честь, пригласил к себе пить чай вечером и любезно со мной разговаривал. До конца учебного года он преподавал нам психологию, а весь следующий второй год философского класса — патрологию. К его же кафедре принадлежал латинский язык, но он его не преподавал, считая его нам известным¹⁰⁹³, мы только¹⁰⁹⁴ каждый месяц должны были писать ему¹⁰⁹⁵ по одному латинскому сочинению на философские или патрологические темы. Судя по поправкам его на этих сочинениях, он был порядочным латинистом. Преподавание его было не залетисто, не блестяще, но дельно и очень полезно. Это был аккуратный и исправный наставник, но т<а>к сказать будничный человек, учитель, а не профессор, каким

¹⁰⁹² Далее было: уже

¹⁰⁹³ Далее было: но

¹⁰⁹⁴ только *вписано*.

¹⁰⁹⁵ ему *вписано*.

был Сладкопевцев. Вследствие этого его меньше ценили, чем последнего и¹⁰⁹⁶ даже другого, молодого¹⁰⁹⁷ наставника на классе философии во втором отделении, Лазаренко, приехавшего из Киевской академии и несколько напоминавшего Сладкопевцева.

Вскоре Раев женился на дочери богатого протоиерея Покровской церкви Ивана Львовича, замечательной красавице. Он после поступил на место тестя, когда этот после вдовства постригся в монахи и сделался настоятелем Арзамасской Высокогорской пустыни [173]. После моего окончания курса Павел Иванович сделался¹⁰⁹⁸ инспектором семинарии, а после вдовства, к¹⁰⁹⁹ и тестя, принял монашеский постриг с именем Палладия. Судьба привела меня снова встретиться с ним, когда я был уже профессором академии¹⁰⁹⁹; в 1880-х годах он приехал в Казань в сане казанского архиепископа. В 30 лет, проходя архиерейские должности в разных епархиях, он до того изменился, что я едва узнал в нем прежнего Павла Ивановича¹¹⁰⁰. Он стал совершенным аристократом-вельможей, с светскими манерами, с любовью к блеску и пышности, напоминающим вельмож и, к¹¹⁰¹ я сравнивал его про себя, даже барынь XVIII века. Это была удивительная метаморфоза, совершенно для меня неожиданная. Но об его архиепископстве речь должна быть потом, в свое время.

Философия, к¹¹⁰² она ни была в мое время урезана по воле имп¹¹⁰³ератора Николая I и обер-прокурора Протасова, была самою важною наукой¹¹⁰¹ для умственного развития семинаристов и изучалась усердно, к¹¹⁰⁴ главный предмет. Лучшие ученики не довольствовались одними¹¹⁰² ее обгрызками в виде краткой логики и опытной психологии и по возможности выступали за эти краткие ее пределы в область метафизики, но истории ее совершенно не знали; не доходили до них и тогдашние модные веяния зап¹¹⁰⁵адной философии. О Шеллинге и

// л. 54

Гегеле семинарские философы даже и не слышали, — т¹¹⁰⁶а к крепко берегло¹¹⁰³ духовное начальство нашу православную непосредственность и невинность. Либеральные мысли, без которых не мог-

АРХИЕПИСКОП ПАЛЛАДИЙ (РАЕВ).
ИЗ АРХИВА
О. В. ТРОПОЛЬСКОЙ

ло обойтись наше кустарное философствование, являлись в наших головах понаслышке со стороны, по традиции от¹¹⁰⁴ старых схоластических т¹¹⁰⁵а к называемых¹¹⁰⁵ воззрений и отчасти от собственных наших голов, тоже в¹¹⁰⁶ кустарном виде. Семинарская педагогия всегда усердно поощряла развитие¹¹⁰⁷ мыслительности в учениках и особенно среди философов, муштровало их возражениями и диспутами в классе. Но зато всякие реальные, фактические занятия были почти в полном пренебрежении и ценились очень невысоко, наприм¹¹⁰⁸ер занятия исторические. ✚

Петр Васильевич Знаменский скончался
2-го мая 1917 г. по с/с <старому стилю>.
И. Покров¹¹⁰⁹ский>.

// л. 54 об.

¹⁰⁹⁶ Вместо: и — была запятая.

¹⁰⁹⁷ молодого вписано.

¹⁰⁹⁸ Вместо: сделался — было: был

¹⁰⁹⁹ Далее было: он

¹¹⁰⁰ Далее было: Это был уже

¹¹⁰¹ Вместо: самою важною наукой — было: самым важным предметом

¹¹⁰² одними вписано.

¹¹⁰³ Далее было: наше

¹¹⁰⁴ от вписано.

¹¹⁰⁵ Т¹¹⁰⁵а к называемых вписано.

¹¹⁰⁶ В вписано.

¹¹⁰⁷ Вместо: развитие — было: мыслит

Комментарии

1. Ковалихинская улица, в просторечии Ковалиха, — улица в восточной части исторического центра Нижнего Новгорода. Название связано с тем, что в этом месте селились кузнецы.
2. Коваль (устар.) — кузнец.
3. Мартыновская улица (ныне ул. Семашко) — улица в Нижнем Новгороде. Проектировалась в 1770 г., но застраивалась медленно, частями из-за неудобства и перепада высот рельефа. В начале XIX в. на склоне Ковалихинского оврага поселился полковник С. М. Мартынов, имевший дома и в других частях города. Улица стала именоваться в обиходе Мартыновской.
4. Ковалиха — так называли речку, некогда текшую из Звездинского оврага на месте Алексеевской улицы, Чёрного пруда и Ковалихинской улицы. В настоящее время речка заключена в коллектор.
5. Чёрный пруд — небольшая площадь и одноименный сквер у пересечения улиц Ошарской и Пискунова. Сегодня от водоема, где еще в начале XX в. нижегородцы катались летом на лодках, а зимой на коньках, осталось лишь название.
6. Варварская улица (после революции 1917 г. до начала 1990-х гг. — улица Веры Фигнер) — одна из центральных улиц Нижнего Новгорода.
7. Деревянная церковь святой великомученицы Варвары была построена в начале XVI в. Каменная однокупольная одноглавая церковь построена в 1757 г. «тщанием» дьяка Денисова и служащего Строгановых Шушпанова.
8. Кивер — военный головной убор из твердой кожи.
9. Алебарда — старинное оружие, секира на длинном древке.
10. Корчага — большой глиняный горшок для хозяйственных надобностей.
11. Избойна — остатки семян в маслобойном производстве, жмых.
12. Цитируется стихотворение В. А. Жуковского «Певец в стане русских воинов». В оригинале: «Чье сердце не дрожит, тебя благословляя».
13. Выдряпаться (диалект.) — с усилием выбраться откуда-либо.
14. Подклет — нижний нежилой этаж старинного русского дома, избы, служащий для хранения чего-либо.
15. Тес — тонкие доски.
16. Луб — внутренняя часть коры деревьев, используемая при строительстве.
17. Дьяконица (устар.) — жена дьякона.
18. Притон (устар.) — пристанище, прибежище, приют.
19. Архиепископ Иоанн (в миру Михаил Степанович Доброзраков; 1790–1872) — архиепископ Донской и Новочеркасский. Выпускник Нижегородской духовной семинарии (1811) и Санкт-Петербургской духовной академии (1817), инспектор (1821), экстраординарный профессор (1822) и ректор (1826) Санкт-Петербургской духовной академии, доктор богословия (1825), епископ Пензенский и Саранский (1830–1835), епископ Нижегородский и Арзамасский (1835–1847), архиепископ Донской и Новочеркасский (1847–1867). Скончался 23 июня 1872 г.; 4 октября 1911 г. при вскрытии могилы для перенесения останков в усыпальницу под Новочеркасским кафедральным собором его тело и одежды были найдены нетленными.
20. «Лолота и Фанфан» — роман французского писателя Франсуа Гийома Дюкре-Дюминиля (1761–1818), автора многотомных сентиментально-моралистических произведений для юношества, чрезвычайно популярных у читателей конца XVIII — начала XIX в.
21. Графиня де Жанлис (1746–1830) — французская писательница, автор сентиментальных романов, пользовавшихся широкой популярностью по всей Европе: «Адель и Теодор, или Письма о воспитании», «Вечера в замке, или Уроки морали применительно к детскому возрасту» и др. Была воспитательницей детей в семье герцога Шартрского, в их числе были будущий король Франции Луи-Филипп I и его младшая сестра Аделаида.
22. Архиепископ Иаков (в миру Иосиф Иванович Вечерков; 1792–1850) — архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Выпускник Белгородской духовной семинарии (1814) и Санкт-Петербургской духовной академии (1819), преподаватель и инспектор Орловской духовной семинарии (1819–1823), ректор Екатеринбургской духовной семинарии (1823–1832), епископ Саратовский и Царицынский (1832–1847), епископ Нижегородский и Арзамасский (1847–1850). Скончался 25 мая 1850 г.
23. Великомученица Евфимия Всехвальная пострадала за Христа в Халкидоне около 304 г. Впоследствии на могиле святой был возведен величественный храм. В этом храме происходили заседания IV Вселенского Собора в 451 г., во время которых великомученица Евфимия чудесным образом подтвердила православное исповедание, положив предел ереси монофизитов. После взятия Халкидона персами в 617 г. мощи святой были перенесены в Константинополь

(около 620 г.). В период иконоборческой ереси рака с мощами святой Евфимии оказалась брошенной в море. Благочестивые корабельщики извлекли их. Впоследствии они попали на остров Лемнос, а в 796 г. были возвращены в Константинополь. В настоящее время мощи святой великомученицы Евфимии Всехвальной хранятся в патриаршем кафедральном соборе великомученика Георгия Победоносца Константинопольского Патриархата (Стамбул).

24. Мороковать (устар.) — понимать, разбираться, знать толк.

25. Причетник — член причта церкви, общее название всех церковнослужителей: дьячков, чтецов, псаломщиков, пономарей и т. п.

26. Покорище (устар.) — покорность.

27. Просвирня (устар.) — женщина, занимавшаяся выпечкой просфор (в обиходе «просвир»).

28. Ревизские сказки — документы, отражающие результаты проведения ревизий податного населения Российской империи в XVIII — первой половине XIX в., проводившихся с целью подушного налогового обложения населения.

29. Епископ Ириней (в миру Иван Акимович Фальковский; 1762–1823) — ученый-просветитель и астроном. Учился в Киевской духовной академии (1773), в Пресбургской гимназии в Братиславе (1777), в Королевской гимназии (1778) и в Офенском университете Будапешта (1782). Был ректором Киевской духовной академии (1803–1804), епископом Чигиринским, викарием Киевской митрополии (1807–1812), епископом Смоленским и Дорогобужским (1812–1813), снова епископом Чигиринским (1813–1823). Был одним из образованнейших иерархов своего времени и много писал на славянских, русском, латинском, немецком и французском языках по самым разнообразным предметам: сочинял богословские трактаты, проповеди, толкования Священного Писания, трактаты и статьи по философии, хронологии, медицине, астрономии, высшей математике, истории, географии, статистике, архитектуре, писал псалмы, тропари, стихиры, гимны и элегии, составлял учебники, календари и проч.

30. Святитель Илия Минятий (1669–1714) — епископ Керники и Калаврита в Морее (территория современной Греции), проповедник и богослов. Уроженец острова Кефалония (Греция), он получил образование в Флангиановой коллегии в Венеции. С 1689 г. в сане иеродиакона проповедовал в Кефалонии, а с 1695 г. в Занте — главном городе острова Закинф. В 1703 г. Константинопольским Патриархом Гавриилом III (1702–1707) был назначен проповедником Великой Церкви и учителем патриаршей школы. В 1705 г. вернулся в Кефалонию, затем на Корфу, получил должность учителя и проповедника в городе Навплии (Пелопоннес). В 1711 г. занял Керникскую кафедру. Его книга «Камень соблазна, или Историческое пояснение о начале и причине разделения между Восточной и Западной Церквами», изданная в 1717 г. в Лейпциге, в 1783 г. была переведена на русский язык и издана в Санкт-Петербурге. К этому изданию приложено и «Житие Илии Минятия». В 1788 г. появились на русском языке его проповеди, новый перевод которых был издан в 1902 г. в Сергиевом Посаде.

31. Святитель Иннокентий Пензенский (в миру Иларион Дмитриевич Смирнов; 1784–1819) — епископ Пензенский и Саратовский, ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии. Выпускник Перервинской семинарии (1804), затем обучался в философском и богословском классах семинарии Троице-Сергиевой лавры (1804–1806), преподаватель богословия в Санкт-Петербургской духовной академии (1812), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии и профессор богословия (1812–1819), епископ Пензенский и Саратовский (1819), причислен к лику святых Русской Православной

Церкви для общецерковного почитания на Юбилейном Архиерейском соборе 2000 г. Мощи святителя Иннокентия хранятся в Успенском кафедральном соборе Пензы. Историко-церковные и богословские работы епископа Иннокентия, подготовленные во время преподавания в академии и семинарии, имели большое значение. Его капитальный труд, изданный в 1817–1818 гг. под названием «Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII в., в пользу духовного юношества», выдержал много изданий и долгое время служил единственным руководством для преподавания в семинариях.

32. Протоиерей Иоанн Васильевич Леванда (1734–1814) — известный проповедник. Выпускник Киевской духовной академии (1760), священник Киево-Подольского Успенского собора (1763–1786), протоиерей кафедрального Софийского собора (1786–1814). Скончался 25 июня 1814 г., погребен 27 июня в Благовещенском приделе Софийского собора, став единственным представителем белого духовенства, похороненным здесь. За оригинальность и изящество языка своих проповедей, которые изобилуют эффектными риторическими приемами, получил от современников прозвание «Киевский Златоуст».

33. Речь идет о митрополите Московском Платоне (Левшине) (1737–1812).

34. Митрополит Рязанский и Муромский Стефан (в миру Симеон Иванович Яворский; в унии Станислав; 1658–1722) — местоблюститель патриаршего престола в годы, предшествовавшие упразднению патриаршества при Петре I. С 22 октября 1721 г. президент Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода). Литературное наследие митрополита Стефана (Яворского) весьма обширно: в него входят проповеди, поэтические произведения на церковнославянском, польском и латинском языках, памфлеты, фундаментальный богословский трактат «Камень веры», изданный после его смерти в 1728 г. архиепископом Феофилактом (Лопатинским) и направленный против протестантизма.

35. «Розыск о раскольнической брынской вере» — полемическое сочинение святителя Димитрия Ростовского (1651–1709), направленное против заблуждений последователей раскола («старообрядцев»).

36. «Жезл Правления» — антираскольническое сочинение церковного деятеля, писателя, монаха Симеона Полоцкого (1629–1680).

37. «Пращица духовная раскольнических вопросов и ответов» — антираскольническое сочинение епископа Нижегородского Питирима (1665–1738).

38. Архиепископ Никифор (в миру Николай Феотоки; 1731–1800) — архиепископ Астраханский, Ставропольский, греческий и российский богослов и педагог. Родился на острове Корфу. В 1776 г. по приглашению своего соотечественника Евгения Булгариса, архиепископа Славянского и Херсонского (епископская кафедра, находившаяся в Полтаве), прибыл в Россию. В 1779 г., после отставки Булгариса, сам стал архиепископом Славянским и Херсонским. В конце 1786 г. из Полтавы Никифор был перемещен в Астрахань, на должность архиепископа Астраханского и Ставропольского. В 1792 г. по состоянию здоровья ушел на покой и стал настоятелем московского Данилова монастыря, где скончался 31 мая 1800 г. Автор различных богословских трудов, антираскольнических сочинений. Значительная часть его работ посвящена физике и математике.

39. Василий Григорьевич Григорович-Барский (1701–1747) — русский паломник, путешественник, писатель, публицист, автор сочинения «Пешеходца Василия Григоровича-Барского».

Плаки-Албова, уроженца киевского, монаха антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 г.» (Изд.: СПб., 1778, 1785, 1793, 1800, 1819; М., 1847).

40. Фридрих Готтлиб Клопшток (1724–1803) — немецкий поэт эпохи Просвещения.

41. Джон Мильтон (1608–1674) — английский поэт, политический деятель и мыслитель, автор политических памфлетов и религиозных трактатов.

42. Джеймс Макферсон (1736–1796) — шотландский поэт, мистификатор, прославившийся «переводом с гэльского» поэм Оссиана, на самом деле написанных самим Макферсоном.

43. Возможно, имеется в виду роман французского писателя Пьера Шадерло де Лакло (1741–1803) «Опасные связи», где одним из главных героев является некий Виконт де Вальмон.

44. Полное название книги — «Всеобщий памятник достопримечательнейших происшествий, повествуемых историей Ветхого и Нового Завета Церкви, ученою, естественною и гражданскою, напоминающий о величии и торжестве добродетели и веры, о буйстве и гибели нечестия, страстей и порока, о чудесных усилиях, знатнейших изобретениях и изящнейших произведениях человеческого разума, о редких явлениях и любопытнейших открытиях в природе, науках, искусствах и художествах, о делах и жизни славнейших и известнейших особ и людей обоого пола, ознаменовавших чем-либо необычайным имена свои, и словом, о всех достопамятностях в каждый день года от начала времен до настоящего в сем мире случившихся». Сочинение вышло в 1820 г. в 12 томах.

45. Возможно, имеется в виду книга «Анекдоты об императоре Петре Великом, слышанные от разных знатных особ и собранные покойным действительным статским советником Яковом Штелиным» (М., 1788).

46. Александр Петрович Сумароков (1717–1777) — поэт, драматург и литературный критик; один из крупнейших представителей русской литературы XVIII в.

47. Петриады — эпические поэмы о Петре I, написанные в духе классицизма XVIII в.

48. Николай Гаврилович Курганов (1725/1726–1790/1796) — русский просветитель, педагог, математик, академик Санкт-Петербургской Академии наук, военный моряк, автор и составитель учебников, среди которых — знаменитая в свое время «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей», получившая название «Письмовник».

49. Шарль Луи Монтескьё (1689–1755) — французский писатель, правовед и философ, автор романа «Персидские письма», статей из «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел», труда «О духе законов» (1748), сторонник натуралистического подхода к изучению общества. Разработал доктрину о разделении властей.

50. Имеется в виду книга «Таинство креста, огорчающего и утешающего, умерщвляющего и животворящего, униженного и торжествующего Иисус-Христов и членов его» (СПб., 1814) некоего Дюзетана.

51. Имеется в виду книга «Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: вселенной, человека и Священного Писания» (1818) Дютуа-Мамбрини (1721–

1793), писателя-мистика, идейного последователя мадам Гюйон, который печатался также под псевдонимом Келеф бен Натан.

52. Жанна-Мария Гюйон, урожденная Бувье де ла Мотт, чаще называемая мадам Гюйон (1648–1717) — французский мистик, одна из крупнейших представительниц квиетизма.

53. Кошт (устар.) — расходы на содержание.

54. Прокудник (устар.) — проказник.

55. Епископ Амвросий (в миру Алексей Иванович Морев; 1785–1854) — епископ Пензенский и Саранский. Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии (1807), префект (1813), профессор философии и инспектор Новгородской духовной семинарии (1814), ректор Орловской духовной семинарии (1822), епископ Оренбургский и Уфимский (1823–1828), Волынский и Житомирский (1828–1832), Нижегородский и Арзамасский (1832–1835), Пензенский и Саранский (1835–1854). Отличался неуравновешенным, деспотичным характером. Святейший Правительствующий Синод отменил распоряжения епископа Амвросия, несправедливо извергнувшего из сана нескольких приходских диаконов епархии.

56. Мешкотность (устар.) — медлительность, вялость.

57. Партикулярный (устар.) — частный, неофициальный.

58. Иван Никитич Скобелев (1778/1782–1849) — русский генерал от инфантерии и писатель из рода Скобелевых. Отец генерала Дмитрия Скобелева, дед генерала Михаила Скобелева. Был известным в свое время писателем, выступавшим под псевдонимом «русский инвалид». Писал он исключительно на военные темы. Его произведения пользовались большой популярностью, особенно среди военных. Его книги отличались оригинальной формой изложения, простотой и правдивостью. Среди его произведений: «Подарок товарищам, или Переписка русских солдат в 1812 году, изданная русским инвалидом Иваном Скобелевым» (1822), «Письма из Бородина от безрукого к безногую инвалиду» (1839), пьесы «Кремнев, русский солдат» и «Сцены в Москве в 1812 году» (1839).

59. Павел Васильевич Знаменский — один из младших братьев профессора П. В. Знаменского. Родился в 1839 г. в Нижнем Новгороде. После окончания Нижегородской духовной семинарии в 1862 г. поступил в Казанскую духовную академию, которую окончил в 1866 г. Учился хорошо, имел 5-й номер по разряду из 26 выпускников XI курса и получил звание «кандидат с правом на степень магистра». После окончания академии был определен в Нижегородскую семинарию в класс физики и математики, но через несколько месяцев перешел в класс философии и педагогики. В 1869–1874 гг. преподавал в семинарии татарский язык. С 1869 г. состоял при женском епархиальном училище преподавателем географии, физики и педагогики. В 1882 г. из-за проблем со здоровьем вышел в отставку и в мае того же года скончался в возрасте 43 лет. В «Нижегородских епархиальных ведомостях» (1868, № 6, 9, 10, 21) была напечатана большая часть его курсового сочинения «О значении местных святых во времена удельно-вечевого уклада на Руси» под названием «О местных святынях Древней Руси». В 1870-е гг. напечатал ряд статей в нижегородском «Ярмарочном листке». Павел Васильевич был женат и имел двоих детей: сына Николая и дочь Веру. П. В. Знаменский был очень дружен с семьей брата Павла, после смерти которого материально поддерживал его семью, его вдова и дети посещали Петра Васильевича

в Казани, а племяннице Вере Павловне Знаменской, жившей в Псковской губернии, Петр Васильевич завещал часть своего имущества и денег.

60. Подзор — резной карниз.

61. Арзамасская школа (Ступинская школа) — школа иконописного и живописного дела, готовившая также учителей рисования из крепостных крестьян. Первая в России провинциальная частная художественная школа. Существовавшая в 1802–1861 гг., она была устроена Александром Васильевичем Ступиным в городе Арзамасе (Нижегородская губерния), пользовалась значительной известностью в 1840-х гг. и получила статус художественной школы.

62. Александр Васильевич Ступин (1775–1861) — русский живописец-педагог, организатор и руководитель Арзамасской школы живописи (1802–1861), первой в России провинциальной художественной школы.

63. Выездная слобода — основана в XVI в. для сторожевой службы. В 1635 г. слобода была пожалована боярину Б. М. Салтыкову и постепенно превратилась в село. В середине XIX в. здесь насчитывалось до 4 тысяч жителей. Ныне Выездное — поселок городского типа в Арзамасском районе Нижегородской области.

64. Кобылино — село в Макарьевском уезде Нижегородской губернии. Упоминаний об истории села Кобылино в открытых источниках нет, но на картах генерального межевания конца XVIII в. после передела границ в 1775–1778 гг. село Кобылино уже обозначено. До революции 1917 г. было усадьбой промышленника В. И. Шуртыгина, потомственного почетного гражданина Нижнего Новгорода. Кобылино в 1960 г. было переименовано в Липовку.

65. Смигнуть — подмигнуть, моргнуть.

66. Погребница — строение над погребом.

67. Имеется в виду книга митрополита Макария (Булгакова) «Православно-догматическое богословие».

68. Полуштоф и (разг.) полштоф (устар.) — бутыл, вмещающая 0,6 литра водки.

69. Поспех (устар.) — быстрота действий, поворотливость.

70. Эжен Сю (1804–1857) — французский писатель, основоположник уголовно-сensationного жанра массовой литературы, автор романов: «Коатвенская сторожевая башня» (1833), «Кернок-пират» (1829), «Саламандра» (1832), «Цыган» (1830), «Атар Гюль» (1831), «Маркиз де Леторье» (1839), «Латреомон» (1837), «Жан Кавалье» (1840), Матильда» (1841), «Вечный жид» (1844–1845), «Парижские тайны» (1842–1843), «Тайны народа» (1849–1857).

71. Шарль Поль де Кок (1793–1871) — французский писатель XIX в., чье имя долгое время служило для обозначения фривольности. Автор почти двухсот драматических произведений (мелодрамы, драмы, комические оперы, комедии и водевили), среди которых «Сын жены моей» (1812), «Густав, или Любовь ветреного мужчины» (1821), «Андрей Савояр» (1825), «Брат Яков» (1825), «Парижский цирюльник» (1827), «Жена, муж и любовник» (1829), «Рогоносец» (1832), «Дети бульвара» (1864).

72. Парадиз — галерка в театре.

73. Бенефициант (устар.) — артист, в пользу которого давался бенефис.

74. «Материнское благословение, или Бедность и честь» — пьеса Н. А. Некрасова, являющаяся переделкой французской пьесы А.-Ф. Деннери и Г. Лемуана «Божья милость» (1841).

75. «Графиня Клара д'Обервиль» — драма французского писателя Адольфа Дэннери (1811–1899).

76. Алексеевский женский монастырь был основан в 1632 г. в Арзамасе и первоначально именовался Новодевичьим Алексеем, человека Божия, монастырем. Алексеевский монастырь (впоследствии община) — один из крупнейших в России на рубеже XIX–XX вв. Хотя его насельницы не принимали монашеского пострига, они жили по строгому монашескому уставу. Община жила своим трудом и особо прославилась своим золотошвейным мастерством. В советское время Алексеевскую общину полностью заняли под воинскую часть.

77. Афанасий Прокопьевич Шапов (1831–1876) — российский историк и этнограф, сторонник теории регионализации (развития самоуправления на местном уровне), один из первых представителей социоестественного подхода к изучению истории России. Выпускник Казанской духовной академии (1857), профессор кафедры русской истории Казанского университета (1860), участвовал в качестве этнографа в экспедициях в Туруханский край (1866) и в Верхотурский и Балаганский округа Иркутской губернии (1874). Исследования Шапова отличаются широтой тематики: история русского раскола, духовная жизнь русского народа, происхождение и сущность государства, русская община, положение женщины в России, отношения между человеком (обществом) и природой и др.

78. Мотовило — приспособление, машина для сматывания чего-либо (пряжи, шелка, проволоки и т. п.).

79. Жамки — дешевые круглые пряники, обычно мятные.

80. Стушеваться (разг.) — стать незаметным, отступить на задний план.

81. Донце (устар.) — дощечка, на которую садится пряжа, втыкая в нее же гребень.

82. Имеется в виду архиепископ Иоанн (Доброзраков). О нем см. примечание 19.

83. Картонажными назывались изделия из бумаги и картона.

84. Яков Вилимович Брюс, при рождении Джеймс Дэниэл Брюс (1670–1735), — русский государственный деятель, военный, дипломат, инженер и ученый, один из ближайших сподвижников Петра I. В московских преданиях за ним прочно закрепилась репутация чернокнижника, мага, «колдуна с Сухаревой башни» и первого русского масона.

85. Орлец — небольшой круглый ковер с изображением орла, парящего над городом, элемент архиерейского богослужения.

86. Москательщик (разг.) — торговец москателью (красками, клеем, маслом и т. п.).

87. Малек-Адель — герой романа французской писательницы Софи Коттэн (1773–1807) «Матильда, или Записки, взятые из истории крестовых походов».

88. Опока — меловой известняк, известковый суглинок.

89. Имеется в виду епископ Амвросий (Морев). О нем см. примечание 55.

90. Сусанна — персонаж из Книги пророка Даниила, еврейка из Вавилона, ложно обвиненная некими старцами в прелюбодеянии, но спасенная благодаря мудрости пророка Даниила.

91. Иосиф Прекрасный — сын библейского праотца Иакова от Рахили, персонаж Пятикнижия.

92. Бова Королевич — герой русского фольклора, богатырской повести, а также многочисленных лубочных произведений XVI в.

93. Балакаться (устар., разг.) — плескаться.

94. Раёшник — рассказчик, показывающий раёк.

95. Раёк — вид представления на ярмарке: ящик

с передвижными картинками, показ которых на ярмарках в XVIII–XIX вв. осуществлялся через многогранные увеличительные стекла и сопровождался особыми пояснениями.

96. Раёк — дешевые верхние места в театре, галерка.

97. Пейзантин — крестьянин, идиллически изображаемый в европейской художественной литературе, живописи и театре XVIII–XIX вв.

98. Эвелина Карловна Шмитгоф (1828–1860) — оперная и драматическая актриса. Выступала на сценах театров Киева, Харькова, Нижнего Новгорода (1849, 1855–1856), Тулы (1849–1851), Москвы (1852–1855, Большой театр), Пензы, Казани, Воронежа (конец 1850-х гг.), Тамбова. Пела в операх: «Норма» Винченцо Беллини, «Цампа» Луи Герольда, «Волшебный стрелок» Карла Вебера, «Севильский цирюльник» Джоаккино Россини и других.

99. Лев (Леон) Иванович Леонов (настоящая фамилия Шарпантье) (1813–1872) — русский оперный певец (тенор) и педагог. Сын пианиста и композитора Джона Филда и французской оперной певицы Шарпантье. Первый исполнитель партии Собинина в опере «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») (1836), первый исполнитель партии Финна в опере «Руслан и Людмила» (1842), первый исполнитель партии Феба в опере «Эсмеральда» А. С. Даргомыжского (1847). Выступал часто как Леон Леонов.

100. Николай Лиханский — оперный певец в Санкт-Петербурге 1840-х гг.

101. «Норма» — лирическая трагедия в двух актах итальянского композитора Винченцо Беллини (1801–1835).

102. «Волшебный напиток» — либретто Ф. Романи по пьесе Э. Скриба «Волшебный напиток».

103. «Фра-Дьяволо, или Гостиница в Террачине» — комическая опера французского композитора Даниэля-Франсуа-Эспри Обера (1782–1871).

104. «Аскольдова могила» — романтическая, историко-бытовая опера А. Н. Верстовского (1799–1862).

105. Александр Олимпиевич Бантышев (1804–1860) — русский оперный певец (тенор).

106. «Волшебный стрелок» — романтическая опера Карла Марии фон Вебера, либретто Иоганна Фридриха Кинда по одноименной новелле Иоганна Августа Апеля и Фридриха Лауна.

107. «Скряги в тисках» — опера-водевиль режиссера, драматурга и композитора П. М. Щепина и актера и драматического писателя Н. И. Куликова (1815–1891).

108. Имеется в виду опера-водевиль французского драматурга Луи-Бенуа Пикара «Чудные приключения и удивительное морское путешествие Пьетро Дандини».

109. «Леста, Днепровская русалка» — опера русского композитора С. И. Давыдова (1777–1825).

110. «Пан Твардовский» — опера А. Н. Верстовского.

111. «Каменный гость» — опера в трех действиях А. С. Даргомыжского по тексту А. С. Пушкина «Каменный гость» из цикла «Маленькие трагедии». Написана в 1866–1869 гг.

112. «Вечный жид» — опера Фромантала Галеви по либретто Эжена Скриба и Анри де Сен-Жоржа по мотивам романа Эжена Сю.

113. Нижегородский острог — единственная в России музей-тюрьма. Построена в 1823 г. До 1917 г. здесь содержались преступники, осужденные нижегородскими судами, и те, кто следовал по этапу в Сибирь. В разное время здесь находились в заключении известные общественно-

политические деятели, представители интеллигенции и участники революционного движения XIX–XX вв.: писатели В. Г. Короленко, А. М. Горький, соратники В. И. Ленина по политической борьбе — Ф. Э. Дзержинский, Я. М. Свердлов, Н. А. Семашко и многие другие. В 1981 г. бывший тюремный корпус острога был передан Нижегородскому государственному историко-архитектурному музею-заповеднику для размещения экспозиции.

114. Николай Иванович Греч (1787–1867) — русский издатель, редактор, журналист, публицист, переводчик, педагог, филолог. Известен как автор авторитетных грамматик русского языка и многочисленных учебных пособий: «Практическая русская грамматика» (1827), «Пространная русская грамматика» (1827), «Начальные правила русской грамматики» (1828), называемые с 10-го издания «Краткой русской грамматикой», «Русская азбука» (1846), «Учебная русская грамматика» (1851–1852), «Руководство к преподаванию по учебной русской грамматике» (1851), «Задачи учебной русской грамматики» (1852), «Русская грамматика первого возраста» (1860–1865).

115. Эскориал — монастырь, дворец и резиденция короля Испании Филиппа II (1527–1598).

116. Фонтенбло — дворец эпохи Ренессанса во французском департаменте Сена и Марна, вокруг которого со временем сформировался город Фонтенбло. Здесь жили многие правители Франции, начиная с Людовика VII и заканчивая Наполеоном III.

117. «Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал универсального содержания, выходивший в Санкт-Петербурге в 1834–1865 гг., первый многотиражный журнал в России. Редактором журнала был профессор Санкт-Петербургского университета и литератор О. И. Сенковский (1800–1858).

118. Унтер (устар., прост.), унтера, (муж., разг.). — в ряде армий общее название младшего командного состава: командиров отделений, помощников командиров взводов и т. п. Как правило, унтер-офицер относится не к офицерскому, а к рядовому составу.

119. Фельдфебель — чин (воинское звание и должность) унтер-офицерского состава в армии России (до 1917 г.) и некоторых других европейских стран.

120. Экзерциция (упражнение) — в военном деле данный термин получил распространение в XV–XVIII вв. в русской и ряде европейских армий для обозначения тактических и строевых мероприятий по обучению войск.

121. Бруствер (воен.) — земляная насыпь, вал на наружной стороне окопа для укрытия бойцов и орудий от неприятельского огня.

122. Октябрьская улица — одна из центральных улиц Нижнего Новгорода. Название присвоено в 1927 г. в честь 10-летия Октябрьской революции. До 1918 г. — Дворянская улица, в 1918–1927 гг. — улица Троцкого.

123. Лыкова дамба — район у реки Почайны, переход через почайнский овраг. Построена для предотвращения оползней.

124. Георгиевская башня (Егорьевская башня) — самая восточная башня Нижегородского кремля.

125. «Волжское пароходство» — российская судоходная компания со штаб-квартирой в Нижнем Новгороде. Основана в 1843 г. («Пароходное общество по Волге»), являлось старейшим пароходством в России.

126. Застава — вид грузового судна.

127. Беляна — плоскодонное судно для сплава лесных материалов. По прибытии на место беляна разбирается на дрова.

128. Тихвинка — небольшое беспалубное деревянное грузовое речное судно, баржа.

129. «Пантеон русского и всех европейских театров» — иллюстрированный театральный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1840–1841 гг. На его страницах печатались лучшие пьесы отечественной и зарубежной драматургии, мемуары, очерки о жизни и творчестве артистов, статьи по истории российских и зарубежных театров.

130. Пётр Иванович Куминский (1767/1768–1839) — автор учебника «Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению юношества», выдержавшего с 1808 по 1848 г. 19 изданий.

131. «Начатки христианского учения, или Краткая Священная история и краткий катихизис» митрополита Московского Филарета (Дроздова) (1823).

132. Протоиерей Федор Михайлович Надеждин (1813–1876) — русский духовный писатель первой половины XIX в.; окончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Автор книг «Очерк истории философии по Рейнгольду» (СПб., 1837) и «Опыт науки по философии» (СПб., 1845).

133. Нотатор — надзиратель из числа семинаристов.

134. Своекоштный — находящийся на собственном содержании во время обучения.

135. См. примечание 114.

136. Архимандрит Аполлоний (в миру Алексей Антонович Матвеевский; 1801–1861) — ректор Нижегородской духовной семинарии (1842–1851).

137. Нотат — особая тетрадь для записи баллов и поведения учащихся.

138. Архимандрит Варлаам (в миру Василий Лашевский, или Ляшевский; 1704–1774) — духовный писатель, педагог, ректор Московской славяно-греко-латинской академии. Составил на латинском языке греческую грамматику, которая в первый раз напечатана была в Бреславле в 1746 г. Его ученик и преемник в преподавании, иеромонах Георгий (Щербатский), исправил эту книгу и снабдил примерами. Это исправленное издание, с присоединенной к нему Н. Н. Бантыш-Каменским греческой хрестоматией, было несколько раз перепечатано в Лейпциге, а в 1818 г. — в Москве. Оно долгое время было настольной книгой во всех духовных семинариях.

139. Речь идет о книге митрополита Московского Филарета (Дроздова) «Пространный православный катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви».

140. Гребешок — историческое место в Нижнем Новгороде. Расположен на правом берегу Оки. Название «Гребешок» пошло оттого, что в плане изрезанный оврагами берег напоминает петушиный гребень. До середины XIX в. гора называлась Ярилиной, или Ярилой (в честь божества плодородия Ярилы).

141. Протоиерей Александр Поликарпович Владимирский (1821–1906) — ректор Казанской духовной академии. Выпускник Киевской духовной академии (1846), иерей (1847), профессор кафедры православного богословия Казанского университета (1850), декан историко-филологического факультета Казанского университета (1864–1871). Преподавал также логику, психологию и философию. В 1851 г. назначен настоятелем университетской Крестовоздвиженской церкви. В 1867 г. возведен в сан протоиерея. В 1871–1895 гг. ректор Казанской духовной академии, ординарный профессор кафедры основного богословия (1871–1884), ординарный профессор по кафедре введения в круг богословских

наук (1884–1886). С 1871 г. главный редактор журнала «Православный собеседник» и газеты «Известия по Казанской епархии». Автор трудов, посвященных доказательству подлинности описываемых в Священном Писании событий, в которых опирается на западноевропейские исследования. Ему принадлежат переводы нескольких западноевропейских работ по библеистике.

142. Корнелий Непот (100 до Р. Х. — после 32 по Р. Х.) — древнеримский историк и поэт. Автор сочинения «Хроника», «Примеры», «О знаменитых людях».

143. Вокабулы — списки слов с переводом для заучивания наизусть.

144. Ферула — линейка, которой в старину били по ладони провинившегося ученика. Попасть под ферулу (устар.) — строгое обращение, бдительный надзор.

145. Полкан-богатырь — персонаж «Повести о Бове Королевиче», кентавр (существо с телом наполовину человеческим, наполовину лошадиным), в некоторых вариантах — кинокефал (с песьей головой), обладающий огромной силой и скоростью.

146. Еруслан Лазаревич — герой древнерусской книжной сказочной повести и фольклора.

147. Архиепископ Макарий (в миру Николай Кириллович Миролюбов; 1817–1894/1895) — духовный писатель и историк, собиратель материалов об истории Нижнего Новгорода. Один из первых в Нижегородской епархии принял на себя труд «заняться описанием древних церковных памятников, раскрыть скрижали местной церковной истории и прочитав древние хартии». Из-под его пера вышло более 40 книг и различных историко-краеведческих публикаций. Самыми значимыми его трудами стали книги «История Нижегородской иерархии», «Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния» и «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях», которые и по сей день не потеряли своей актуальности.

148. Архимандрит Паисий (в миру Петр Лукич Михайлов (Понятовский); 1800–1879). О нем см. примечание 5 к предисловию «Автобиографии».

149. Епископ Феофил (в миру Федор Иванович Надеждин; 1808–1865) — епископ Самарский и Ставропольский. Учился в Рязанской семинарии (1824–1829 гг.). В 1829 г. поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1830 г. уволился из академии по болезни. В 1831 г. вновь принят в академию; 29 июля 1833 г. рукоположен во иеромонаха; 6 октября того же года, по окончании академии со степенью магистра, назначен инспектором и учителем Волынской семинарии. В 1841 г. назначен ректором Полтавской семинарии. 3 апреля 1850 г. переведен ректором в Курскую семинарию и назначен настоятелем Рыльского Николаевского монастыря. В 1851 г. определен ректором Нижегородской семинарии и настоятелем Печерского Благовещенского монастыря. 13 января 1857 г. хиротонисан во епископа Самарского и Ставропольского. С 4 октября 1858 г. ему поручалось управление Симбирской епархией, с 15 октября 1863 г. — Саратовской епархией. Скончался 31 декабря 1865 г.

150. Онагр (ц.-сл.) — дикий осел, обитающий в Передней, Средней и Центральной Азии, упоминается в Библии.

151. Хрия — термин риторики, совокупность приемов для развития предложенной темы.

152. Иван Степанович Пенинский (1791–1868) — автор книг «Славянская хрестоматия, или Памятники отечественной письменности от XI до XVIII вв.» (5-е изд., 1849), «Российская хрестоматия, или Отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах» (1833–1834).

153. Жан Батист Капефиг — автор книги «Философическая история иудеев со времени упадка племени Маккавеев до наших дней» (1837).
154. Иван Кузьмич Кайданов (1782–1843) — русский педагог, автор учебников: «Основание всеобщей политической истории. Ч. I. Древняя история» (СПб., 1814), «Руководство к познанию всеобщей политической истории» (СПб., 1821, 13 изд.), «Краткое начертание всемирной истории» (СПб., 1821, 16 изд.), «Начертание истории государства Российского» (СПб., 1829, 4-е изд.).
155. Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) (1818–1883) — русский писатель, историк, этнограф. Основной темой его сочинений было старообрядчество.
156. Речь идет об архиепископе Макарии (Миролюбове). Еще будучи преподавателем и инспектором Нижегородской духовной семинарии, иеромонах Макарий публиковал материалы по церковной истории и археологии Нижегородского края. Начиная с 1848 года на страницах «Нижегородских губернских ведомостей» регулярно появлялись его исторические статьи и сообщения.
157. Возможно, речь идет об Алексее Ивановиче Пискарёве — этнографе и археологе, авторе трудов: «Азбучный указатель сведений о России, заключающихся в неофициальной части губернских ведомостей с 1838 по 1851 гг.», «Рязанские иерархи» (1846), «Собрание надписей с памятников рязанской старины», «Древние грамоты и акты Рязанского края» (Санкт-Петербург, 1854).
158. Буффонство (устар.) — шутовство, кривляние.
159. Степан Иванович Райковский — профессор Санкт-Петербургской духовной академии, автор учебника «Начальные основания геометрии, сочиненные для руководства в духовных учебных заведениях» (1828).
160. Целовальник (устар.) — продавец вина в питейном заведении, кабаке.
161. «Роберт Дьявол» — средневековая легенда, положенная в основу анонимного французского рыцарского романа XIII в. Первое печатное издание во Франции вышло в 1496 г. Роберт Дьявол (1000–1035) — граф Йемуа в 1026–1027 гг., герцог Нормандии с 1027 г.; младший сын герцога Ричарда II Доброго. Согласно средневековому преданию, душа Роберта II еще до его рождения была посвящена дьяволу. В течение своей жизни герцог Роберт носил прозвания как Великолепный, так и Дьявол.
162. Компанство (устар., разг.) — компания, общество для провождения времени.
163. Фактотум (устар. от латин. fac totum — буквально «делай все») — доверенное лицо, выполняющее всяческие поручения.
164. Напрыжиться (устар.) — надуться.
165. Епископ Иеремия (в миру Иродион Иванович Соловьев) — духовный писатель (1799–1884). Учился в Санкт-Петербургской духовной академии, был ректором Киевской духовной академии, епископом Чигиринским, Кавказским и Черноморским, Полтавским. В 1850 г. переведен в Нижний Новгород. В 1857 г. Епископ Иеремия оставил кафедру и в 1860 г. тайно постригся в схиму с именем Иоанн. Скончался 6 декабря 1884 г. Погребен в Благовещенском Нижегородском монастыре. Во всех местах своего служения епископ Иеремия заботился об устройстве духовно-учебных заведений и о бедных духовного звания.
166. Перемогаться (разг., устар.) — стараться преодолеть болезнь, не поддаваться ей, не желая переходить на положение больного.
167. Нанковый — сделанный из нанки, грубой хлопчатобумажной ткани из толстой пряжи, обычно желтого цвета.
168. Черняк (разг.) — черновик.
169. Камера-обскура — оптический прибор, простейшее устройство, позволяющее получать оптическое изображение предметов.
170. «Русский художественный листок» — печатный сборник, журнал, издавался живописцем и рисовальщиком В. Ф. Тиммом в течение 12 лет, с 1851 по 1862 г., в Санкт-Петербурге, три раза в месяц. Рисунки (литографии), с небольшим объяснительным текстом, печатались в два тона, красками.
171. Ф. Бахман (1785–1855) — автор учебника «Система логики», в 3 частях (1833).
172. Митрополит Палладий (в миру Павел Иванович Раев, 1827–1898) — архиерей Православной Российской Церкви. Выпускник Киевской духовной академии (1852), инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1862–1864), ректор Санкт-Петербургской духовной семинарии (1864–1866), Епископ Ладужский, викарий Санкт-Петербургской епархии (1866–1869), Епископ Вологодский и Велико-Устюжский (1869–1873), Епископ Тамбовский и Шацкий (1873–1876), архиепископ Рязанский и Зарайский (1876–1882), архиепископ Казанский и Свияжский (1882–1887), архиепископ Карталинский и Кахетинский, Экзарх Грузии (1887–1892), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (1892–1898).
173. Арзамасская Высокогорская мужская общежительная пустынь — монастырь, основанный в четырех верстах к северо-западу от Арзамаса в 1716 г. В 1921 г. постановлением Арзамасского уездного исполкома обитель была ликвидирована. В настоящее время на ее территории располагается ФКУ «Арзамасская воспитательная колония» ГУ ФСИН России по Нижегородской области.

ЦЕРКОВЬ В ЧЕСТЬ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ
«ЗНАМЕНИЕ» И СВЯТЫХ ЖЕН МИРОНОСИЦ.
НИЖНИЙ НОВГОРОД, УЛ. ДОБРОЛЮБОВА
(БЫВШАЯ МИРОНОСИЦКАЯ)

